

[Polaris]

А. СВИДА

ЗА ЗАКРЫТЫМИ СТАВНЯМИ

Русский оккультный роман

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXIX

Salamandra P.V.V.

**АЛЕКСАНДРА
СВИДА**

ЗА ЗАКРЫТЫМИ СТАВНЯМИ

Роман

Русский оккультный роман
Том I

Salamandra P.V.V.

Свида А.

За закрытыми ставнями: Роман (Русский оккультный роман, т. I). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 145 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXIX).

В окружении чеховских дач и зловещей заброшенной усадьбы зверски убита семья полковника. Сыщики, распутывающие сложное дело, сталкиваются с необъяснимыми явлениями. Ранки на шее юной жертвы напоминают о вампиризме, загадочный медиум похож на оборотня. В воздухе витают призраки, а тем временем кружок московских оккультистов под председательством приват-доцента Сталина собирается на спиритический сеанс...

Захватывающий фантастический детектив А. Свида – первая часть дилогии об агенте уголовного сыска Зенине и расследовании, ставшем делом его жизни. Роман вышел в свет в 1931 г. и переиздается впервые.

Книга А. Свида продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции и одновременно открывает в рамках серии новую подборку – «Русский оккультный роман».

А. СВИДА

ЗА ЗАКРЫТЫМИ СТАВНЯМИ

РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ М. ДИДКОВСКАГО

1931

РИГА

1931

**ЗА ЗАКРЫТЫМИ
СТАВНЯМИ**

Григорию Дмитриевичу Гребенщикову,
талантливому автору романа «Братья
Чураевы», настоящий свой первый,
скромный литературный труд посвящаю.

ПРОЛОГ

Трагедия на Гренельской улице

Стоял август месяц, жаркий и прекрасный после многих дней холода, дождя и непогоды.

Пользуясь последними днями лета, праздный народ переполнил скверы и бульвары. Всюду пестрели элегантные наряды дам, скромные уборы гувернанток и бонн, яркие и красивые костюмчики детей и, среди них, темные пятна щегольски одетых мужчин.

По одной из боковых аллей медленным шагом прогуливался молодой человек с худым изможденным лицом, на котором резко выделялись выразительные темные глаза, глядевшие на все окружающее пристальным и внимательным взглядом.

Одет он был в недорогой, но изящный костюм и ботинки модного фасона. Белье безукоризненной чистоты, галстук последней моды и завязан весьма старательно и красиво. Однако, при более внимательном взгляде, при виде той осторожности, с которой он садился, следя, как бы не измять костюм, было видно, что материальные условия молодого человека оставляют желать много лучшего.

Погуляв, он сел на скамью и грустным взглядом окинул окружающий его парк.

После некоторого раздумья, он вынул бумажник и считал деньги.

— Не блестяще, — проговорил он про себя, — хорошо еще, что у меня оплачена квартира. При скромной жизни, — хватит еще месяца на два, а потом...

Лицо молодого человека нахмурилось, очевидно, это «потом» представлялось в весьма мрачном свете. Впрочем, озабоченность его скоро прошла, морщинки на лбу исчезли, губы сложились в улыбку, а рука нащупала в кармане револьвер.

Но почти в тот же миг у него перед глазами проплыла картина комнаты с затянутыми зеркалами, с гробом посредине, на кружевной подушке которого покоилась голова старушки с величаво строгим лицом.

Больно сжалось сердце молодого человека, а мозг его прорезала мысль: спи спокойно, мама... данную тебе клятву я помню и сдержу...

Да мне не привыкать стать, и не в таких бывал переделках, — и выпутывался.

— Ничего!.. — громко произнес он. — А теперь читаем, что пишут в газетах.

— Надоела эта политика в России... все равно не вернуться туда скоро. А хорошо бы домой!.. Вот, например, здесь... — погрузился он в мысли, — бесспорно, здесь прекрасно... цивилизация, удобства, отношение, какого я не встречал у себя дома, — французы удивительно расположены к русским, — а все же это не Москва!.. Нет, — что бы там ни говорили скептики против чувства патриотизма, — а все же оно глубоко заложено в душе каждого человека, и великая истина заключается в словах поэта: «И дым отечества мне сладок и приятен».

— Ну, Впрочем довольно философствовать, — посмотрим, что делается на белом свете.

Столбец за столбцом рассеянно проглядывал он газету, не проявляя особого интереса, и готов был уже свернуть ее, — когда взгляд его упал на следующий заголовок: «Трагедия в Гренельской улице, — загадочное преступление».

— А, это уже по нашей части! Ну-ну, — посмотрим. — И молодой человек начал читать, сначала рассеянно, — потом

внимательнее, — и, наконец, совершенно ушел в чтение, не обращая уже внимания ни на что окружающее.

Прочел он раз, другой и, наконец, в третий — прочел уже вслух, точно стараясь глубже вникнуть в смысл написанного.

«Вчера ночью, — читал он, — Гренельская улица, этот тихий, аристократический квартал, стал театром страшного и загадочного преступления. — В доме под № 86, представляющем из себя роскошный двухэтажный особняк, проживал барон Карл Начесси, человек богатый и любивший широкую жизнь. Он был хорошо известен всему Парижу как спортсмен и человек общества. Его добрый, отзывчивый характер создал ему много друзей во всех слоях общества. Его широкая благотворительность была также всем известна; одному только русскому эмигрантскому обществу он пожертвовал около трех тысяч фунтов стерлингов. И этот-то, всеми любимый и уважаемый человек, был найден мертвым в своем кабинете. При каких обстоятельствах совершено преступление — неизвестно. Барон Начесси возвратился из клуба около 11-ти часов вечера и сразу прошел в свой кабинет, — приказав слуге подать кофе и ложиться спать. Слуга буквально исполнил приказание, зная, что в таких случаях барон всегда, до глубокой ночи, занят срочной работой. Наутро он, войдя в кабинет, нашел барона мертвым. Слуга поднял тревогу, тотчас были вызваны полицейские власти и судебный следователь, энергично принявшийся за расследование. Судебно-медицинская экспертиза установила, что преступление было совершено около 3 часов ночи и что барон был умерщвлен уколom булавки от галстука в сонную артерию. Орудие убийства было найдено в комнате, очевидно, забытое или потерянное преступником. При освидетельствовании тела врачом обратило внимание следующее, весьма странное, обстоятельство: края раны носили такие признаки, точно кто-нибудь высасывал из нее кровь. Что означает это явление, а равным образом, как проник преступник в кабинет барона, — установить не удалось. Прислуга находится вне по-

дозрения. — Вообще все дело представляется крайне загадочным».

Окончив чтение, молодой человек провел рукой по лбу.

— О, Боже! Неужели опять? Нет — не может быть. Однако... — и он снова схватил газету. Рука его заметно дрожала. — «Точно кто-то высасывал кровь» — повторил он слова газетного сообщения.

— Молчать не буду, — не могу! Все, что хотелось уже похоронить в душе, должно опять выйти на свет. Это мой долг...

Волнение улеглось, — он встал и твердым шагом направился к выходу.

— В префектуру полиции!.. — приказал он, садясь в один из «такси», стоявших при выходе из парка.

Через десять минут он уже был в префектуре и передавал жандарму свою визитную карточку, на которой стояло: «Владимир Зенин. Бывший помощник начальника Уголовного розыска в Москве». С приписанными внизу словами: «По делу об убийстве в Гренельской улице. Весьма срочно».

* * *

Все веселилось в этот прекрасный августовский день. Весело было и в большом кабинете начальника префектуры. Через открытые окна вливались шум и оживление города. Лучи солнца играли и переливались в хрустале чернильницы и граненого стакана с недопитым бургундским.

Один только начальник префектуры г. Леруа не разделял общего веселья. Наоборот, он был решительно в скверном настроении.

Нервной рукой он перелистывал лежащие на столе дела, оставлял это занятие, хватался за газету, — но снова возвращался к делам.

Дело по убийству в Гренельской улице уже широко толковалось в прессе, причем мнение последней о деятель-

ности парижской префектуры, ставшей в тупик перед загадкой убийства барона, было далеко не лестно.

Это-то и приводило в дурное настроение г. Леруа. Когда же он вспомнил, что за последнее время было еще два три нераскрытых преступления, то настроение это еще более ухудшилось. Он закурил сигару и, закрывши глаза, откинулся на спинку кресла.

В дверь постучали и на пороге появился жандарм, протягивая визитную карточку.

— Что такое? — резко спросил начальник, принимая карточку. — «Владимир Зенин и пр.»...

— К дьяволу!.. Набралось этих эмигрантов, дышать от них нельзя. Вероятно, места просит, — у нас и без него остолопов полно...

В этот миг взгляд его упал на приписку «По делу об убийстве в Гренельской улице» и гнев его тотчас утих.

— Просить! — последовало короткое приказание. — Ловкий, очевидно, малый, — рассуждал он про себя, — сумел воспользоваться предложением, зная, что это дело наше большое место. Ну и распеку же я его, — грозился мысленно Леруа, все еще чувствовавший потребность кого-нибудь распечь.

Тем временем Зенин уверенным и спокойным шагом входил в кабинет. Изящно поклонившись, он, по приглашению Леруа, подошел к столу и занял указанное ему место.

— Прошу извинить, что осмелился беспокоить вас, — не ожидая вопроса, начал Зенин, — но верьте, что если бы я не знал, что мое вмешательство может в той или иной степени помочь правосудию...

— Вы действительно знаете что-либо по этому делу? — с нескрываемым удивлением спросил начальник префектуры.

— Вашей первой мыслью, г. Леруа, было, конечно, что я пользуюсь этим делом для того только, чтобы проникнуть к вам с целью просить о месте, — отпарировал Зенин, давая доказательство своей проницательности.

Это понравилось начальнику и, меняя тон на крайне любезный, он попробовал разуверить русского экс-детектива.

— Непосредственно по делу об убийстве в Гренельской улице я ничего не знаю, — продолжал Зенин, — но мне кажется, что я знаю имена убийц или, вернее, знал их в России. По описанию в газетах я узнал их способ лишать жизни намеченные жертвы.

— Так это не первое такое дело? — спросил начальник префектуры.

— О нет, г. Леруа. В 1912 году, с такими именно признаками, была убита в Борках под Москвой дочь полковника Ромова. Там же, и таким именно способом, убита была бедная работница. В 1914 году, буквально со всеми теми же признаками, был убит миллионер Данилов, — и в ту же ночь так же была убита в Москве известная певица — Мари Перрье. Когда произошло последнее убийство, мне наконец удалось узнать личности убийц и я почти уже настиг их в Данциге, но начавшаяся война помешала преследованию преступников, успевших перебраться на германскую территорию, а я должен был срочно возвратиться назад.

— Что же вы можете рассказать по поводу этих убийств? — усаживаясь удобнее в кресле и подвигая к Зенину ящик с сигарами, спросил Леруа.

Машинально взял и закурил Зенин сигару. Между бровей легла глубокая складка, потемнели и точно вглубь ушли серьезные глаза, как будто там, глубоко, искал он ответа на заданный вопрос.

Леруа терпеливо ждал, ни одним движением не нарушая тишины. Его опытный глаз и врожденное чутье сразу подсказали ему, что заговорит ушедший в себя Зенин, и в руки его попадет нить от какого-то запутанного и страшного клубка.

— Извините мне мое молчание, г. Леруа, — очнулся наконец Зенин. — Ваш вопрос затронул запутанное, страшное дело, длившееся более двух лет. В нем реальное переплелось с небылицами потустороннего. Убийства, по-видимому, бесцельные, сплелись в одну гирлянду с убийствами

ради грабежа и мести, а в результате... — выход в отставку даровитого, благороднейшего человека, — начальника московского уголовного розыска г. Кноппа, — чудом уцелевшая жизнь вашего покорного слуги, — бесславная смерть моего храброго и способного товарища Орловского и благополучный выезд за границу международной шайки преступников.

— Взглянувши глубже на дело убийства барона, вы, г. Леруа, быть может, предотвратите много других преступлений, а также поможете вашему достойному коллеге г. Кноппу снять с себя пятно бездеятельности.

— Помимо моей преданности делу службы, я с особым удовольствием помог бы моему коллеге, которого я знал лично и глубоко уважал. С этого дня я сам, со всеми имеющимися в моем распоряжении средствами, к услугам этого дела, — быстро проговорил начальник префектуры. — Вы же с этого момента состоите у нас на службе и поделитесь со мной подробными сведениями по поводу оперировавшей в России шайки.

Опять перед глазами Зенина проплыло, на этот раз кротко улыбающееся, лицо матери. Поднявшись с кресла, он низко склонился перед начальником префектуры.

— Считаю величайшей честью, — заговорил он, — отдать свои силы и саму жизнь, если окажется нужным, на службу славного парижского розыска. От всей души желаю, чтобы исход этого рокового дела был в ваших руках более удачен и благополучен.

— В добрый час, — серьезно и торжественно произнес Леруа.

— Прикажете ли посвящать вас во все детали этого дела, а следовательно, и во все вплетшиеся в него небылицы?

— Да, я прошу самого широкого и всестороннего освещения, со всеми привходящими обстоятельствами, как бы они, на первый взгляд, ни казались ничтожными. Меня всегда интересовала Россия. Я много времени потратил на изучение ее языка, своеобразного быта, условий жизни и, думается мне, смогу ориентироваться в самых сложных

перипетиях вашего рассказа, — закончил Леруа, перейдя неожиданно на русский язык.

— Вы правы, г. Леруа, — восхищенно взглянул на него Зенин. — Нужно почувствовать себя своим среди всех, вольно или невольно, участвующих в этом деле людей; а потому, если позволите, я привезу вам для прочтения рукописи недавно умершего в Париже русского эмигранта князя Шацкого. Он правдиво и подробно, как очевидец, описал всю эту историю, внеся только легкую романическую окраску и изменив имена лиц и названия местностей, так как многие из его героев живы и по настоящее время.

* * *

Глубокий вечер. Большой кабинет начальника префектуры погружен в полумрак. Огромная лампа, затененная абажуром, скупое освещает комнату и только бросает яркий сноп света на письменный стол и лежащие на нем белые тетради. С каким затаенным, близким к страху, недоброжелательством смотрит на них Леруа.

Он, свободный гражданин Франции, добровольно готовится погрузиться в дебри жуткой, пока чуждой ему драмы, которая заведет его вглубь, — всегда своеобразной, полной неожиданностей, — а теперь бурлящей политической борьбой страны.

Имеет ли он право бросить туда, быть может, на мученичество и смерть, своих лучших сотрудников?

Он чувствовал, что стоит открыть первую страницу, и засосет его какая-то запутанная, жуткая интрига, из которой уже не будет отступления, а в результате... или победа, или участь русского коллеги Кноппа, а может быть, и смерть для многих и многих...

Замерла в воздухе протянутая было к рукописи рука. Опять сердце сжалось злым чувством к лежащим тетрадям, властно зовущим его в страну бурлящую и клокочущую, как только что взорвавшийся вулкан.

Под упорным, немигающим взглядом белый лист начал увеличиваться до бесконечности, принял вид снежной пелены, заблестел, заискрился, обдал его холодом.

Это уже необъятная снежная равнина. На ней чуть обозначилась малоезженная дорога... Где-то далеко звенит под дугой колокольчик, с ним сливается протяжный волчий вой...

Снежная равнина постепенно сменилась протянувшейся среди дремучего леса песчаной дорогой... В лицо пахнуло сухим жаром, грудь наполнилась густым смолистым запахом сосны... Звон колокольчика и волчий вой перешли в веселое щебетание птиц и, из мрака кабинета, вдруг прямо в лицо ему глянули простодушные, детские, доверчивые глаза загадочного гиганта-народа, что распался, как карточный домик, под дуновением ничтожной кучки чужеземных авантюристов...

Леруа провел рукой по глазам, отгоняя нелепую галлюцинацию, улыбнулся мысли, что, еще не заглянув в это роковое дело, начинает уже нервничать, как слабая женщина, — и твердой рукой открыл первую рукопись, на которой крупно, четко были написаны три таких скромных слова:

«За закрытыми ставнями».

Глава 1

Маленький Шерлок Хольмс

Яркое июльское утро.

Прямая, как стрела, аллея пирамидальных тополей весело блестит своим гравием под утренними лучами солнца.

На теневой стороне еще не обсохла совершенно роса, и зелень от этого выигрывала в своих красках.

Весело порхают среди деревьев птички, — их не пугает еще шум автомобилей и экипажей, смех и говор людей. Все еще спит...

Ведь это не город, а большое модное дачное место Борки, и солнечные часы на лужайке едва показывают семь.

Кому тут быть? — Аллея только для катания и прогулок.

Но вот с боковой дорожки показался сторож в светло-зеленой форме, с метлой и граблями в руках.

Вышел на солнышко, снял картуз и залюбовался на Божий мир. — Дожил до леточка, слава тебе Господи, — шепчет беззубый рот. — А и хорошо же ты, красное!.. как это людям спится в такую благодать? хоть бы одна душа!..

Ан нет, — вот старушка, такая чистенькая, благообразная, тихо идет по боковой дорожке, вероятно, направляется в церковь или так же, как и он, не хочет проспать благодать и приволье летнего утра...

Льет свои лучи солнце на деревья, цветы, скамейки по краям дорожек, на чирикающих и порхающих птиц, в веселый гомон которых вдруг ворвался беззаботный, чистый, как звон серебряного колокольчика, детский смех.

Скрипит гравий под резвыми ножками и на аллею буквально вылетают два мальчугана. Один лет 10-11, в синем костюмчике и лихо заломленной набекрень соломенной фуражке.

Худошавое, смуглое личико брызжет весельем, но видно, что ему свойственно и серьезное выражение. В глазах уже светится проблеск мысли, а на лбу, по временам, он умеет собрать морщинку.

Еще бы! — так всегда делает папа, когда большими шагами ходит по кабинету, обдумывая свою защитительную речь.

Их папа знаменитый адвокат, — и Коля тоже обязательно хочет быть знаменитым, когда вырастет.

Вот только колеблется еще в выборе профессии, — неплохо быть знаменитым разбойником, как например Лейтвейс, и жить в пещере, или преступным доктором Кварцем.

Но тогда меня поймает Ник Картер! Нет, уж лучше я сам буду Шерлоком.

И для начального сходства Коля вынул карандаш из кармана и вложил его в рот. Шерлок не расстается с трубкой — на всех книжках это нарисовано.

Смех застыл, ручонки засунуты в карманы и бег перешел в деловой шаг. Перешел на шаг и 5-6-летний братишка Боря.

Что за чудная картинка в зелено-солнечной рамке...

Прелестный бело-розовый полненький бутуз. На пухленьком личике очаровательные ямочки, а на снежно-белый воротник каскадом сбегает золотистые кудри.

Неужели на это ангелоподобное личико поднимется какая-либо преступная рука, чтобы нагнать выражение нечеловеческого ужаса и грубо, резко разорвать розовую завесу жизни перед этими бездонно синими глазами?!...

Нет, конечно, что может угрожать ему в этом людном дачном месте, где только пылкое детское воображение населило цветники и лужайки ядовитыми змеями, а парк и сады богатых дач — разбойниками.

А вот и блюститель порядка — городской.

Спокойно стоит на перекрестке и ласково смотрит на славных мальчуганов. Их знают здесь все. Это дети адвоката Плевина.

— Что же это их одних пустили? Хоть и то сказать, еще езды никакой нет, когда же и побегать им на воле.

— Ну ты! — скорей, скорей, коротконожка! — деловито прикрикнул Коля на отстающего братишку. — Скоро полковник встанет, а нам ведь нужно под самым его окном оборвать клубнику так, чтобы нас никто не видел.

— Ну для чего мы должны лезть через забор и красть клубнику, когда мама и так дает нам ее сколько угодно, а полковник любит нас и всегда дает нам конфеты?

— Глуп ты непроходимо, Боря, я объяснял тебе, что мне необходимо проверить на личном опыте, правда ли, что преступника всегда неудержимо тянет прийти и посмотреть на место своего преступления. Это-то их и губит так часто. Необходимо научиться сдерживать себя.

— Как же ты будешь себя сдерживать, когда, быть может, сегодня же мама пошлет нас сюда звать полковника с женой к нам, или возьмет нас на общую с ними прогулку, или их Милочка уже встала и позовет нас к себе в парк играть в мяч? Право, Коля, заберемся лучше в какую-нибудь чужую дачу, не так стыдно будет, если нас поймают.

— Я тебе сто раз объяснял, что преступление должно быть строго обдуманно и распланировано, а местность убийства хорошо изучена. А чью же еще чужую дачу я так хорошо знаю?..

— Убийства?!.. А кого же мы будем убивать? Ты говорил, что мы только оборвем самую крупную клубнику.

— Ну да, — я только для важности сказал «убийство». Для убийства мы должны еще немного подрасти. А пока шевелись да вынь палец изо рта, а то я вот надеру тебе ушонки.

— Надерешь уши? — задорно остановился малыш и даже ручонки заложил за спину. — А вот я вернусь да и скажу маме, что она позволила нам побегать немного по парку около дачи, а ты увел меня убивать полковника.

— Господи, какое нужно с тобой терпение! — ведь ты же обещал быть моим соучастником.

— Ну, хорошо, я буду соучастником, мне все равно. А только ты смотри, не убей меня потом из страха, что я тебя выдам, как ты говорил, часто делают преступники.

— Я же уж обещал, что не убью. Да и защищать нас будет папа, а он, не забывай, знаменитый адвокат, и мама всегда говорит, что мы должны во всем идти по его следам.

— Тише! Вот и ограда сада. Смотри-ка, калитка не прикрыта даже, а ставни заперты: все, значит, еще спят.

— Нет, не спят. Иван встает рано. Вот он выйдет из-за угла и задаст нам за клубнику.

— Ивана нет. Я слышал, как полковник говорил вчера папе, что у Ивана заболела мать и он отпустил его домой на неделю. Кухня окном и дверью выходит во двор, и сад Аннушке не виден. Я все строго обдумал. Видишь и доказательство, что нет Ивана, у них всегда так чисто выметены дорожки, а сейчас — ишь, наследили и прямо через

клумбу.

Говоря так, Коля машинально затирал следы своей маленькой ножкой.

Вот и терраса. Тихий ветерок чуть шевелит полосатой обивкой и шаловливо пробегает по большой клумбе, полной душистых цветов.

Воздух густо напоен их ароматом.

Солнце льет теплые лучи на красиво распланированный сад, на прелестную детскую группу, присевшую на одну из скамеек, на кусты пышных роз у ступенек террасы, на которой резкой дисгармонией выделялся сдвинутый на сторону стол и опрокинутое плетеное кресло.

— Смотри-ка, Коля, сломан куст палевых роз, самый любимый Ирины Степановны, и на нем висит такой красивый пестрый лоскуток. Давай снимем его и подарим какой-нибудь девочке на куклы.

— Молчи и не мешай мне думать! — остановил его Коля.

— Хорошо, мне все равно, только пора рвать клубнику, а то вон уж у них приоткрыта балконная дверь. Сейчас кто-нибудь выйдет, и — я уж хочу есть.

— Говорю, молчи! Я теперь не преступник — а Шерлок Хольмс и обдумываю, почему у них открыты все двери, а никого нет. Нужно посмотреть, нет ли на песке перед террасой пляшущих фигур.

— Пляшущих фигур? Да нам и отсюда видно, что перед террасой никого нет, а ты говоришь — пляшущие фигуры.

— Боже мой, как ты глуп! «Пляшущие фигуры» — это название рассказа...

— И вовсе не глуп, — вспомнил: «Шерлока с трубкой».

— Не Шерлока, а Конан-Дойля. Шерлок — это его герой, знаменитый сыщик.

— Ну пусть Конан-Дойля, мне все равно.

— И ты теперь не соучастник преступника, а Гарри, ученик и помощник Шерлока.

— Хорошо, буду Гарри, мне все равно, а только дома, верно, уж готовы яички или манная каша. Я так хочу есть.

— Господи, раз ты Гарри, то и не манная каша, а два яйца всмятку и кровавый бифштекс.

— Кровавый бифштекс? да я его не стану есть, и мама мне его не дает,

— Да и не мама, а мистрис Беннет — запомни!..

— Ну хорошо, мне все равно, а только маму зовут не мистрис Беннет, а Надежда Михайловна.

— Докуда ты будешь таким глупым! Пора развивать ум серьезным чтением. Для начала я уж, кажется, прочитал тебе «Пеструю ленту».

— Ну хорошо, пусть будет мама — не мама, а мистрис Беннет, мне все равно.

— Отвыкай ты от своей бессмысленной поговорки «мне все равно», все смеются над тобой даже и дома.

— Хорошо, я буду отвыкать, — мне все равно.

— Теперь слушай! Мы будем осматривать место преступления. Они все лежат мертвые: к ним через форточку спустили пеструю ленту, т. е. змею. Тыними туфли и подкрадывайся посмотреть через дверь, а я взберусь сначала по столбу на крышу террасы. Шерлок всегда преодолевает препятствия и рискует жизнью.

— Я тоже хочу рисковать жизнью и полезу через перила.

— Гарри обязан слушать начальника! Живо снимай туфли и ползи по ступенькам, да не делай шуму! Посмотри в дверь и возвращайся ко мне обратно с донесением.

С этими словами маленький Шерлок переложил свою трубку в другой угол рта, деловито поплевал на руки и начал взбираться по столбу террасы.

Малыш снял туфли, зажал их в ручонке и послушно пополз по ступенькам, от усердия громко посапывая носом...

Дополз до двери и просунул туда головку...

Миг — и тишину сада огласил отчаянный детский вопль...

— Мама, мама!.. — вопил бегущий Гарри.

Шерлок проверил причину испуга и с пронзительным криком бросился следом за братом.

— Маленький, что ты? — спросил стоящий на углу городской, подхватывая на руки Борю.

— Ма-ма-ма-бу-бу-бу! — вырывались бессвязные звуки из перекошенного детского ротика, а из синих очей глядело безумие.

— Коля, стой! — схватил городской за руку старшего мальчика, который бежал, спотыкаясь и непрерывно дико крича.

— Опомнись, скажи, чего напугались?

Губы Коли болезненно, нервно дрожали и из стесненного горла со свистом вылетели слова:

— Там кровь, голова, — показал он рукой на дачу.

Раздался тревожный свисток, ему откликнулся другой, третий, и через минуту тихий парк наполнился топотом бегущих к даче полковника городских и толпы...

Глава 2

Что скрывали ставни

— Закрой калитку! Не пускай людей в сад! Дано ли знать в участок? — распорядился старший городской Григорьев.

Медленно, осторожно обходя всякие следы, взошли городские на ступеньки террасы.

— Господи Иисусе! — снимая шапку и набожно крестясь, сказал Григорьев. — Заслуженный георгиевский кавалер и такая бесславная, жестокая кончина.

— Где же вся семья?

— Бог их знает. Без начальства нельзя входить.

— Пождем. Начальство разберет, — переговаривались между собой городские.

Шум автомобиля возвестил о прибытии начальства из ближайшей части, и почти одновременно прибыл следователь со своим секретарем.

Гул бессвязного разговора тотчас же утих, городовые выстроились во фронт, отдавая честь начальству.

— Что случилось? — спросил следователь Зорин, сталкиваясь при выходе из автомобиля с полицейским приставом.

Последний, сухощавый, высокого роста брюнет, неопределенно пожал плечами.

— Право, сам хорошенько не знаю, Николай Николаевич. Дали знать, что совершено убийство.

— Да-а, — протянул следователь, и по лицу его пробежала тень неудовольствия.

Зорин не терпел расследований по убийству, с которыми всегда было связано много беспокойства и ответственности.

— В дачу не входил никто? — торопливо бросил следователь, обращаясь к полицейским.

— Никак нет, ваше благородие.

— Открыть ставни!..

Деловым шагом направился Зорин на веранду, распахнул стоявшие полуоткрытыми двери в столовую, вошел и вдруг, пораженный, отступил на два шага перед неожиданно представившимся зрелищем.

Действительно, было чего испугаться малым детям.

Через открытые двери и окна ворвались лучи солнца, освещая большую столовую, меблированную богато и со вкусом. Все в ней сохраняло свой обычный строгий порядок; лишь на полу, в нескольких шагах от стола, головой к двери ничком лежал труп полковника. Вблизи него валялся топор. Подсвечник, с выпавшей свечой, откатился в угол. На трупе одет был халат, на ногах ночные туфли. Руки были широко раскинуты, а голова представляла окровавленную массу с разбитым черепом. Мозг и кровь забрызгали портьеру, белую скатерть и ближайшее окно. Собравшаяся у головы лужа крови нашла себе выход, просачиваясь под дверь, и уже замочила детские туфельки, забытые, вернее брошенные, несчастным Борей-Гарри.

— А вот и вы, доктор, — приветствовал следователь входящего Карпова. — Не правда ли, какой зверский удар?

— Н-да, — неопределенно промычал доктор, с выражением крайней озабоченности наклоняясь над трупом и извлекая из кармана необходимые для осмотра инструменты.

— Не лучше ли обождать с этим, доктор, — остановил его следователь. — Может быть, кто-либо из других членов семьи более нуждается в вашей помощи. Пойдемте искать семью.

Комната, кроме балконной двери, имела еще три выхода: направо, в спальню полковника, налево в полу-кабинет, полу-гостиную и прямо в коридор, из которого две двери рядом вели в комнаты жены и дочери убитого. Эти последние две комнаты соединялись внутренними дверьми. Дверь из коридора в комнату дочери была широко открыта, — к матери же заперта. На постели лежал труп девочки лет 11-12, со странно изогнутым корпусом, как будто она подвинула плечи и голову на край кровати уже после нанесения раны, на что указывало большое пятно крови на середине подушки.

— Зарезана! — воскликнул Зорин, первым войдя в комнату. — Боже, что же с матерью?!

Доктор поспешно прошел в ее комнату.

И здесь, как и в комнате дочери, виднелись следы ночной злодейской работы. На кровати лежала женщина лет 35-ти, с головой, почти совершенно отделенной от туловища.

— Какая бойня!

Следователь внезапно раздражился.

— Где же остальные? — воскликнул он с заметной дрожью в голосе. — Неужто весь дом вымер, что ли? В кухне должна же быть кухарка! Разве только...

Длинный коридор загибался направо, оканчиваясь открытой дверью в кухню. Там на полу ничком, у плиты, лежала кухарка.

— Кажется, живая! — наклонился над нею доктор. Но едва он повернул тело, как увидел свою ошибку. На него взглянули широко раскрытые, полные ужаса глаза, остеклевшие глаза. На ней кое-как было одето платье, на одной

ноге была туфля. Очевидно, она одевалась наскоро.

— Что было причиной ее смерти, доктор?

— Небольшая ранка на виске, — удар обо что-то тупое и твердое.

— Об угол плиты, когда она упала, убегая от кого-то. Вот и капелька крови на железе, — раздался за ними спокойный голос.

Все невольно обернулись к говорившему.

У плиты стоял высокий, худощавый молодой человек, крепкая, мускулистая фигура которого свидетельствовала о долгой и усиленной тренировке. Держа в руке круглую соломенную шляпу, он стоял перед следователем в почти-тельной позе человека, ожидающего распоряжения начальства.

Это был, подающий большие надежды, агент уголовного розыска Зенин.

— Откуда вы так скоро узнали о преступлении? — спросил Зорин. — Неужели вас уже успел прислать уголовный розыск?

— Я узнал о преступлении совершенно случайно, г. следователь. Вчера я засиделся на именинах у живущего поблизости товарища и остался у него ночевать.

— Само Провидение направило вас сюда, г. Зенин. Рад вас здесь видеть. Я попрошу, чтобы расследование этого дела было поручено вам. Работы будет много, но и награда будет велика.

— Положу все силы на поиски злодея, — Зенин с достоинством поклонился, взглядом выражая следователю свою благодарность и, не теряя времени, вынув из кармана сантиметр и лупу, принялся за работу.

Более подробный осмотр обнаружил следы крови в ванной, в умывальнике и на дверной ручке. Нашлось также скомканное и брошенное в угол, еще не вполне просохшее полотенце. Убийца, очевидно, умывал здесь руки.

В комнатах матери и дочери все сохраняло порядок, только туалетный столик молодой женщины был запачкан кровью. С него, очевидно, было что-то взято. В спальне полковника был открыт дубовый шкаф. Документы в бес-

порядке валялись на полу. В шкафу не оказалось ни денег, ни ценностей, между тем, дорогой хронометр покойного и перстень с огромной ценности бриллиантом лежали на ночном столике. Убийца или не заметил, или почему-то не взял этих вещей.

Зенин шаг за шагом осматривал комнату.

— Убийца не входил сюда при жизни покойного. Он стоял... а, да, вот здесь, безусловно, — указал он на портьеру, закрывавшую дверь в кабинет. — Вот и следы его пыльных ног. Покойного разбудил, вероятно, шорох крадущегося убийцы, тот со своей стороны услышал, что полковник проснулся, и спрятался за портьеру. Убитый, встревоженный непонятным шорохом, решил осмотреть дверь, ведущую на террасу. Убийца же, дав ему пройти половину комнаты, взмахом топора разmozжил ему голову. Совершив свое злодейское дело, он спокойно направился в спальню, где спичками осветил комнату. Вот они на полу: одна, другая и... третьей он уже зажег свечу на туалетном столе. Шкаф открыл ключом. Здесь в глаза ему бросилась бритва, и какой-нибудь шорох или просто проснувшаяся мысль об опасности вооружили его руку.

— Убийца, по-моему, был хорошо знаком с расположением комнаты и вообще был лицом, бывавшим в доме. Как видите, он сразу нашел ключ и открыл шкаф, — высказал свое мнение следователь, перебивая агента.

Зенин с сомнением покачал головой, явно не разделяя взгляда Зорина.

— Я, пожалуй, склонен допустить обратное, — заметил он с присущей ему уверенностью, которая всегда и неизменно оказывала свое действие, заставляя признать безусловную логичность его выводов. — Преступник, по-моему, не был знаком с порядками дома. Если бы это действительно был свой человек, г. следователь, он прежде всего покончил бы со старшими особами, так как сон последних всегда более чуток. Он же убил ребенка, прежде чем покончить с матерью. Ясно, что он попал в комнату девочки наугад. Кроме того, он не петлял бы так по дурачки по комнатам.

— Ну, а ключи, г. Зенин? Объясните мне эту историю с

ключами.

— Самое вероятное объяснение, что он нашел их на ночном столике. Это обычное место для часов, ключей и прочей мелочи.

— Но почему он не взял кольца и часов?

— Здесь мы вступаем уже в область предположений, — возразил Зенин. — Одним из них я охотно поделюсь. Он решил, вероятно, сперва ознакомиться с содержимым шкафа в поисках денег, которые всегда более удобны для вора, чем ценные вещи. Может быть он просто потерял голову, — и это наблюдалось.

— А как вы думаете насчет кухарки, не являлась ли она сообщницей? — спросил следователь после небольшой паузы, во время которой Зенин занимался тщательным осмотром следов на полу.

— Я не думаю этого, — решительно возразил он, подымаясь с полу. — Если бы это было так, зачем бы она бежала от него так поспешно, что уронила туфлю с ноги возле кухонной двери? Она, по-видимому, зацепилась за порог и, падая, ударилась об угол плиты; убийца же, по-моему, не гнался за ней.

— О, не говорите, г. Зенин, — заметил вошедший доктор. — Бывали случаи, что убийцы расправлялись с сообщниками тут же на месте, после того, как непосредственная необходимость в последних миновала.

Зенин нахмурился, признавая замечание доктора вполне резонным. Вдруг лицо его прояснилось.

— В данном случае это не так, доктор, — убежденно возразил он. — Сообщник в доме впустил бы убийцу через кухонные или еще какие-нибудь двери, безразлично, лишь тогда, когда весь дом погрузился бы в сон, т. е. незадолго до совершения преступления. Я же обнаружил, что преступник шел в квартиру с чердака, где я нашел пыльные следы его ног на лестнице, ведущей с чердака, и в кухне. На самом чердаке, на одной из пыльных балок, за трубой, — отпечатки долго сидевшего человека. Он провел там часов шесть, судя по огромному количеству выкуренных козых ножек.

— Вы правы, г. Зенин, — согласился следователь.

— Теперь, когда беглый осмотр окончился, я хотел бы еще раз заняться комнатами, г. следователь, — попросил Зенин.

— О, конечно, занимайтесь, пожалуйста, для меня пока достаточен поверхностный осмотр. А как у вас, доктор?

— Я тоже хотел бы еще раз посмотреть на убитых.

— Может быть, вы согласитесь произвести осмотр в моем присутствии, г. доктор, — попросил Зенин, — я хочу проверить еще кое-какие свои впечатления.

— О, пожалуйста, буду очень рад.

— А мы с г. приставом покамест приступим к первому допросу. — С этими словами оба вышли, оставляя доктора и Зенина одних.

Глава 3

Подозрения следователя

В гостиной Ромовых все уже было приготовлено к допросу. Изуродованный труп полковника был перенесен в спальню. Секретарь разложил ломберный стол, на зеленом поле которого, где еще виднелись следы не вполне стертых преферансовых записей, приготавливалось нового вида сражение.

Зорин сел в глубокое кресло и, напустив на себя напыщенную важность, в резковатой форме спросил пристава, готово ли все к допросу.

— С кого желаете начать, Николай Николаевич? — любезно осведомился пристав.

— С дворника соседней дачи.

«Вошел в роль», подумал пристав, поспешно отворачиваясь, чтобы скрыть презрительную улыбку.

Через минуту вошел румяный, толстый мужик с выпяченным вперед животом и любопытно оглянулся по сторонам.

Имя, отчество, фамилия, возраст, вероисповедание, место приписки — посыпались официальные вопросы, от которых как-то разом растерялся и оробел дворник. Исчез его чересчур смелый взгляд, улетучилось сознание важности роли. Перед следователем стоял уже робкий, забитый мужичок, трепетавший под искусственно грозным начальническим взглядом.

— Иван Петров Беспалый, 35-ти лет, православный, деревни Кривозерие, Остаповской волости, Пензенской губерний, — несколько заикаясь, рапортовал он.

— Давно служишь на соседней даче дворником?

— Второе лето, ваше благородие. Так что зиму служил у своих господ в городе.

— Близко ли знаком со здешним дворником, знаешь ли, где он?

— Иван со вчерашнего дня уехавши в деревню, — ответил он. — Сказать, чтобы очень близко был знаком с ним — не могу, но иначе, по-соседски, знакомство ведем.

— Иван сам говорил тебе о своем выезде?

— Точно так, ваше благородие. Он вчерась вечером был у меня, сказывал, что как значит г. полковник наутро встанут, так и пришлют Аннушку за мной, насчет значит какой помощи.

— В котором часу убирал улицу перед дачами и не заметил ли чего?

— Убирал, как всегда, в шестом часу. Заметить, — быть ничего не заметил. Что калитка, значит, была не на запоре, так на это особого внимания не обратил, подумал — могла Аннушка по своим каким делам выйти.

— По каким же делам она могла выйти так рано?

— Кто ее знает. Если в церкву, то в самый раз.

— А Аннушка ходила в церковь, замечал когда?

— Как быдто ходила, а впротчем уверять так не стану.

— А не ходил ли к ней кто? Припомни!

— Мы так пристально за ней не следили, потому она не с нашей дачи, а только девушка была сурьезная, ничего за ней такого не было.

— Припомни, быть может, кто бывал у ней в последнее время?

— Кто-е знает. Вот разве брат когда захаживал.

— Какой брат, когда именно был?

— Когда был ostatний раз, точно не припомню. Дни два, може три тому назад.

— Кто он такой, не слышал?

— Хрестиянин. Иван сказывал, на уборку хлебов, значит, на юг пробирается.

— Еще что не можешь ли припомнить?

— Быть нет, ваше благородие.

— Можешь идти.

Беспалый, униженно кланяясь, попятился к дверям, но лишь только последние скрыли его от грозных взглядов следователя, прежний апломб возвратился, он даже позволил себе многозначительно кашлянуть, как бы давая понять, что он со следователем заодно, что они только что обсуждали такие подробности дела, о которых остальным, непосвященным, так сказать, и догадываться не полагается.. Поглаживая бороду и напустив на себя таинственный вид, он важно уселся в сторонке.

В это время на веранде появился изящный господин лет около пятидесяти, чисто выбритый, с острым пронизательным взглядом, поблескивающим из-под тяжелых полупущенных век.

Пристав засуетился, узнав в посетителе знаменитого московского адвоката Плевина.

— Следователь ожидает вас, г. Плевин, — сказал он, вежливо отстраняясь от дверей, чтобы пропустить прибывшего.

Зорин, вставший ему навстречу, поклонился с предупредительной любезностью и, указав Плевину кресло напротив, ожидал, пока адвокату заблагорассудится последовать приглашению.

— Простите, прежде всего, что я позволил себе побеспокоить вас, — извинился следователь.

— Готов служить вам, чем могу, — несколько официальным тоном ответил адвокат. — Не думаю, однако, что помощь

моя окажется для вас существенной.

— Это весьма печально, — признался Зорин. — Я на эту помощь рассчитывал, так как знаю, что вы близкий знакомый Ромовых...

— Так что ж из этого? — перебил удивленно адвокат.

— Не было ли у него врагов?

— У каждого из нас они есть, иногда без нашего даже ведома. Возможно, что они были и у Ромова, только о них мне ничего не известно.

— Кто наследует его имущество, г. Плевин?

— Вы положительно летите с быстротой экспресса, — усмехнулся адвокат. — Третий по порядку вопрос уже о наследниках. Вы не думаете, что здесь просто-напросто грабеж, сопровождающийся убийством, — обыкновенное явление для наших подмосковных местностей?

— Грабеж, правда, имеет здесь место, — согласился Зорин, — но... есть, знаете, кое-что, коллега, что говорит против того допущения, что это был типический грабеж.

Веселый огонек блеснул из-под тяжелых век. Привыкши недоверчиво относиться к следственным властям, адвокат еле сдержал улыбку,

— Правда? — спросил он, хорошо маскируя недоверие, с которым отнесся к заявлению следователя.

— Увы, да, — возразил серьезно Зорин, не уловив настоящего оттенка вопроса. — Поэтому-то я и спросил вас о наследниках.

— Прямых, кажется, нет, по крайней мере с его стороны, а с ее... — адвокат задумался.

Зорин застыл в вопросительной позе...

— Есть, кажется, бедный родственник, не то родственница, некая Брандт. Покойная ведь урожденная Брандт?

— Нет, она урожденная Свирская. Я сомневаюсь, чтобы наследство каким-либо образом могло перейти к ее мачехе Свирской, а тем более к ее сводному брату Брандту.

— Вот о нем бы я хотел что-нибудь знать.

— Оставьте саму мысль об этом. Такой симпатичный, умный и, по словам его сестры, даже даровитый человек. Не везет только ему, бедняге, никак не может устроиться.

Следователь спросил адрес Брандта и, получив его, поспешно записал в книжку.

— Бедный родственник, вы говорите, который не может устроиться? Что это за тип вообще, г. Плевин?

— Я не вполне понимаю ваш вопрос, г. следователь, — слегка прищурился адвокат.

— Я хотел бы знать, какой у него характер, наклонности?..

Плевин рассмеялся с оскорбительной откровенностью.

— Не думаете же вы, что Брандт имеет что-нибудь общего со вчерашним происшествием? Повторяю, оставьте саму мысль об этом, дорогой коллега, — в приливе надменной веселости, адвокат в первый раз употребил это обращение к следователю.

— Быть может, вы знаете, часто ли он бывал у Ромовых?

— Нет, его не особенно жаловал покойный.

— Почему?

— Все мы чем-нибудь грешны; покойный до смешного страдал нелюбовью к бедным родственникам жены и преклонялся перед чужим богатством, чинами, титулами...

— А его жена?

— Она выросла с Брандтом, любила его очень, — как и свою мачеху, и еще на днях взяла с меня слово, что я помогу ему устроиться в одной из редакций; он что-то такое написал.

— Давно ли вы видели Ромовых?

— Да кажется, он вчера вечером шел к ним.

— Не знаете ли вы, имели ли Ромовы привычку держать в доме более значительные суммы денег?

— Нет, не знаю.

— А много ли у них было в доме драгоценных вещей?

— Здесь на даче обращали на себя внимание только ее очень ценные серьги и его перстень.

— Это преступление было обнаружено вашими детьми, — нельзя ли их повидать?

— Нет. Малыша, безусловно, нельзя беспокоить — ждем доктора, он совершенно не приходит в себя, да и Коля нуждается в спокойствии, он очень потрясен этим событием,

бессвязно говорит о трупе, о сломанных розах и о каком-то лоскутке на них.

— Лоскуток на розах? — вскочил взволнованный следователь. — Одну минуточку, уважаемый коллега.

Он быстро подошел к двери и отдал распоряжение произвести тщательный осмотр розовых кустов.

— Я, пожалуй, не буду отнимать долее вашего драгоценного времени, глубокоуважаемый коллега, — обратился он к адвокату, возвратившись. — Примите мою благодарность и сочувствие по поводу болезни вашего сына.

Адвокат попрощался несколько теплее и вышел, встретившись в дверях с приставом, спешившим с отчетом, что самый тщательный осмотр не обнаружил ни признака какой-либо материи на розовых кустах.

Следователь встал, распорядился собрать бумаги и вышел.

В соседней комнате дворник тихо разговаривал с городовым. Следователь, не обратив на него внимания, прошел далее, но едва он скрылся за поворотом, как до его слуха долетел самодовольный голос дворника, вновь начавшего прерванный приходом Зорина рассказ.

— Пытал тож, — кивнул головой дворник в сторону прошедшего следователя, — не ходил ли к ним кто еще. Неж их всех углядишь и упомнишь? Да еще на чужой даче. Мало ли у них вчерась народу переходило. Вот и ейный брат был вечером. У них, слышь, мать больная, так барыня велела Ивану и ключ ему от калитки отдельный предоставить. Прийдет, говорил Иван, цветов наломает, да и уйдет, к господам не заходивши.

Следователь тотчас же вернулся и схватил дворника за руку.

— А кто это со своим ключом ходил в сад за цветами, милейший, почему не сказал всего на допросе?

Вскочивший дворник бессмысленно захлопал глазами.

— Так что ваш ска-бродь это брат барынин, мы его и за чужого не считали.

— В котором часу его вчера видел?

— Доподлинно не упомяну, а только уж темнеть стало,

когда шел.

— А когда ушел?

— Этого мы не видали и говорить не можем.

— Так-так, — задумчиво проговорил Зорин и на этот раз решительно пошел в спальню, где, покуривая, сидел доктор и смотрел, как Зенин производить осмотр.

— Скажите, г. Зенин, в доме и в саду были ли еще какие-либо следы? — спросил следователь.

Зенин посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Да, я обнаружил отпечатки изящных мужских ботинок.

Зорин многозначительно улыбнулся и сообщил Зенину последнее показание дворника.

— Вы думаете, что есть какая-нибудь связь, г. следователь?

— Я в этом не сомневаюсь. Следите за Брандтом и вы увидите, что труды ваши не будут напрасны. Впрочем, не лучше ли будет обезвредить его? Каждая минута промедления грозит нам осложнениями.

— Вы хотите произвести арест? — с испугом спросил Зенин, — а вдруг...

— Будьте покойны, — уверенно возразил следователь, похлопав Зенина по плечу. — Все мне говорит за то, что ошибки не будет. Пока я попрошу вас снять мерку со следов. Они в каком месте обнаружены?

— Следы идут от входа, сворачивают на траву, вновь выходят на аллею и подходят к самой террасе.

— К террасе? — воскликнул следователь. — Интересно, идем же взглянуть на эти следы.

Они вышли в сад, где Зорин сам внимательно изучил следы, оставленные изящными ботинками.

— Что вы скажете об этом? — спросил он, подведя Зенина к террасе и останавливаясь в том месте, где оканчивались следы. — Получается впечатление, что оставивший их долго стоял на этом месте, переминаясь с ноги на ногу, а вот тут и пепел на всех цветках. Что это? Окурок папиросы, свежий и сухой. В котором часу был дождь вчера? В

девять с половиной! Прекрасно. Что же, г. Зенин? — торжественно спросил следователь.

Агент пожал плечами и ничего не ответил.

— Незнакомец ждал чего-то, стоя в этом как раз месте. Чего он ждал, по-вашему?

— Право, не знаю, — ответил Зенин.

Следователь пристально взглянул на агента.

— Боюсь, мой дорогой, — заметил он, переходя на радостях в фамильярный тон, — что вы еще под влиянием вчерашних именин. Этот человек ждал, пока его сообщник расправится в доме. Ну, я пойду. Так кончайте же там осмотр, чтобы к допросу Брандта у нас было все готово.

Глава 4

Загадочные следы

Внезапный гнев охватил Зенина. «Боюсь, что вы еще под влиянием вчерашних именин», — повторил он злобно, глядя вслед удаляющемуся следователю. Тоже университет, ученый криминолог, Шерлок недоделанный. Впрочем, чего же я волнуюсь? — вдруг успокоившись, засмеялся Зенин. — Пусть себе арестовывает Брандта и садится в лужу. Чем большим идиотом он себя покажет, тем это выгоднее отенит меня. А потому за работу.

Агент шагнул к ближайшим кустам, поднял целых три окурка, присоединил к ним и тот, на который указал следователь, аккуратно завернул и спрятал их в карман. Затем с лупой поползал вдоль аллеи, тщательно измерил следы и, насвистывая какой-то мотив, направился в дом.

Доктор Карпов стоял у окна, вытирая платком покрасневшее лицо.

— Тепло, солидно припекает, Владимир Иванович. Ничего себе, на лето пожаловаться нельзя. Наш представитель правосудия уже отбыл не солоно хлебавши, — засмеялся он, протягивая портсигар Зенину.

— Как же иначе, Сергей Сергеевич? — с шутливой важностью возразил агент. — Дело покончено. Следователь обнаружил убийцу и удалился, а остальное дело городских.

Карпов вскочил, устремив на Зенина широко открытые удивленные глаза:

— Это не секрет, надеюсь?

— Что? Имя убийцы? — улыбнулся Зенин. — Для нас с вами — нет, но для широкой публики...

— Я понимаю, понимаю.

— Тогда... это Брандт, сводный брат г-жи Ромовой.

— Но ведь, по-вашему, убийца был простой мужик?

— По моему — да, а вот следователь думает, что сообщник — исполнитель, настоящий же убийца, руководитель дела — это именно Брандт.

Доктор швырнул окурок через окно в сад, зажег новую папиросу и погрузился в задумчивость, затем испытующе взглянул на Зенина.

— Не нравится мне этот оборот дела, Владимир Иванович. Все это как-то по студенчески, — первым курсом пахнет. Вот что я вам скажу, — решительно Зорин сел в лужу.

— Убийца, конечно, не Брандт! — ответил уверенно Зенин.

— Очевидно, у вас есть какое-то предположение, Владимир Иванович.

— Странное это вообще дело, Сергей Сергеевич, — уклонился от прямого ответа Зенин.

— Вам ничего не бросилось в глаза при осмотре трупов?

— По-видимому, то же, что и вам, — тонко улыбнулся Зенин. — Вы думаете, вероятно, об этих отпечатках на пропитанном кровью ковре возле кровати девочки?

— Как будто кто-то стоял на коленях, — заметил доктор.

— Это и на меня произвело такое же впечатление. Кроме того, готов поклясться, что он стоял, облокотившись на подушки. Там есть впадина, — буквально след локтя.

— Наши наблюдения совершенно совпадают, — заметил доктор. — Теперь я уверен, что от вас не ускользнули и некоторые странности в трупe девочки.

— Да, мне показалась эта рана на шее странной. Я не специалист, но... все же это мне бросилось в глаза, точно кожа в этом месте была оттянута или ее сосали.

На лице доктора отразилось явное недоумение.

— Да, это так, но я не могу объяснить причины этого. Обратите еще внимание на то, что крови сравнительно мало на ковре, в сущности, одно лишь пятно, и то не очень большое, — а труп обескровлен совершенно.

— Я тоже это заметил, однако...

Его прервал вошедший пристав. Остановившись в дверях, он оглянулся, но не заметил нигде Зорина.

— А где же наш «из молодых, да ранний»? — непочтительно отзываясь о следователе, спросил он, все же немного понижая голос.

— Наш молодой уже удрал, видно, немоготу стало, — в том же тоне отозвался доктор.

— А у меня важное открытие! Только вчера полковник получил большую сумму денег из «Русско-Азиатского банка». Хорошо, что там записаны номера банкнотов. Нужно распорядиться о том, чтобы они тотчас же были опубликованы где следует.

И озабоченный пристав стремительно исчез так же, как появился.

Зенин задумчиво глядел в сад, не обращая внимания на палящие лучи солнца, падающие прямо на его непокрытую голову.

— Чем вы сейчас озабочены? — спросил доктор, подходя к нему и садясь на свободный стул рядом.

Агент слабо улыбнулся.

— Все стараюсь проникнуть в ночную драму, многие вопросы беспокоят меня.

— Например?

— Например? Чего испугался убийца? Что он чего-то испугался, — ясно. Почему он, забравши деньги из шкафа, не вернулся за часами и перстнем Ромова? А его следы позади дома — следы бегущего человека.

— Может быть, его предупредил сообщник?

— Забудьте о сообщнике, доктор, — несколько нервно возразил Зенин. — Он существует только в воображении следователя. Убийца действовал вполне самостоятельно, но, кроме него, в доме был еще человек. Что он делал, кем он был и зачем пришел, — вот вопросы, на которые я напрасно пытаюсь дать ответ.

— Но может быть, это и был Брандт, которого видели вчера вечером, — он мог прийти совсем с иной целью?

— Брандт здесь был и оставил следы. Я уверен, что следы, с которых мы сняли отпечатки, — его, что и даст лишний козырь в руки следователя. Тот, другой, не оставил следов ног, а все же он был здесь незадолго перед рассветом.

— Вы становитесь таинственны, мой дорогой. Что там еще привлекло ваше внимание?

Зенин улыбнулся, но не произнес ни слова. Вскоре он встал и вместе с доктором вышел из дачи, сделав соответственные распоряжения.

Экипаж доктора ожидал у ворот. Зенин отклонил любезное предложение Карпова воспользоваться его экипажем и побрел по проспекту домой.

Его голова была полна неясных мыслей, сопоставлений, отрывистых, несвязных воспоминаний. Присев на скамейку в тени, он вынул окурки, рассмотрел и взвесил их в руке и опять спрятал в портфель.

— В них вся разгадка, — бормотал он, продолжая свой путь. — Окурки козых ножек числом девять, на чердаке, три окурка папирос собственной набивки в кустах роз, один окурочек папирос «Габай-Пери» — прямо перед террасой, возле того места, где следы указывают, что тут кто-то стоял. Первые девять принадлежат убийце, вторые — Брандту, третий... О, я во что бы то ни стало должен узнать, чей это окурочек. Ответ на этот вопрос будет заключать в себе и ответы на все остальные, и я узнаю это.

Решительным шагом направился Зенин к остановке трамвая, идущего в город.

Несколько часов спустя, самодовольный Зорин заявил ему по телефону, что в одном из магазинов на Тверской был разменян неким Брандтом один из банкнотов, кото-

рые были получены Ромовым из банка, и что он выдал уже распоряжение об его аресте.

Зенин только улыбнулся. Стоит ли упоминать теперь об окурках? Он слишком упоен победой и не придаст им значения.

А все же Брандт к убийству не причастен.

Глава 5

Неудачный день

У Зинаиды Николаевны Карповой выдался неудачный день.

Положительно все ее сегодня раздражает. К тому же и жара эта несносная, не позволяющая выходить за порог своего сада.

Ведь не может же она скрывать перед собою, что цвет лица ее боится могущих появиться капелек пота.

В 45 лет так приятно слыть за удивительно сохранившуюся и положительно интересную женщину, но...

Боже мой! Достаточно она наслушалась глупых подшучиваний по поводу бесконечного сидения перед зеркалом от своего пентюха-мужа.

Почему серьезный и известный врач, умный и симпатичный человек и положительно идеальный муж оказался сегодня пентюхом, это уж можно приписать только неудачному дню.

А день был поистине неудачный.

Прежде всего — жара, потом обманула портниха и не принесла новое платье, в зеркале увидела маленькую морщинку, горничная позабыла разгладить кружево у пенюара, муж, пивший чай раньше ее, понатыкал окурков на свое блюдечко, а эта несносная Маша нарочно не убрала эту гадость до ее выхода и, в довершение всего, муж изволит опаздывать к обеду.

Все пережарится, подгорит, и ешь потом эту мерзость.

Положим, муж много раз просил не ждать его с обедом, так как его могут неожиданно задержать больные, но...

Боже мой, какая бессмысленная просьба!

Она слишком хорошая жена и скорее нарочно уморит себя голодом, чем сядет одна обедать.

Уморить себя голодом! Она этого, понятно, не сделает. В ее годы не следует похудеть, — это весьма отрицательно отразится на ее наружности. Но необходимо будет поставить ему на вид, что о других он думает гораздо больше и не замечает, что собственная его жена совершенно, совершенно больна и настойчиво требуется осенью поездка в Крым.

Посмотрим, что вы на это скажете, милейший Сергей Сергеевич.

Какой резкий звонок! Так на пожар только звонят, а не в собственную квартиру, где больная жена.

И Зинаида Николаевна ураганом налетела на мужа.

— Ты, Серж, очевидно, позабыл посмотреть на часы, или, быть может, встретил приятелей и не подумал, что тебя ждет голодная жена, а потом... ну, какая хорошая кухарка будет служить в доме, где обед — то в час, то в три, то в пять.

— У нас, душечка, обед всегда в три, а сейчас — без двадцати четыре, следовательно, я опоздал только на сорок минут. Но если бы не пришел и до вечера, то сегодня такое исключительное и ужасное происшествие, что неудивительно было бы и совершенно забыть про обед.

У Зинаиды Николаевны заблестели глаза. Неужели судьба посылает ей какое-нибудь неожиданное развлечение?

— Что же случилось, мой милый? Ты пришел такой усталый и расстроенный, что у меня душа заболела при взгляде на тебя, — спросила она, сразу меняя тон.

— Полковник Ромов и вся его семья зверски убиты.

— Ах, как это интересно... то есть... я хотела сказать, ужасно. Обед свободно обождет еще немножко, а я поздно завтракала и совсем не хочу есть; ты же так любишь основательно умыться перед обедом. Иди, родной, умываясь, ты расскажешь мне об этом ужасе.

Долго отфыркивался и отдувался под холодной струей Сергей Сергеевич, потом передал жене подробности убийства и даже, не утерпев, сказал о своем впечатлении, что рану сосало какое-то животное.

— Только помни, Зинуша, что переданные подробности не должны раньше времени попасть в печать. Я, собственно, не должен был посвящать тебя во все подробности и особенно в мое предположение, о котором я даже умолчал при следствии. Помни, что помимо всего, я могу стать просто сказкой города, а мое положение и приобретенное имя требуют такта и осторожности. Но что я подделаю со своей, очень частой, слабостью перед тобой? После 25 лет совместной жизни, я все еще подпадаю под очарование твоей улыбки и подкупающей сердечности.

— О, Серж! Ты же оскорбляешь меня этими сомнениями. Когда же я была бестактной или подводила тебя за твое доверие? Я не менее твоего понимаю важность и ненарушимость профессиональной тайны.

Бедный Сергей Сергеевич вспомнил, что не раз попадал в неловкое положение из-за неосторожной болтливости жены, но сказанного не вернешь. Авось, на этот раз она удержится, а на будущее время он не станет подвергать испытанию женскую болтливость, и, подавив вздох раскаяния, он взял жену под руку и направился в столовую.

Сколько внимания и заботливости перепало сегодня на его долю.

«Ох, что-то уж слишком блестят у Зиночки глазки, — подумал Сергей Сергеевич. — Ну, да “Бог не выдаст — свинья не съест”, — гласит русская пословица».

— Я, Зинуша, полежу часочек, ведь в шесть часов опять начнется у меня столпотворение в приемной.

— О, милый, ляг, конечно, я позабочусь, чтобы тебя не беспокоили.

Двери в соседние комнаты крепко заперты... Сергей Сергеевич безмятежно спит...

«Кажется, спадает жара, можно будет навестить знакомых, — подумала Зинаида Николаевна. — Жаль, нельзя пойти к Плевиным, так некстати заболел их Боря. Интересно

было бы расспросить Колю лично».

Звонок.

«Неужели уже начинают съезжаться пациенты? Ах, голос Волжиной. Собственно говоря, противная сплетница и всегда хвастается, что первая узнает все новости. Дурак был бы ее муж, если бы посвящал ее в свои тайны, но с ней необходимо быть любезной, — она нужный член нашего спиритического кружка. С ней не требуется и газет, чтобы заинтересовать весь город явлениями, происходящими на наших сеансах».

— А, милая Варвара Петровна! Какое удовольствие вы доставляете всегда мне вашими посещениями. Безмерно, безмерно рада.

Дамы целуются.

— Садитесь, дорогая.

— А я к вам, душечка, с большой радостью. Вы знаете, как я вам предана и всегда думаю, чем бы доставить вам удовольствие. Угадайте, — какой сюрприз я вам готовлю.

— Вы интригуете меня, Варвара Петровна, и подстрекаете мое любопытство, тем более, что я по вашему лицу вижу, что это действительно что-то интересное. Не томите же меня, дорогая.

— На следующем сеансе у нас будет выдающийся медиум и за ошеломляющие явления я ручаюсь.

— Кто же это?

— Прайс! Он обещал полную материализацию.

— О, дорогая! За это известие не знаю, чем и как смогу отплатить вам, — просияла Зинаида Николаевна.

— Только помните, — это мы должны сохранить в полной тайне, чтобы сделать участникам сюрприз. Я доверяю вам вполне, Зинаида Николаевна.

— Как и я вам, Варвара Петровна, — всегда и во всем.

Звонит.

— Маша, подайте нам чай на террасу, — приказала она появившейся горничной.

— Благодарю вас, Зинаида Николаевна, я не могу остаться. Вы слышали об ужасном убийстве Ромовых, — я постараюсь повидать Зенина, от него узнаю все подробности и

тогда только с вами поделюсь ими.

— За этим не нужно ходить так далеко, — но прежде мы должны обсудить, кого пригласить на сеанс, чтобы это была широкая реклама нашему кружку. Необходимо всю Москву заставить говорить о нас.

— О, бесспорно. Я уже много об этом думала.

«Она, очевидно, знает подробности убийства от мужа, иначе не сказала бы, что не нужно ходить так далеко. Сейчас попробую у этой болтушки вытянуть все», — мысленно решила Волжина.

И, среди полившихся разговоров, ловкая дама выпытала у неосторожной Зинаиды Николаевны все подробности, вплоть до впечатления ее мужа о состоянии раны.

Больше ей уже не сиделось. В голове мелькали картины, какой эффект произведет ее рассказ в пяти-шести домах. Какой желанной гостьей будет она в сегодняшний вечер.

— Итак, до завтра, на музыку, дорогая Зинаида Николаевна, — а сейчас я должна спешить, так как мне необходимо сделать еще кое-какие покупки.

Оставшись одна, Зинаида Николаевна раскаялась в своей неосторожности, но... было уже поздно.

А Сергей Сергеевич сладко и безмятежно спал.

Глава 6

Дом № 54-ый

Неприглядна ты, дальняя окраина большого города. Здесь и трамваи ходят через час, и на освещение скупое, а мостовые и тротуары — ходи, да оглядывайся. Но есть и хорошие стороны — воздух чище, дома не так скучены, при домах палисадники, а то и сады.

С большим палисадником и дом № 54-й по Даниловской улице.

Старенький домик, полиняла и загрязнилась краска, крылечко со стеклами, наподобие веранды построенное, начинает разваливаться, крыша чуть не вся сгнила и даже труба только чудом держится. Жильцов полно.

На одной из дверей визитная карточка: «Вадим Альбертович Брандт».

Два окна занимаемой им комнаты закрыты ставнями, через щели которых виден свет.

Все знают, что мать Брандта тяжело больна и что он за ней идеально ухаживает. Сын — каких мало.

Все соседи, все знакомые на него любят, дивятся и больной завидуют. В наш век безбожья, себялюбия, грубости, непочтительности, — и вдруг такой сын.

— Благодарю Тебя, Боже мой, — неслышно, еле шевеля губами, шепчет больная. — Благодарю и за болезнь, которую Ты, в благости своей, послал мне для того, чтобы я познала всю душу, всю любовь ко мне моего мальчика. А какой он худенький, виски ввалились, почернел как-то весь, да и то сказать, столько лет недостатков. Так неудачно сложилась его жизнь. Университета даже не удалось окончить. А тут моя болезнь, — ни днем, ни ночью не имеет покою. О развлечениях уж и не говорю. Куда бы ни пошел, скорей спешит домой к больной матери.

Так думала больная, скорбно глядя на своего Вадю, который, сидя за придвинутым к кушетке больной столом, спустил край бумажного абажура так, чтобы свет не беспокоил слабых глаз матери, и сосредоточенно записывал что-то в тетрадь.

Под столом, на зеленой плюшевой скамеечке, сидел черно-белый кот и смотрел чуть не человеческим взглядом на своего хозяина.

Очень любил его Брандт, лучшие куски отнимал у себя для своего китуса, — ну и кот отвечал ему чисто собачьей привязанностью.

Об отношении к коту Марии Николаевны не стоит и говорить, ведь это Вадин кот, — этим все сказано.

С любовью скользнул ее взгляд и на этого третьего члена семьи — китусю.

Тяжкий вздох прорезал тишину.

— Ты что, мусенька? — встрепенулся Брандт.

— Ничего, деточка, так что-то, о твоей судьбе подумала, да вот еще о том, что худенький ты, бледный...

— Ничего, мамуся, худой я всегда был, а бледный, — вот поправятся немного дела и это пройдет. Только бы вот ты встала. Знаешь ведь, чем ты была и есть для меня. А судьба моя... Я, слава Богу нашел свое призвание, вот скоро кончу роман и у меня предчувствие, что он будет издан и будет пользоваться успехом. Второй уже зреет в мозгу. Обожди, еще богатые опять будем, только теперь тяжело, и сами еле перебиваемся и с бедного отчима последнее тянем.

— Да, родимый, это правда. Не забывай никогда этого, Вадя, и если пошлет тебе Бог успех, — подумай о его старости.

— Ты знаешь, мама, как я ценю его заботы. Если бы не он, я погиб бы окончательно. Ведь мне никто руки помощи не протянул. Да что помощь? Никто даже не спросил ни разу, как я собираюсь устроиться, — горько вырвалось у Брандта.

— Забудь, не думай об этом, мой мальчик. Как-нибудь вытянет нас и один твой отчим, а что ты к нему теплее его родных детей относишься, это я знаю, да и он становится к тебе все ближе и ближе. Женя у нас всегда отщепенкой росла, а Ирина... ведь он обожал эту свою девочку, бывало, явных недостатков ее не хотел видеть. Рина — умница, Рина — глубокая натура, которую ты не умеешь почувствовать, Рина — доброты необыкновенной, у Риной сердце чрезвычайно чуткое, только она скрытная и не умеет подлизываться.

— Да, он очевидно преувеличивал ее качества... не могла же она так измениться. Хотя не нужно забывать ее неудачного замужества, — тут, пожалуй, изменишься. Наша изящная, пикантная Ринуся — и старый, лысый, брюзгливый муж.

— Да, наружностью он не блещет.

— А внутренние качества — разве лучше?.. глуп, криклив, сварлив, напыщен, как индюк. А это его преклонение

перед чинами и титулами. Помнишь комическую сцену встречи княгини У. за калиткой сада и его подобострастно-согбенную фигуру, когда он благоговейно вел ее под руку, — расхохотался Брандт.

Искренне вторила ему и Марья Николаевна.

— Жаль только, что он и Ринусю нашу испортил, заразил своей фанаберией.

— А я думаю, мама, что с нее это скоро соскочит, как только хватит его когда-нибудь кондрашка. Ведь когда он орет, весь кровью наливается, а орет он, — по поводу и без повода, — с утра и до позднего вечера. Ирина же наша и всегда была мямля, а тут уж совершенно еле пищит. Сколько раз ты ей говорила: «Крикни ты сама на него хорошенько», а она хоть бы что. А история с нами, — каким внимательным был, пока мы могли вот-вот разбогатеть, а разлетелась эта надежда, — каким грубым хамом оказался.

— Да, милый, вот и я — о смерти думаю, а проучить его, несмотря на Рину, неудержимо хочется. Мне думается, она это чувствует, а потому и ходить к нам редко стала. А может, он не позволяет, а она лишних скандалов в доме не хочет. Все же она наша, родная, близкая.

— И я ее люблю, как сестру. Погоди, мама, он еще пожалеет, если мы на дорогу выйдемся, а уж мостик перекинуть, — будет поздно. А пока посмотри, как у нас с тобой уютно. Наша глубокая внутренняя спайка всю убогость обстановки скрашивает, а у Рины, хоть и богато, а как-то пусто, холодно, бррр... — поежился Брандт, поправляя повязку на руке.

— У тебя сильно болит твой порез, Вадя? Я говорила тебе вчера, не брейся вечером, да еще при нашем-то освещении, — слабо улыбнулась Мария Николаевна в сторону убогой лампочки.

— Где же твоя справедливость, мамочка? Ведь в этом же не освещение наше виновато, а китусь: прыгнул мне под руку, а я как-то неловко за падающую бритву схватился. Хорошо еще, что обрезал руку, а не физиономию, на которую ты часто любишься. Эх ты, тоже пристрастная родительница. Все вот жалуешься на мое непослушание, а ты меня

слушаешь? Ну, почему ты писать не начнешь? У тебя слог такой легкий, хороший. Это бы тебя заняло, о болезни бы меньше думала. Ведь творческую жилку я, очевидно, от тебя унаследовал.

— Какая уж я писательница, Вадюня. Я часто, глядя на тебя, мое ты красное солнышко, себя курицей чувствую, которая орлиное яйцо высидела. Вот даст Бог, окрепнут твои крылышки и полетишь ты у меня высоко-высоко, в заоблачную даль, а я, пока глаз хватит, буду следить за твоим полетом. А все же моя материнская молитва скорее и выше тебя полетит. Помни, Вадя, — она летит к престолу Бога, у Него я неустанно прошу благословения и помощи моему мальчику.

Взяла руку сына, прижала к груди. Тихо так, хорошо им стало. У ног кот замурлыкал, лампа чуть-чуть потрескивает, нежно благоухает букет желтых роз.

Уютно, тепло...

— Ой, кто это так громко звонит? — нервно вздрогнула Мария Николаевна. — Не открывай сразу, детка, — прежде спроси.

— Кто там? — подошел к двери Брандт.

— Именем закона — откройте.

На миг замерла рука на крючке. Пересилил себя — спокойно открыл.

Истерически зарыдала перепуганная больная.

Глава 7

Снова загадочные следы

По одной из боковых аллей, параллельных к главному проспекту, быстрыми шагами возвращались в город Зенин и Орловский. Они совершенно сливались с темнотой ночи и, если бы не вспыхивавшие по временам огоньки папирос, никто не заподозрил бы их присутствия.

— Однако, дружище, не было у нас еще такого дельца, — отозвался Орловский. — Все, кажется, стоворилось против нас. Нептун, всегда так блестяще справлявшийся со своим делом, осрамился сегодня.

Зенин не то кашлянул, не то хмыкнул что-то неопределенное.

Приняв это за одобрение или возражение, Орловский счел нужным развивать свою мысль далее.

— Черт знает, как вел себя этот дурацкий пес! Правда, он как будто довел нас до остановки трамвая, но за коим чертом он был, отскакивая от некоторых следов, наерошился и, вообще, проделывал неведомо что?

— Присядем, — сказал Зенин, опускаясь на уединенно стоящую скамейку.

Они уселись. Рядом с Зениным в виноватой позе улегся Нептун. Он точно чувствовал, что разговор шел о нем и отзывы, которые давал его хозяин, были не блестящие.

Зенин нагнулся и погладил собаку по голове.

— Спасибо тебе, Нептун, выручил, — заметил он ласково.

Его тон заставил Орловского насторожиться. Он вынул папиросы, угостил товарища и, при свете спички, заглянул в его лицо.

— Выкладывай-ка, Володя, все, что у тебя на душе.

— Я только что собирался это сделать. Ты вот ругал Нептуна, а я тебе скажу, что никогда еще он не выказал себя так блестяще, как сегодня.

— Что ты хочешь сказать? — недоумевая, спросил Орловский.

— А вот что. Можешь ли ты припомнить все сначала, весь наш сегодняшний эксперимент с собакой?

— Я думаю, что да.

— Попробуй восстановить.

Орловский затащил папиросу несколько раз и щелчком отбросил ее в кусты, наблюдая, как ее горящий конец выписывал огненные вензеля в воздухе.

— Мы пустили собаку от калитки, — начал он, закуривая вновь. — Пес быстро обнюхал следы, побежал по ним вдоль

аллеи, свернул в сторону цветника, покружился там некоторое время, вышел опять на аллею и, все время обнюхивая следы, помчался к террасе.

Еле заметным кивком головы Зенин подтвердил его наблюдение.

— Что же случилось дальше? — спросил он,

— Дальше? Дальше с псом случилось что-то необычайное. Подойдя к тому месту, где следы указывают, что кто-то долго стоял перед террасой, Нептун внезапно ошетинился, завыл и стал пятиться обратно. Потом вернулся опять к следам, понюхал их, помахал хвостом и, резво выбежав из калитки, нюхнул раза два землю с наружной ее стороны и помчался к трамвайной остановке.

— Что за прекрасная у тебя память, Александр! — воскликнул Зенин. — Ты до мельчайших подробностей восстановил все, как было.

Орловского немного удивило это восклицание. Он знал хорошо, что в этот тон Зенин впадал обычно тогда, когда был чем-нибудь доволен, но раздумывать над этим ему не было времени, так как товарищ просил его восстановить дальнейшее.

— Далее, — ты повторил то же, и Нептун вел себя совершенно одинаково.

— Отлично, Александр, — а затем?

— Затем ты дал псу понюхать какую то вещь и велел по этому запаху искать чего-то вдоль изгороди.

— Ну?! — нетерпеливо воскликнул Зенин слегка дрожащим голосом.

— Пес побежал вдоль изгороди и в одном месте внезапно повторил все то, что проделал возле террасы. Миновав с твоей помощью это место, он обежал вокруг изгороди и остановился перед тобой, виновато помахивая хвостом и глядя на тебя грустными глазами. Он не нашел того, что ты ему приказывал.

— Так-так, — поощрял Зенин, — продолжай, продолжай.

— Отметив место, где завыл пес, ты перенес туда Нептуна и, направляясь сам по газону в сторону цветника, велел ему следовать за собой, — но пес оказал сопротивле-

ние: прыгнул, точно ошпаренный, в сторону и, отбежавши к калитке, уселся там, печально глядя на нас. Затем ты снова исследовал следы и мы перешли в дом.

— Чем же ты объясняешь такое поведение пса? — глухо спросил Зенин.

Орловский пожал плечами.

— Черт его знает, — вероятно, тут возвращался убийца и где-нибудь капнула кровь, — это единственно возможное объяснение.

Зенин положил руку на плечо Орловского.

— Нептун не боится крови, он не раз доказал нам это. Кроме того, ведь убийца, убегая через террасу, не направился в сторону калитки, а обогнул дом по направлению к заднему выходу, ведущему в лес. Об этом-то ты, я вижу, не подумал.

Орловский бросил на Зенина недоумевающий взгляд. Лицо последнего было бледно и носило следы страшного напряжения.

— Так-то, мой друг, — причина волнения Нептуна не в этом.

— Так в чем же? — спросил Орловский, которому начало передаваться волнение Зенина.

— В чем, — возразил тот, — я еще не отдаю себе отчета, но пес подтвердил мою теорию — третьего лица. Вот послушай, Александр. После этой истории с псом я вновь подверг внимательному осмотру сад и...

Зенин порылся в кармане, вынул какую-то сложенную вчетверо бумажку и зажег электрический фонарь. Вот смотри, что я тебе покажу. Прежде всего, когда я внимательно осмотрел дорожку перед террасой, то я пришел к убеждению, что мы имеем дело с двумя различными отпечатками следов.

Орловский нетерпеливо дернулся.

— Два отпечатка следов, — но мы ведь сняли мерку, — все принадлежат ноге, обутой в ботинок № 27-ой.

— 27-ой-то, 27-ой, но для внимательного взгляда они оказались неодинаковы. Одни — чуть-чуть больше и обрисованы грубо, другие — еле заметны, но отпечаток изящ-

ный, точно выточенный.

— Что же ты из этого заключаешь? — спросил Орловский.

— В саду в эту ночь были два лица, носящие двадцать седьмой номер ботинок, — только один носит ботинки, сшитые нашим московским мастером, другой — ботинки от Вейса. Это необыкновенное изящество, точность работы отбилось, как в зеркале, в слегка сыроватой почве. Далее, — человек, носящий обувь нашей московской работы, оставляет правильные следы; клиент же Вейса заметно тянет правую ногу, благодаря чему след его правой ноги представляется чуть-чуть удлиненным, в то время как левый дает отчетливый отпечаток ступни. Этих следов более всего возле террасы, — совершенно нет на аллее и один след, глубокий и замечательно отчетливый, возле изгороди, то есть как раз в тех местах, где завыл Нептун.

— Из твоих слов ясно, что было действительно два лица, но если присутствию Брандта имеются какие-нибудь объяснения, то присутствию второго лица никаких.

— Мы даже не знаем, кто это был, — добавил Зенин. — Для меня ясно только то, что он пришел позднее Брандта: его след целиком затирает след Брандта. В том же месте перед верандой, где множество следов, его следы опять более ясны, чем следы Брандта. Неизвестный стоял в течение некоторого времени перед верандой, — после чего вошел в дом.

— Ты полагаешь, что он все-таки вошел?

— Несомненно. Кто бы иначе оставил эти следы в комнате девочки?

— Да, это загадка, с которой не справится Зорин, — убежденно заметил Орловский. — Ну, а что же будет с Брандтом? Удастся ли ему выпутаться?

Зенин пожал плечами:

— Если Зорин не одумается, то нам придется выступить на его защиту. Вообще я сделаю завтра обстоятельный доклад Кноппу и уголовный розыск начнет свое собственное расследование.

Глава 8

В одиночном заключении

В узкую тесную тюремную камеру заглянул косой луч солнца и осветил голые стены с убогой обстановкой, состоящей из жалкой кровати, стола и табурета. На последнем, уронив голову на сложенные на столе руки, сидел Брандт. Вся его фигура выражала крайнюю утомленность и апатию. Он так устал от всего пережитого, так у него изболелась душа, что сейчас ему больше всего хотелось бы «забыться и уснуть». Но как отделаться от мыслей, как заглушить неумолчно раздающийся в ушах истерический плач?

Ах, бедная моя мама! Как тяжело и физически трудно было оторвать от себя ее судорожно вцепившиеся руки, как страшно было оставлять ее в таком состоянии совершенно одну, с ее больным сердцем. Хорошо еще, что пристав оказался сердечным человеком и разрешил позвать хозяйку, дать ей указания хоть примитивного ухода за больной, — обещал немедленно отправить телеграмму отчиму и послал городского за врачом.

Какую страшную ночь провела, вероятно, бедная больная и успел ли уже приехать отчим? Какой удар для него! Что сделает он, связанный службой, с больной, убитой горем мамой и как перенесет трагическую смерть Рины?

Боже, Боже!

И каким образом я оказался припутанным к этому делу? Неужели их убили вскоре после моего ухода?

А Рина была такая веселая, по-старому сердечная и любящая. Мог ли я предположить, что вижусь с ней в последний раз?

Спасибо, родная сестрица, за твою помощь: хоть без денег не осталась моя бедная мама.

Скорее бы вызывал следователь, — выяснилось бы это недоразумение, и я мог бы вернуться домой. Я так сейчас нужен матери, отчиму, а быть может и Милочке, о которой

мне ничего не сказали, хотя я так плохо все слышал, что и сейчас не могу отдать себе точного отчета во всем случившемся.

Тяжело вздохнул, встал и заметался опять по камере.

Четыре шага до двери и четыре обратно до окна.

— Зверь в клетке, — вырвался у него негромкий возглас. Сейчас же тихо поднялся дверной глазок.

Брандт нервно вздрогнул. Это вечное наблюдение может свести с ума. Я не могу ни пошевелинуться, ни вздохнуть, ни кашлянуть, чтобы в крошечном дверном отверстии не появился любопытный зрачок.

Нет, зверь в клетке счастливее, он свободен рычать, рыть когтями песок, потрясать прутья своей клетки, а я... Скорей бы вызывал этот следователь! Что он, забыл, что ли, о моем существовании? Ведь не считает же он, на самом деле, меня убийцей!.. Или хочет истомить сидением и неизвестностью, чтобы играть мною, как кошка мышью?

О нет, г. следователь! Можете держать меня здесь сколько угодно, — вам не сломить и не запугать меня! Я силен сознанием моей правоты и невинности, а вам придется ответить за превышение власти.

Брандт гордо выпрямился, провел рукой по вспотевшему лбу и оглянул камеру, как будто первый раз ее видел.

Снова старая боль защемила его сердце. Голые стены и решетка на окне точно сжали, связали его движения и отняли свет и воздух. Опять надвинулись было безволие и тоска. Но нет, он не поддастся им вторично.

Подошел к кровати, лег на нее, закрыл глаза и усилием воли заставил себя успокоиться. И только было благодетельный сон начал смежать его усталые веки, как в коридоре раздались громкие голоса и топот ног.

Через минуту щелкнул замок, заскрипел засов и на пороге появился надзиратель с сообщением, что его вызывают к следователю и со стереотипными тюремным добавлением — скорей, скорей!

Формальный заход в контору, — и он за воротами тюрьмы. Жадно, глубоко дышит.

Через минуту — он опять в клетке тюремной кареты, но на этот раз он благословляет ее, — она избавляет его от позорного дефилирования по знакомым улицам Москвы с вооруженной стражей по бокам.

Сквозь маленькое решетчатое окно мелькают знакомые с детства картины: мальчишки с лотками яблок и слив на голове, торговки с корзинами овощей, татарин с узлом на спине и даже мусорщик со своим грязным холщовым мешком и клюкою в руке. Как же они все милы! Как мог он не замечать их раньше, как мог не дорожить свободой пойти куда угодно, как мог находить летний воздух Москвы душным и пыльным?

Теперь это нектар, вновь вливающий в него энергию и силу.

Глава 9

Тяжелое обвинение

Кабинет судебного следователя.

За большим, заваленным деловыми бумагами письменным столом, откинувшись на спинку кресла, сидел Зорин. Его самоуверенный вид и саркастическая улыбка без слов говорили, с каким недоверием относится он к словам сидящего против него Зенина, который горячо и взволнованно старался что-то доказать.

Говорили они о деле Ромовых, — а в частности, о Брандте.

Зенин доказывал несомненное присутствие в саду и в доме следов третьего лица и убеждал согласиться отдать несчастного Брандта на поруки его родным.

— Нет и нет, — твердо сказал Зорин. — Я не вижу разницы в обрисовке следов, считаю улики подавляющими и, чтобы убедить вас в их беспспорности, я, если хотите, вызову его сейчас для первого допроса, а вам разрешаю присутствовать в соседней комнате при открытой двери.

Зенину осталось только подчиниться.

Через полчаса привезли арестованного и в кабинет вошел похудевший, осунувшийся, но совершенно спокойный молодой человек с симпатичным и интеллигентным лицом.

При взгляде на Зорина, в котором он узнал хотя и мало, но все же знакомого человека, глаза его приветливо и довольно блеснули — и тут же погасли: на него холодно и надменно строго смотрел следователь, находящийся при исполнении своих обязанностей.

Брандт разом почувствовал себя в положении арестанта и замкнулся в броню враждебности к виноватому перед ним, по его внутреннему убеждению, человеку.

Наблюдавший за ним в дверную щель Зенин понял это молчаливое перерождение и невольно мысленно окрестил Зорина упрямым индейским петухом в судейской тоге.

Официальные вопросы предложены. Ответы получены и записаны.

Зорин предложил подследственному сесть.

— Где вы были в ночь с 11-го на 12-ое июля? — задал он первый вопрос.

— Дома, — последовал спокойный, короткий ответ.

— Я хотел бы знать, где вы провели первую половину ночи, — с 11 до 1 часу?

— Дома.

— Вы, быть может, совершенно не выходили в этот вечер? А если выходили, то, вероятно, не откажетесь сказать, куда и когда именно? Предупреждаю, — в ваших интересах говорить правду.

— Я не вижу цели лгать, — скрывать мне тоже нечего.

Следователь наклонил голову, как бы приглашая этим молчаливым жестом дать объяснения.

— Я вышел из дома вечером, — приблизительно в шесть часов, — и на трамвае поехал в Борки к сестре. Около девяти я уже был дома, так как спешил к больной матери, и больше никуда не выходил.

— Вы входили в дом Ромовых?

— Нет, я повидался с сестрой в саду, нарвал цветов для матери и уехал обратно.

— Вы только одни цветы унесли с собой из дома Ромовых?

Брандт с молчаливым удивлением взглянул на следователя. Тот сухо улыбнулся и повторил вопрос.

— Я получил от сестры еще деньги для матери.

— Ах, так эти сто рублей были взяты у убитой?

— Мне их дала моя сестра, — слегка подчеркнул Брандт.

— Ее муж знал об этих деньгах? и они были даны вам с его согласия?

— Сестра передала мне эти деньги для моей матери и я не интересовался вопросом — с ведома, или без ведома мужа она это делала.

— Давно у вас установились враждебные отношения с убитым полковником?

— Наши отношения не были враждебные, — они были просто холодные.

— Однако вы часто, приходя к ним, не заходили в дом. Почему вы это делали?

— Не заходил в дом я действительно часто, а делал это потому, что просто не любил его и предпочитал повидать сестру и ее дочь без его расхолаживающего присутствия.

— За что вы не любили полковника?

— Мне думается, я на этот вопрос могу не отвечать?

— Безусловно. Отвечать или нет — ваше право. Какой № ботинок вы носите?

— Двадцать седьмой.

— Где ботинки, в которых вы были последний раз у Ромовых?

— На мне, я имею только одну пару.

— Где брат Аннушки?

— Что? — спросил Брандт с видом человека, недослышавшего или не вполне понявшего вопрос.

— Я вас спрашиваю, где брат Аннушки, — отчеканивая каждое слово, повторил следователь, впиваясь в Брандта взором необыкновенно, по его мнению, пронизательным и неотразимым.

Брандт покачал головой.

— Я решительно не понимаю вопроса.

— Вы не знаете Аннушку и ее брата? — иронически протянул Зорин, откидываясь на спинку кресла. — Это новость!

— Я решительно не знаю, о какой Аннушке и о каком брате идет речь, — холодно заметил Брандт.

— Решительно не знаете? Так я вам напомню. Аннушка — служанка вашей сестры, а ее брат — человек, которого вы ожидали, стоя у веранды, пока он не покончит с убийством семьи и не принесет вам добычу.

— Какая низкая ложь! Кто осмелился возводить ее на меня? — вскочил со стула глубоко возмущенный Брандт.

Повелительным жестом Зорин заставил его усесться обратно.

— Советую вам успокоиться, Брандт, и не отягчать своего положения ложью, — тем более, что заpiresательство ни к чему не приведет. Следствие располагает достаточными против вас уликами.

— Уликами! — воскликнул Брандт с удивлением, смешанным с некоторым страхом. — Какие у вас могут быть улики против меня?

— Я пока не буду на них останавливаться. Прошу лучше ответить, кто может подтвердить, что вы вернулись домой не позже девяти часов? Быть может, вы встретили кого-либо из знакомых на обратном пути?

— Никого, — вплоть до самой квартиры, которую открыл собственным ключом.

— Вот видите, — у вас нет доказательств, что вы ушли от них до совершения убийства, — мы же имеем много доказательстве того, что вы там были и убежали вместе с сообщником, кем-то напуганный.

— Я? с сообщником? Я убийца? О, г. следовательно, вы жестоко раскаетесь в таком обвинении невинного человека, — возмущенно и в то же время растерянно проговорил Брандт.

— Я вижу, вас поразило мое знакомство с этим вопросом? Считаю на сегодня допрос законченным и советую спокойно обдумать свое положение. Раскаяние смягчает вину

и наказание.

Следователь позвонил.

— Уведите подследственного, — коротко приказал он вошедшему городовому.

Брандт, сопровождаемый стражей, вышел как автомат, не видя и не сознавая окружающего. Губы кривились в горькую улыбку, с них срывались слова:

— Сообщник! Убийца! Какая низость!..

Вошедшего Зенина следователь встретил словами:

— Каков комедиант!

— Я видел только пораженного и глубоко возмущенного невинного человека.

— Ну, г. Зенин, я начинаю жалеть, что сам привлек вас к этому расследованию. Вместо награды, — вам предстоит поражение; вы только тормозите мне следствие.

— Глубоко извиняюсь, г. следователь, но я остаюсь при своем убеждении, что когда будет найден убийца, он скажет о Брандте, как и тот сказал о нем: «Я его решительно не знаю».

— Ну, советую поспешить с поимкой убийцы, как говорите вы, и с поимкой сообщника Брандта, как утверждаю я, — сказал следователь, прощаясь с Зениным.

Глава 10

У камина

— Кофе и ликеры подавайте в кабинет барина, — приказала Надежда Михайловна, поднимаясь из-за обеденного стола.

Гостей было только пять человек, — два молодых помощника ее мужа, из которых старший, Владимир Михайлович Захаров, — молодой человек лет 27-ми, среднего роста, с мелкими чертами нервного лица под шапкою густых круто вьющихся волос. Второй, Алексей Петрович Иванов, едва окончивший университет и начавший свою юридическую

карьеру с влюбленности в своего принципала, с которого не спускал глаз и, сам того не замечая, копировал его манеры и повторял высказываемые им мнения. Третий, доктор Сергей Сергеевич Карпов, толстяк лет 60-ти, симпатичный, серьезный человек и известный врач. Четвертый, судебный следователь Николай Николаевич Зорин, большой скептик, человек средних лет, высокий, худой, с манерами и внешностью англичанина, самомнительный и нетерпимый. Наконец, пятый, очень высокий, худой господин неопределенного возраста, всегда в больших темных очках и неизменной черной паре. Называли его просто г. Прайс, но никто не знал точно, чем он собственно занимается и когда и как попал в первый раз в судейский кружок.

Вся эта компания уютно уселась в большом кабинете хозяина, сгруппировавшись у ярко пылавшего камина. Один Прайс уселся в темном углу за книжным шкафом.

Разговор сначала вертелся на новинках театра, на чудачествах модного тенора, а потом незаметно перешел на загадочное убийство полковника Ромова.

Надежда Михайловна встала и вышла из комнаты.

— Ваша жена, Иван Афанасьевич, все еще не может слышать об этом деле? — спросил Зорин у хозяина.

— О, да, еще больше, чем прежде. Вы представить не можете, как мне больно ее предубеждение против несчастного Брандта, невиновность которого я чувствую и так хочу доказать и, простите, Николай Николаевич, но я верю глубоко, что она будет доказана, а все ваши вещественные доказательства разлетятся в прах.

— Ваша уж такая профессия, Иван Афанасьевич, всех защищать и оправдывать, — засмеялся Зорин.

— Самое печальное, — вмешался доктор, желая прекратить могущий возникнуть спор, — это то, что Надежда Михайловна все еще не может примириться со смертью Бори и я серьезно опасаясь за состояние ее здоровья. Настоятельно советую, увезите ее на юг, на солнышко, к морю; а главное, из этой квартиры, где все ей напоминает роковую страшную утрату.

— В этом-то и горе мое, — тяжело вздохнул Иван Афанасьевич, — что я не могу вырвать ее из детской, от постельки Бори, где она доходит до галлюцинаций и уверяет, что видит и говорить с ним. Вот и сейчас наступает время, когда его обычно укладывали спать, и она, вероятно, опять пойдет в детскую. Она не позволяет ничего трогать в роковой комнате, где скончался наш незабвенный малютка. На окнах спущенные шторы, в углу наскоро сдвинуты любимые игрушки, ночной столик, полный бутылочек с лекарствами, лампочка, заставленная вышитой ширмочкой, и неубранная кровать.

Ах, эта кровать! Вот полусброшенное одеяльце, когда обезумевшая мать выхватила с постели тепленький еще труп Бори. Помятые простыни и подушка, на которых метался страдалец. Я сам, глядя на них, часто начинаю видеть мечущегося малютку с его бездонными синими глазами, из которых глядело безумие. Кажется, все еще звучит в комнате это его почти непрерывное: «Ма-ма-ма, бу-бу-бу...» Есть от чего сойти с ума.

— Э, батенька, да и вам бы проветриться не мешало. Авось солнышко и море, а главное, новые впечатления и другие люди, если не прогонят совершенно, то хоть притупят вашу тоску. Послушайтесь меня, если не как доктора, то как пожившего и повидавшего виды человека.

— Спасибо, Сергей Сергеевич. Ценю в вас доктора, а еще больше искренно преданного нам друга.

— Почему вы видения вашей жены, а отчасти и ваши, приписываете только галлюцинациям? — как-то проскрипел Прайс.

— Фу, какой противный голос, — никак не могу к нему привыкнуть, — нервно вздрогнув, тихо проговорил Захаров.

— Вы, коллега, очень нервны и чутки стали, — не прошло для вас бесследно участие в спиритическом кружке, — прошептал склонившись к нему Иванов.

— А вы опять со своими духами, г. Прайс?

— Неизменно и неустанно, Николай Николаевич.

— А не заняться ли нам страшными воспоминаниями, если они у кого есть? — предложил скептик-следователь.

— Да, да, — подхватил Иванов. — Кстати, сегодня льет дождь и ветер так завывает. Бррр... — не хотел бы я сейчас оказаться в поле, там, верно, зги не видно, а ветер такой, что и в городе с ног валит.

— Самая настоящая погода, а пожалуй, и обстановка, если бы любезный хозяин позволил загасить электричество и остаться при одном мерцающем свете камина.

— Вы изрекли истину, Николай Николаевич, — задумчиво сказал доктор. — Мне невольно вспомнился такой же вечер и ветер и свет камина. Только это было давно.

— Доктор, расскажите, расскажите, — раздались голоса.

— Забавно услышать, доктор, если это что-нибудь потустороннее, да еще при такой подходящей обстановке, да плюс еще эти сказки о явлениях на даче убитого полковника его верного денщика. Вы, конечно, не забыли, что он повесился на чердаке дачи, когда, вернувшись, узнал о трагической смерти всей семьи своего барина.

— Не забыл-с, батюшка, и остаюсь при своем мнении, что его повесили, а не он повесился, хотя меня так блестяще оспаривали двое моих знаменитых коллег, приглашенных проверить мою теорию нахождения узла при самоличном повешении.

— Да, да, узел на сантиметр дальше, чем должен бы быть при «самоличном» прыжке, — засмеялся следователь.

— Смейтесь, батюшка, коли весело, а только правда, как шило из мешка, когда-нибудь да покажется.

Резкий, неприятный смешок раздался из угла Прайса.

— Скрипит человек во всех проявлениях, буквально дергает мне нервы, — снова проговорил Захаров.

— Однако, мы отвлеклись от вашей истории, доктор, поделитесь ею с нами; к нашим просьбам, вероятно присоединится и наш дорогой хозяин, — любезно произнес следователь.

— Просим, доктор, пожалуйста, — раздалось со всех сторон.

Доктор подбросил в камин дров, отчего угасавший было огонь снова ярко вспыхнул, нервно прошелся несколько раз по кабинету и сел почти у самого огня.

— Давно это было, — задумчиво глядя в камин, начал он. — И лысина у меня еще не появлялась, и кости не болели и не нуждались в таком близком соседстве огня, — да и на нервы в то время не мог пожаловаться.

В канун сочельника вызвали меня ехать на вскрытие тела повесившейся женщины, в село Измайловское. Уж больно не хотелось ехать, но следовательно, вот такой же молодой и скорый, как Николай Николаевич, тормозит и уговаривает, лучше-де сегодня, чем в самый праздник. Да и ей не висеть же неделю посреди комнаты. Словом, собрались, едем и, по молодости, подсмеиваемся над покойницей: выбрала-де время повеситься.

— Нехорошее время выбрала, барин, — обернулся ко мне возница. — Старики говорят, кто в канун сочельника с собой покончит, — ходить по земле будет и беспрерывно придется ему осиновый кол в могилу вбивать.

— Вот тебе матушка Русь темная, имей тут с ними дело, — сказал следователь.

— Знамо, темная и есть, что и говорить, а только так старики сказывают, да и упокойница, прости ее Господи, чудной человек была.

— Чем же чудной? — встрепнулся следователь.

— А кто ее знает. Все задумывалась. Побежит бывало на пруд, обхватит рукой иву, склонится над водой и глядеть, и глядит... и кто ее поймет, что она там видит. А тут еще муженек крутенок да скор на расправу. Не охотой, бают, она за него шла, — жених там у нее остался. Она за сорок слишком верстов брадена, из бедного, слышь, дома. Ну, а он богатей, — сами увидите. Дом большой, железом крытый, при доме бакалея, ну и скотом приторговывает.

— Что же, они между собой, значит, не дружно жили?

— А кто их там ведает, мы этим не занимались. Но-но, пегаш, вывози, — дом близко. Но, родимый, — остатняя горочка. Вон уж и колокольня видна, — явно уклонился от дальнейшего разговора крестьянин.

Заехали мы на постоянный, разобрались, урядника да понятых прихватили, — идем.

Дом и правда очень большой. Крылечко с улицы, сбоку лавка, окна и ставни с резьбой. Видно, что богатеи живут.

На крыльцо выбежал хозяин в пиджаке, — по жилету толстейшая цепь распушена, рубашка с откладным воротником ярким галстуком повязана, на ногах сапоги хорошие, — совсем деревенский франт. Но только у франта этого глаза все по сторонам бегают. Не люблю я, признаться, таких глаз.

— Где труп? — отрывисто спросил следователь.

— А вот сюда-с извольте пожаловать, в боковушечку, там, значит, и караульщики при ней. Там-с горе мое, — всхлипнул хозяин.

При нашем входе вскочили два мужика. Комната довольно длинная, разделенная от соседней перегородкой, не доходящей до потолка и законченной вверху решеткой. И вот на этой-то решетке висит труп.

— Когда заметили, почему снять не пытались? — спросил следователь.

— Заметила, значит, стряпуха, когда печи в комнатах пришла затапливать. На крик ее я и проснулся. Прибежал, схватился за нее, а она, голубушка, уж окоченевши вся. Я народ взбулгачил, — видим, давно покончилась. Ну, без начальства снимать и не осмелились.

Подошли мы к трупу. Ноги на четверть до земли не хватают, — шага на два от нее табурет на полу валяется. Смотрю я на нее и думаю, как это она при прыжке странно петлю затянула. Вот тоже, — на сантиметрик, — как Николай Николаевич шутить изволит. На мой взгляд узелок-то и неправилен. Подумал, но молчу. Молод был, неопытен. Где тут на сантиметрах обвинение строить. Произвел вскрытие. Смерть от удушения петлей. Начался опрос. Муж плачет-разливается. Вчера, видите ли, бычков на продажу гонял, примерз, уморился и заснул как убитый. Ничего не слышал.

— А ничего за ней не заметили, когда приехали?

— Нет, — быть ничего. Понурая только была, так мы к

ее чудачествам привычны.

— А в чем же чудачества эти проявлялись?

— Задумается бывало, затоскует без причины, а то на поле убежит, на пруд, а летним временем и в лес.

— А для тоски разве причины не было?

— Кто ж ее знает. С детства, говорят, испорчена была. Мы этого не знали, — она дальняя. За красоту взяли... А уж любил я ее, баловал, наряжал как куклу. Все соседи видели.

Сняли допрос с соседей. Сама удавилась, да и только.

Тут местный батюшка подошел, позвал к себе, залу отвел, напоил, накормил. На ночь велел камин затопить, — видит, прозябли мы очень.

Подсели мы к камину; ветер воет — пурга поднялась страшная. Я об деле заговорил, — обсуждаем. Где тут правду узнаешь? Мужик, видать, кулак — в руках всю округу держит. Даже сам батюшка, говоря о нем, все бородку гладит, похваливает, а в то же время как будто глаза отводит. Встал, попрощался.

Мы сидим, говорим. Вспомнили нашего кучера. «Вот бы, — говорю, — слова его сбылись, да покойница сама явилась бы свидетельницей».

Только я это сказал, и — точно холодом нас обдало. Оглянулись, — не дверь ли открылась, — и вдруг в пяти шагах от нас, всю освещенную каминным огнем, ясно, как вас теперь, увидели мы покойницу. Стоит... На шее веревка, а в протянутой руке — письмо.

Может, и одной минуты видение не длилось, а вот и сейчас ее перед глазами вижу — так ясно запечатлелся ее образ.

Что с нами было, много ли времени прошло — не помню. Следовательно, как сумасшедший, вскочил, к батюшке бросился, торопит: «Скорей, позвать урядника, старосту, да за мужем покойницы послать!» А сам не в себе по комнате бегаёт.

Я дрова, как сейчас, подкидываю... Ввели мужа. Следовательно как накинется на него:

— Почему письмо скрыл? Для чего лжешь? Смотри, себе хуже сделаешь.

Побелел мужик, затрясся весь да бух ему в ноги.

— Моя вина, барин! Звал жену от меня убежать жених ее первый. Света я не взвидел, к тому ж еще и выпивши был. Как домой приехал, как спать лег — не помню. А бес в уши шепчет: «Убей — смотри, уйдет, осрамит». Вскочил я, метнулся в боковушку, петлю закинул и ее поволок. «Ступай, — говорю, — лучше к дьяволу, чем к любовнику». Она сначала шла, ничего — слова не промолвила, ну, а как петлю стал накладывать, затрепыхалась вся, вырываться начала. Я ее к переборке прижал, потянул да и попридержал; потом отскочил, а она, бедняжка, ногами подергала и затихла...

— Так вот, господа, как правда нечаянно и негаданно вылезла. Поэтому узел не на боку и не сзади получился, что он ее, прижатую к стене, тянул. На сантиметрик петля и съехала.

Замолчал доктор, и тихо так стало — только ветер свистит и завывает...

— Ива, слышишь, как Боря дико кричит?!..

Все невольно вскочили.

В раздвинутой портьере, ярко освещенная пламенем камина, стояла мертвенно-бледная, в траурных одеждах Надежда Михайловна.

Глава 11

По грибы

Все эти дни стоял нестерпимый зной. И сегодня, едва восемь утра, а уже жарко на пыльных улицах села Богородского. Все оно точно вымерло.

Страдная пора. Все, кто только может работать, в поле. На селе остались одни ребятишки и старухи.

Вот на околице собрались мальчуганы и сговариваются идти в лес. С завистью смотрят на них девчонки, большинство которых оставлено в роли нянек.

В дорожной пыли копошатся маленькие ребята. Мало на них обращают внимания девочки-няньки. Да не больше и древние старухи, что выползли на солнышко. Сидят на завалинках, прикрыли рукой полуслепые глаза и смотрят прямо на небо, навстречу горячим, ярким лучам, да что-то шепчут беззубым ртом — не то молятся, не то сами с собой разговаривают, а малые ребяташки режут — разрываются.

Вот одна из девчонок бросилась в избу, в которой дико вопил младенец, торопливо нажевала черного хлеба, завернула жвачку в грязную тряпку и глубоко засунула в рот крикуна эту импровизированную соску.

Полузадушенное дитя невольно замолчало, глазенки почти вышли из орбит, а по замазанному худенькому личику катятся крупные слезы, — молчаливый протест против ниспосланной тяжелой доли.

Другой полузадушенный крикун замолчал и без соски. Нет у бедняжки сил даже на крик. Лежит в пыли... закатились глазенки, посиневшая кожа сморщилась на лице и ручках. Рой мух облепил страдальца. Скорый он кандидат в «Божьи ангелы», как принято в деревнях называть умерших младенцев. Рядом с ним в грязной луже развалилась свинья, а при ней более счастливые дети — поросята.

Блаженно хрюкает мать. Чмокают, попискивая, ее сытые детки.

— Бабушка Лукерья, — подошла к одной из старух семилетняя нянька, еле волочившая в охапке грудную сестренку, — погляди-ка за Санькой, я только на чуточек сбегая в лес... Я тебе принесу ягод.

Не дожидаясь ответа, она шлепнула на завалинку Саньку, а сама без оглядки бросилась догонять ребяташек, не обращая внимания на несущиеся ей вслед вопли ребенка и отчаянный зов бабушки Лукерьи...

Группа детей, с кузовками в руках, направилась в лес, где мальчики и девочки невольно разделились: первые бросились лазить по деревьям за белками и птицами, вторые занялись грибами и ягодами.

— Девчонки, не расходись далеко, да гукайтесь почаще, — предложила серьезная Груша.

— Я одна боюсь ходить, — заявила сестренка брошенной Саньки.

— А чего тут страшного? — спросила Аленка.

— Ага, чего! А как волк тебя сцапает, а то и на медведя наткнешься.

— Ну, мы глыбко в лес не пойдем. Да летом, тятка баил, зверье на людей не кидается, — потому сытое.

— Сытое, как же! А почто ж бы оно тогда у пастухов ягнят таскало? Нешто с грибов да с ягод сыт будешь? Держи карман шире! Вот как тебя сцапает да сожрет, тогда сыт будет, это верно.

— Язык бы тебе отсох, полудурье! В лесу такие слова говоришь.

— Я так, к слову.

— То-то к слову, — отплюнулась Аленка.

— А-у-у! — раздался по лесу тоненький голосок.

— Гу-гу! — откликнулась Аленка и пошла целиной на голос.

Разбредись по сторонам ребятишки. Хорошо им в лесу.

Сосны от зноя густо напоили воздух смолой. Весело щебечут перепархивающие с дерева на дерево птицы. Деловито стучат по стволам дятлы. Беззаботно прыгают по веткам пушистые белки.

На одну из них загляделась Аленка и идет за ней следом, не замечая попадающихся под ногами грибов и забывая подавать голос.

Не замечает она и бесшумно скользящей за ней тени — переходящего от дерева к дереву местного дачника Прайса, которого ребятишки прозвали «черным барином».

Аленка загляделась на белку и за ней охотится. Но что же здесь делает Прайс? На кого или на что фосфорическим блеском загорелись его глаза?

Высокая, худая фигура согнулась, растянувшийся в плотоядную улыбку рот открыл острые желтые зубы...

Опомнись, оглянись, милая девочка, звонче аукни подруг!..

Нет, где там! У нее вся душонка ушла в глаза: думает только об одной белке. «Прослежу, дескать, ее, не все ж она

будет по деревьям прыгать. Где-нибудь близко ее гнездо — она в нем недолго просидит, — а как уйдет подальше, тогда можно будет попытаться влезть в дупло и вытащить ее детенышей».

Замечталась Аленка, как она заберет их в подол и отнесет в Борки — дачникам, и продаст, бесспорно, дороже грибов или ягод. Малые барчата охочи на новую забаву. А и хорошо же им жить, этим барчатам: наряжены во все белое, точно ангелы, что в церковном притворе написаны, только крылышек нет. У девочек на головках разноцветные банты завязаны и, как бегут, банты над ними точно бабочки развеваются. Вот бы так хоть одну недельку пожить, чтоб и на нее все люди заглядывались и любовались.

А того не знает Аленка, что она — со своими лучистыми серыми глазами под дугой черных бровей, с ярким румянцем на загорелых щечках, с алыми губками пухлого ротика, с корзиной в повисшей ручонке, — на фоне покрытой цветами лужайки была прелестным видением и являлась бы бесценной находкой для кисти художника.

Вздохнула Аленка, тряхнула головкой, как бы отгоняя напрасную мечту, и, точно ее толкнуло что, — обернулась.

В двух шагах от нее горели зеленые глаза черного барина, а протянутые руки — вот-вот ее схватят.

— Васька-а-а! — диким, нечеловеческим голосом завопила вспомнившая о брате девочка.

— Зде-ся-а! — неожиданно близко раздался ответный крик Васи, и через минуту двое мальчишек выскочили на полянку.

Черная тень подалась назад и слилась с кустами...

Насмерть перепуганная, всем телом трясущаяся Аленка долго не могла произнести слова.

В руках Васи, освещенная солнцем, переливалась всеми цветами радуги, развеваемая ветром, роскошная, яркая шелковая шаль.

Глава 12

Без заглавия

У самой калужской заставы, за большим палисадником, стоит удивительно симпатичный беленький домик.

Ярко горят на солнце вымытые стекла. В висящей на окне большой клетке звонкой песней заливается канарейка. Умильно поглядывает на нее сибирский котенок Пушок. В избытке юных сил и резвости носится, как безумный, по усыпанным желтым песком дорожкам песик Бобка.

В кухне с утра до вечера распекает свои украинские песни черноокая дивчина Оксана. И надо всем этим царит и управляет симпатичнейшая и добрейшая Марта Ольгердовна Зенина.

С утра до вечера хлопочет она по хозяйству. Ни один бедняк не уходит из ее домика без посильной помощи, ни одна страждущая или мятущаяся душа — без слова ласки и утешения.

Ей и не нужно лишних слов, одна улыбка на ее милом лице действовала на всех успокаивающе и умиротворяюще. Она одинаково ласково говорила с людьми, с животными и с цветами. В ее душе жила только любовь и никогда ни тени гнева, или раздражения.

Все под ее взглядом и под управлением мягкой, любящей руки невольно подтягивались и становились лучше. Даже и на цветах это отражалось — зелень и цветы ласкали глаз своей свежестью.

Подбор цветов в ее палисаднике был самый простой. Среди клумб возвышались георгины и пионы, целые грядки были засеяны астрами для осени. На клумбах пестрели: гвоздика, левкой, душистый горошек, и все окаймляли резеда и анютины глазки. Только у входа на стеклянную террасу гордо подымали свои головки царственные розы. Казалось, что они с высоты величия смотрят на остальную сборную братию и положительно презрительно на пеструю гирлянду мальв, тянущуюся вдоль забора палисадника.

Напрасно гордитесь, пышные розы, вся эта скромная братия, благодаря тщательному уходу любящей хозяйки, блестит свежестью лепестков, веселит глаз пестрой расцветкой и, смешивая свои благоухания с вами, царицы цветов, делает общую очаровательную рамку прелестной седой старушке.

Огорчают ее только Пушок и Бобик. То и дело они дерутся, и что только им нужно делить. А эти покушения Пушка на канарочку! Вот и сейчас он умиленно поглядывает на окно...

— Я тебя! я тебя! — грозит ему старушка. — Ах, Боже мой, Оксана! — бросилась она к окну кухни, — смотри не передержи пирожки да цыплят поливай почаще, чтобы были румяны и мягки. Знаешь ведь, как их нужно готовить для молодого барина. Воздушный пирог я приготовлю сама.

— Не журиться, пани, пирожки на диво, а курчатки аж хрущат, зарумянились, ходить подывытыся.

Сегодня у Володи обедает гость. Хоть какой же Орловский гость — свой человек в доме, — а все же Марта Ольгердовна хлопочет. Невольно сказывается в ней хозяйка-полька, любящая не только угостить, но и блеснуть своей хозяйственностью и кулинарным искусством. Орловский тоже поляк, значит, на чужбине особенно дорогой гость.

Нарвала букет цветов для стола и пошла еще раз осмотреть, все ли в порядке.

«Говорят обо мне, что я всех одинаково люблю, — где там! а Володя?! Прости меня, Боже, — часто думает старушка, — ведь я на сына молиться готова. Вот только профессия его мне не нравится: каждый день подвергается опасности. Последнее время ходит такой хмурый, озабоченный. Ест за обедом только в угоду мне, чтобы меня успокоить, а у самого, вижу, мысли далеко от еды. А вот и он!» — торопливо пошла навстречу сыну старушка.

Зенин бледен, едва держится на ногах от усталости, но нельзя расстроить и без того слабую здоровьем мать.

Весело идет ей навстречу, нежно целует вынынчившие его руки, доброе озабоченное лицо и старается, ловя пылливый, чуткий взгляд матери, занять ее внимание другим.

— Поздоровайся, мамочка, с Орловским да накорми нас скорее, родная, мы голодны, как волки. Смотри торопись, а то съедем тебя саму.

— Не верьте ему, Марта Ольгердовна, я скорее умру от голода, чем не только съем вас, но даже покушусь на один волосок с вашей головы, — наклонился, целуя руку старушки, Орловский.

— Ну уж, идите скорее в столовую, там есть много кое-чего повкуснее, чем мое старое тело.

В столовой, действительно, стол был полон мастерски приготовленных закусок. Таяли во рту пирожки Оксаны, а прекрасно изжаренных цыплят сменил воздушный пирог, и все это обильно поливалось недорогим, но хорошим вином.

За обедом перекидывались веселыми, ничего не значащими фразами — видимо, занимали и отвлекали от чего-то мать Зенина.

Но вот обед кончился. У старушки посоловели и часто мигают глаза: грешным делом привыкла соснуть часочек после обеда. Это знают и идут ей навстречу.

— Мама, родная, побалуй нас с Орловским, пришли ко мне в кабинет черное кофе и, если есть, ликер.

— Как не быть, — встрепелась хозяйка. — Сейчас пришло все с Оксаной, а я уж пойду полежу немножко, — ласково улыбнулась Марта Ольгердовна сыну и Орловскому.

Этого только они и ждали. С любовью поцеловали руку у милой хозяйки и перешли в кабинет.

Несколько минут хранили молчание.

— Ну? — коротко спросил Зенин.

— Плохо: ничего или почти ничего.

— Что же твоя собака? Ты так верил в чутье Нептуна.

— Что же, Нептун довел до вокзала, а дальше, понятно, потерял след. Что говорят соседи, ты знаешь. Боюсь, что напрасно мы тратим время, упорно бродя по окрестностям Борка.

— Да, кстати о Борках, — перебил его Зенин. — Там, на окраине, поселился Прайс. Интересный это субъект: живет одиноко, таинственно, никто о нем ничего определенно не

знает. Если бы не погоня за убийцей и не необходимость ехать на днях искать его на юге, я бы не шутя последил за этим господином.

— Какой интерес может представлять это старье? Удивительно не любит его мой Нептун. Чует он его далеко, тут же становится у него дыбом шерсть, поджмается хвост, и он трусливо жмется к моим ногам. Сегодня в лесу мне показалось, что он попал на следы убийцы, — упорно нюхал кусты и тропинку, потом побежал с тем характерным потягиванием, когда нападает на след, и вдруг, с вышеупомянутыми-то признаками, бросился мне под ноги: из кустов неожиданно вышел Прайс...

На минуту водворилось молчание.

— Я должен ехать на юг, Александр; но очень прошу тебя не оставлять слежку в Борках, окрестном лесу и ближайшем селе. У меня предчувствие, что именно там мы найдем кончик нити.

— Можешь ехать спокойно, — я не оставлю начатых нами розысков. Кстати, завтра храмовой праздник в Озерках. Это в пяти верстах за Богородским, пойду, потолкаюсь, посмотрю, послушаю.

— Хорошая мысль, я пойду с тобой! Смейся, если хочешь, но меня что-то толкнуло при слове «Озерки». Неужели нападём хоть на какой-нибудь след?!

— Очень возможно. На праздник обычно стекаются со всех окрестностей любители выпить и любительницы щегольнуть нарядами из девиц и молодых, ну, и парни не упустят случая поухаживать, а то и сорвать, что плохо лежит. В этих случаях лес-батюшка много видит и, до поры до времени, тайны хранит.

Задребезжавший звонок телефона прервал разговор.

— Слушаю... я, Зенин... Он здесь у меня... Слушаю... Сейчас выезжаем.

— Ну, Александр, едем. Звонил Кноп. Вызывает обоих, и голос его не обещает хорошего.

— Э, ничего, Володя. К распеканиям его не привыкать стать. А ведь и ему не сладко с этим проклятым делом! Газеты не перестают обливаться помоями, тоже и в его шкуру я

влезть не хотел бы.

Глава 13

Дача на опушке леса

Поздний темный июльский вечер.

Не ходит, а буквально мечется по своему кабинету Зенин, прислушиваясь к шороху за стеной, где укладывается спать его старушка-мать.

Сегодня ночью он, на свой риск, решился сделать обыск у Прайса.

«Скорее, скорее ляг и усни, мама, мне необходимо уйти на всю ночь, а если я пойду с твоего ведома, то не уснешь ты, моя бедная, до самого утра», — шлет он мысленное внушение через стену.

Минуты бегут и бегут. Скоро половина одиннадцатого.

— Хорошо, что я дал ключ от садовой калитки Орловскому, — рассуждал Зенин, — он, вероятно, уже ждет меня в беседке со своим Нептуном. Только бы скорее улеглась мать да не учуял бы Нептуна Бобка — у этого щенка тоже хорошее чутье.

За стеной скрипнула кровать и долетел вздох человека, протянувшегося в удобной постели после утомительного дня.

Завозился на своем матрасике Бобка. Прижавшись ухом к тонкой стенке, слушает Зенин.

Скоро сладко засопела собака и послышалось глубокое и спокойное дыхание засыпающего человека.

Облегченно вздохнул Зенин и, неслышно ступая резиновыми подошвами, пробрался в столовую, а из нее через балконную дверь в сад.

— Что ты так поздно? — встретил его Орловский, а умный Нептун, чуть слышно визгнув, полизал ему руку.

— Мама все не спала, а ты ведь знаешь, как ее волнуют наши ночные похождения, — ответил Зенин, лаская собаку.

Через несколько минут они уже сидели в трамвае и мчались по затихшим улицам Москвы в Борки. Что-то даст им эта ночь?

Полночь. Вернувшиеся с музыки и гулянья дачники успели поужинать и укладываются спать. На опустевших дорожках парка изредка попадаются запоздавшие пешеходы и ищущие уединения парочки. На последних с раздражением косятся Зенин и Орловский: несет же их нелегкая как раз в ту сторону, куда направляются и они.

Нептун точно чувствует настроение и мысли своего хозяина и тоже неодобрительно поваркивает. Так бы, кажется, и впился зубами в ногу ночного франта или его дамы: «Ну, чего, дескать, не спите, как все добрые люди, только нам в серьезном деле мешаете».

Вот конец нарядных дач, Дальше, на окраине, разбросаны маленькие домики. К самому последнему из них, стоящему на опушке леса, и пробирается Зенин с Орловским.

Наклонившись к собаке, Орловский шепнул ей в самое ухо:

— Оставайся здесь, Нептун, не лай, не ворчи и жди моего призыва.

Умный пес чуть потерялся об ногу хозяина и лег за ближайшим кустом. Черная шерсть собаки слилась с чернотой ночи.

Оба друга положили рядом с собакой свои пальто, проверили глухие фонари и отмычки и, невидимые в обтяжных черных костюмах, неслышно ступая мягкими подошвами, направились в обход дома.

— Только бы не оказалось у него собаки.

— Нет, псы органически его не переносят. Я же говорил тебе об этом.

Крошечный домик погружен во тьму. Мертвая тишина. Не шелохнется лист, не затрещит кузнечик.

Спит хозяин, или его нет дома?

Тревожно бьется сердце у Зенина, осторожно вкладывающего отмычку в дверной замок.

На страже, под окном, притаился Орловский.

Чем они оправдают свой ночной визит ко всем известному, всюду бывающему старику, если тот накроет их у себя? Разрешения на обыск у них нет — что-то будет?

«Влезть в чужую квартиру, основываясь только на каких-то предчувствиях, это прямо мальчишество» — невольно думает Орловский.

Чуть слышно скрипнул замок, и Зенина обдало сыростью непроветриваемого помещения. Осторожно переступил порог. Чутко слушает. Ни звука. Быстрым, тонким лучом света прорезал темноту.

В первой комнате никого, во второй — тоже. Глубоко, облегченно вздохнув, Зенин быстро привычной рукой приступил к обыску. Слава Богу, что обстановка самая скромная, почти скудная, не представляет большого затруднения.

Осмотр первой комнаты не дал ничего. Вторая... Фу, какая сырость, точно в подвале! Как может человек жить в таких условиях! И это называется снять дачу для поправления здоровья.

Какая странная обстановка! В буфете ни признака посуды, на столах ни книги, ни даже клочка бумаги. Что он, дни и ночи проводит вне дома, что ли? Даже постель точно никогда не трогается.

Ах, нет, вот и признаки присутствия чужого человека. «Ого, милый! Да вас, оказывается, посещают дамы», — подумал Зенин, поднимая с полу маленькую шпильку и тут же, на пыльном полу, заметил едва видные следы, оставленные маленькой, изящно обутой ножкой.

Что за диво! Такая старая развалина в сырой берлоге принимает молодых дам. На ее молодость указывает легкость отпечатка ног, шаг быстрый, эластичный.

Медленно, шаг за шагом, освещает пол Зенин.

Что это? Чуть не выпал фонарь из задрожавшей руки. На ножке кресла, у самого пола, Зенин заметил прилипшие ворсинки от черного сукна. Осторожно начал собирать их на бумагу. «Неужели подойдут к тем, что хранятся у меня? к ворсинкам, найденным на подушке Милочки Ромовой, о которых я пока не заявлял, не считая их серьезной уликой?»

Открывающиеся с этой находкой новые перспективы захватили у него дух...

Довольный своей находкой, он только собрался позвать Орловского, как вдруг струя холодного воздуха пронизала его спину. Пронесшийся порыв ветра сердито застучал в окно ветками деревьев. В его руке погас электрический фонарь.

По комнате разлился призрачный зеленоватый свет и в нем, плывя по воздуху, появилась чудная женская головка. Губы ее дрогнули и раздался чуть слышный, похожий на отдаленный звон серебряного колокольчика, гармонический смех.

Видение исчезло... Свет погас... Комната наполнилась удушливым смрадом... Засвистел, загудел в трубе ветер, зашуршали, застонали высокие сосны...

Невидимая рука с силой выбросила Зенина через распахнувшуюся дверь. Его встретили шатающийся Орловский и воющий Нептун. У бедной собаки поднялась дыбом шерсть, и она, отбежав подальше от дома, жалобно завывала.

Окончательно опомнились и пришли в себя трое только в квартире Орловского.

Вот тебе и результат обыска! Вот и обещание Кноппу, что в следующий раз они не придут с пустыми руками !

Не могут же они явиться в кабинет начальника уголовного розыска с детским лепетом о призрачной головке, появившейся в зеленоватом свете, об удушливом запахе, о разбросавшей их невидимой руке и тому подобной чертовщине.

От таких результатов самовольного обыска у Кноппа живо полетишь со службы.

— Нет, брат, приходится молчать.

— Но ведь реальна же лежащая на столе шпилька! — воскликнул Зенин.

— Приложи ее, дружище, к ворсинкам, собранным у Ромовых, и пока лучше помолчи — авось завтрашний праздник в Озерках даст что-нибудь более существенное.

Глава 14

Ночное

Кроваво-красный шар заходящего солнца скрылся за горизонтом и над селом Богородским спустились вечерние сумерки. Наступает ночь.

Но как ни темна она, все же не лишена своеобразной чарующей прелести.

Выйдешь за околицу — там луга начинаются. Их прорезает извилистая речка. На горизонте виден лес.

На скошенном лугу неустанно трещат кузнечики. В ближайшем болотце лягушки квакают-заливаются. Выпь плачет. Скрипят коростели. А над всем этим, все в ярких звездах, темно-синее небо огромной чашей опрокинулось.

На лугу, среди ивовых кустов, пылает костер. Над ним котелок подвешен: картошка варится.

Кругом костра сидят и лежат мальчуганы лет от девяти до двенадцати. Возле них — и дальше по лугу — стреноженные лошади траву щиплют, похрапывают.

Мальчуганы болтают, смеются.

Один лежит, в худой зипунишко завернулся, ручонки за голову закинул, лицо все в веснушках, как яйцо сорочье пестрое, волосенки рыжие всклокочились, а глаза — большие, серые, вдумчивые — почти не мигая, в небо уставились.

— Эй, Гришутка, что ты лежишь молча? — толкнул его сосед. — Аль опять звезды считаешь? Много ли насчитал-та?

Кругом смех.

— Не трошь его. Вот мы картошку-то съедим, а он пуцай звездами закусывает, потом расскажет нам, вкусны ли.

— Я, братцы, жду, скоро ль месяц взойдет.

— По что он тебе занадобился?

— Как по что? Митька, аль ты не знаешь, что как месяц взойдет, то русалки на воде выплывут, вот он и пойдет с ними купаться.

Все опять засмеялись. А Гришутка хоть бы пошевелинулся. Заговорил потихоньку, но скорее сам с собой, чем с ребятишками:

— Вот теперь уж махонький серпок от месяца остался, а куда остатний-то девается? Вон звезда, какая она есть, такая и останется, и сонце тож — взойдет шаром, шар и закатится, а луна, вот тебе, то растет, то убавляется.

— Вставай, дурной. Луна-то убавится, а на новый месяц и опять нарастать начнет, а вот как картошка у нас в котле убавится, так уж и не прибавишь, нет! Брюхо-то у тебя подведет. С дому-то, чать, голодный пошел? Чего там у твоей матки-то есть? Бобыли! — сочувственно-презрительно сказал положительный Вася.

Гришутка встал, и, по тому, как он принялся за картошку, видно было, что брюхо у него и вправду не очень-то напихано.

— Слышь, Вась, а куды ты находку-то свою подевал? — спросил шустрый непоседливый Сережка.

— Сестре подарил. Я не девчонка, чай, чтоб шелковым платком голову повязывать.

— А и красив же платок, братцы-ы! Вот только жаль, что шмат порядочный оторван, а то и барыня не побрезговала б.

— Ничего, матка заплата, а Грунька подыспод рванный-то конец подкладывает.

— А что, ребятушки, — не молчалось Сережке, — долго ли еще по нашим местам страшный барин будет шманатца?

— Хватил, «барин»! Прощалыга! — безапелляционно решил Вася.

— А чему не барин?

— Наперво, худой, как щеп, хоша и старый, а у настоящего старого барина пузо-то во как выпрет, — показал он во всю длину своей ручонки. — А потом, чего он все в черном ходит? Господа об летнюю пору нороят все в сером, альбо в пестром каком пинжаке ходить, а то и в белое вырядятся, а он? Прощалыга, дык прощалыга и есть.

Помолчали.

Гриша опять растянулся, задумался... Вдруг встре-
нулся.

— А что, ребята, видать сейчас звезды да месяц в Аме-
рике?

— Эх, куда тебя нелегкая перенесла, — засмеялся Вася.

— Ты сам туда не собрался ли?

— Вырасту — непременно поеду. И мамку возьму, и се-
стренок.

— Вас только там и ждут.

— Там земли, сказывают, много. Вот дядя Евстифей ту-
да уехал, слышь, богатей стал.

— Мотри и ты миллионщик станешь — не даром на звез-
дах счету учишься.

Опять общий хохот, но Гриша его не слышит,

— А что, к примеру, есть ли там деревья, как у нас? Я уж
очень березку люблю. Белая она такая, кудрявая, листочки
зеленые, нежные.

— Больно скусный сок из нее по весне пущать можно, —
опять высказал свою положительность Вася.

— Да и не только сок, — подхватил Сережка. — Об трой-
цыным дню, у-ах, как молодые березки-то раскупают. Му-
жики их в лесе-то рубят, рубят.

— А мне жалко, как их рубить почнут, все равно, что жи-
вых людей губят.

— Во-на! С человеком березу сравнял... Звездочет!

Общий хохот...

— Написать бы такую книжку про деревья и цветы, да так,
чтоб человек читал, а сам бы чувствовал, как они растут,
живут, дышат, — чему печалютца, чему радуютца. Может,
тогда не стали бы их так зря рубить.

— А ты вот лучше возьми и напиши про себя, как ты
брюхом кверху лежишь, да всякую ерунду мелешь. Да так
напиши, чтобы вот, читавши, тебя, дурака, видели.

Ребятишки захохотали так дружно да звонко, что даже
лес откликнулся — гукнул.

Гришутка приподнялся, удивленно оглянулся и опять
лег, завернувшись головой в тулуп.

— А что Америка, — дальше Аршавы? — вмешался маленький Санька. — У меня в Аршаве дядька в половых служит. Город а-гра-мад-ный, сказывал. У них там новый свет есть.

— Ври больше!

— А вот провалиться, — дык есть! Дядька баил.

— Ну и врет твой дядька. Аршава-то твоя близко, а Америка за окияном, и то нового света там нету.

— А он велик, окиян-то?

— В-е-лик, страсть! Дядя Евстифей отписывал, что все нутро вымотало, пока доехал.

— Ишь ты...

Помолчали.

Лошади зафыркали, забеспокоились.

— Ребята, посмотреть надоть, не волк ли. Месяц-то все за тучки норовит, но коней-то видать.

— Сережка с Митькой, заходи слева, а я с Гришуткой обойду справа. Сгоняй ближе к огню! Малыши, сиди на местах — только под ногами путаетесь! — деловито распоряжался Вася.

— Васюта, а я с Петькой на речку с котелком сбегая, — просится Санька.

— Ну, ступай да смотри к болоту не отбейтесь. Отвечай тут за вас. Ка-ра-уль-щики!

Лошади собраны. В костер подброшено свежего хвороста, а Саньки с Петькой все нет.

— Куда запропастились? Хотя что им сделатца, а все ж погукай-ка, Сережка!

— Петь-ка-а! Сань-ка-а! А-у-у...

— У-у-у, — откликнулся лес.

— А помните, как прошлым летом Оська утопился? — вспомнил Гриша.

— Ну, тот купамшись на омут попал.

— А как его баграми-то искали...

— Только на завтрева нашли — далеко унесло. Дядя Родивон багром зацепил!

— А на волоса-то да на одежду травы налипло страсть. А сам бе-е-лый... глаза закрыл...

— А matka-то как убивалась: «Осенька, сыночек, на кого ж ты меня покинул!», а сама как бросится на него, как обхватит, ажно у всех слезы прошибла...

— Заплачешь, как один-то сын утопится. Сережка, гукни еще мальцов!

— Сань-ка-а!.. А-у-у-у...

— У-у-у-у... — откликнулось.

— Здеся-я-а! — раздались голоса и в круг вбежали насмерть перепуганные ребятишки.

— Ребята, чего вы? Окститесь, аль вам что привиделось?

— Там на болоте черный барин.

— Ну и пусть его, нас много.

— Да-а... Мно-о-го. А забыл, как он Аленку в лесе было спал? Она там тож не одна была.

— То девчонка, и опять же от своих отбилась.

— А он что ж, вас ловил, что ли?

— Не, только шел, а сам бо-о-ль-шой пре-большо-ой, с сосну, а глаза-то горят, как у волка, и зубищами щелкает. Мы и подумали, что он либо черт, либо упокойник.

— Он, може, и есть оборотень.

— А ну, как подкрадется к нам, да зачнет душить?

— С нами крестная сила! — Мальчуганы сжались в тесную кучку.

— Вася, боязно, — прижался Петя к старшему брату.

— И мне боязно... Кто-то лапает... — захныкал Санька.

— Ха-ха-ха-ха! — раскатился смех по лесу.

— Господи Иисусе! Господи Иисусе! — Еще теснее сбились в кучу ребятишки.

Заплакала выпь... Хохочет и ухаает сова...

— Садись на коней, поскачем домой, ребята! — предложил Сережа.

— Домой! домой! — плачут малыши.

— Разве от черта или мертвеца ускачешь? — усомнился Гриша. — Молитвой только отгонишь.

— Ш-ш-ш-шу! — пролетело над головами что-то большое и темное.

Заколебалось пламя костра, по перепутанным лицам пробежала тень.

— Молись, ребята! — крикнул Гришутка.

Стали на колени.

— Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, — зазвенели дрожащие детские голоса..

Ярко вспыхнул огонь костра... Ласково мигают в небе звезды.

Высоко к Богу летит чистая детская молитва, и в души их сходит покой...

— Это сова!.. — первый опомнился Вася.

Глава 15

Праздник в Озерках

Дорога к селу Озерки с самого раннего утра гремит колокольцами и бубенцами. Это со всех окружающих деревень — ближних, а часто и дальних сел — собираются гости на храмовой праздник.

Бабы и девки разряжены в яркие платья и платки, отчего сельская улица кажется сплошным цветником.

Парни пока степенно держатся возле мужиков и только издали многообещающе подмигивают своим кралям. Гармоники лежат на возах — им не пришлось еще время: не отошла, вернее, не началась даже обедня.

Притвор и сама церковь украшены цветами и усыпаны травой.

Вот с колокольни раздался первый удар. Мужики, как один, сняли шапки и истово перекрестились. «Образовавшиеся» по московским трактирам парни считают рукой на пиджаках пуговицы, что у них считается особым шиком крестного знамения.

Старые бабы уже в церкви. Запаслись свечами и усердно отбивают поклоны перед иконами. Слышится сдержанный шепот и шелест.

На колокольне оборвался веселый трезвон.

Толкаясь в притворе, мужики, бабы, девки и дети торопливо наполняют церковь. Шарканье, шорох, шепот и кашель усиливаются...

Но вот с клироса раздается торопливый возглас дьячка:

— Благослови, Владыко!

Медленно, вдохновенно произносит старик-священник вступительные слова литургии:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков.

— Аминь! — ответили хором миряне, и у большинства из них отошли далеко жизненные мелочи и заботы.

Под сводами храма скопляется светлая аура совокупной молитвы. Воздух напоен ладаном, запахом цветов, окружающих гирляндами венчики икон, и увядающей под ногами молящихся травы.

Медленно, торжественно идет богослужение.

Стоящая в задних рядах молодежь начинает нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, но не смеет уйти до креста, вынос которого из алтаря для общего благословения и целования встречают вздохом облегчения...

При выходе шепот, а на паперти — шутки и смех.

Часа через два окончился незатейливый, но сытный, обильно политый водкой, брагой и пивом обед. На улицу высыпала нарядная, празднично настроенная, сытая и пьяная толпа.

Затренькала гармоника, полилась разухабистая фабричная песня, и с хохотом и визгом рассыпалась за околицу молодежь.

На селе... Не лучше ли опустить завесу на праздничную улицу села?.. Там, по завалинкам, расселись старухи и мирно беседуют о бабьих делах... Степенные мужики обсуждают виды на урожай, на цены, на сбыт... Посреди улицы заспорили до драки и непечатной ругани два пьяных соседа... Под стенами клунь и сараев мертво спят переугощавшиеся приезжие гости, среди них многие нудно мучаются рвотой...

Дачники постарались уйти в лес или заперлись в своих садах. На улицах совершенно не видно интеллигентов.

Зенин с Орловским, одетые в высокие сапоги и вышитые рубашки под расстегнутыми пиджаками, стараясь не привлекать на себя внимания, переходя от группы к группе, чутко прислушиваются к разговорам. И только собрались покинуть улицу села, чтобы пойти потолкаться среди молодежи, как их внимание привлекла стоявшая на церковном крыльце, крепко прижавшись лицом к стеклу дверей, девочка лет семи.

— Что это она там высма... — оборвался на полуслове Зенин.

На детской головке мягкими тонами переливался рисунок восточной шелковой ткани.

Заглядевшаяся на белых ангелов в притворе Аленка даже присела от неожиданного вопроса Зенина, положившего ей руку на голову.

— На что ты загляделась, малютка?

— Я, дяденька... я...

— Ты чего же нас испугалась? Мы тебя не съедим. Не хочешь ли конфетку, — подал он ей вынутую из кармана шоколадную плитку.

Аленка взяла ее и несмело вертела в руках.

— Ну, Расскажи, плутовка, — уселись оба агента на ступеньки крыльца, — что ж ты там увидела?

Аленка минуту смотрела на них исподлобья, потом вдруг доверчиво улыбнулась и рассказала добрым дяденькам о своей привычке смотреть на белых ангелов в притворе, которые похожи на барских девочек, и о своей мечте когда-нибудь повязать на голову пестрый бант, чтобы и у нее он развевался при беге, как у дачниковой Сони.

Зенин засмеялся и, протягивая ей рубль на покупку лент, попросил взамен снять с головы и показать ему свой такой нарядный платок.

Подавая ему платок, Аленка с гордостью поведала о том, как ее брат Вася нашел его в лесу, как она там охотилась за белкой и как ее напугал черный барин.

Прислушиваясь к лепету ребенка, боясь поверить неожиданной удаче, Зенин с Орловским рассматривали дорогую тончайшую китайскую шаль, которая несомненно принад-

лежала к коллекции полковника Ромова, что красноречиво подтверждалось и большой дырой, заплатанной ситцем.

— Не позовешь ли ты своего брата сюда? — предложил Аленке Зенин. — Мы бы щедро оделили вас пряниками и конфетами, если бы вы показали место, где можно находить такие платки.

Девочка, даже не дослушав его до конца, во всю прыть побежала за огороды, где на полянке мальчишки играли в бабки.

— Васька-а! Поди к церкви, там чужие дяденьки тебя кличут!.. — кричит запыхавшаяся девочка.

— Во-на! Дяденьки кличут! Плевать я на них хотел.

— Пшла, дьяволенок, с своими дяденьками! Ишь, бабки мне разворотила, — толкнул ее Сережка.

— Слышь, Васька, — тормошила брата не заметившая даже изрядного толчка в бок Аленка, — дяденьки-та богатющие. Обещают пряников и орехов. Вот гляди-ко: дали рупь и конфету.

Вид серебряного рубля и шоколадной плитки сразу изменил отношение мальчуганов к аленкиному зову. Мальчишки плотной стеной окружили девочку и жадными глазами уставились на щедрый гостинец.

— А что им от меня надобно? — спросил Вася. И когда Аленка поведала желание дяденек, мальчишки дружно и весело захохотали.

— Ну и дураки! Знать, денег у них много.

— А може они так, спьяну? — усомнился было Васютка, но вид рубля и шоколада победил и его скептицизм.

Через минуту, подымая босыми ногами тучу пыли, вся ватага, с Аленкой в хвосте, неслась к церкви, где Зенин с Орловским держали уже в руках купленные у деревенского лавочника внушительные кульки со всевозможными сластями. Этим они окончательно купили доверие детворы, которая шумно и весело повела их в лес к месту находки.

Глава 16

Коля не помнит

Надежда Михайловна сидела в своем будуаре и, на случай прихода мужа, сделала себе обстановку работы.

Именно обстановку. Работа лежала на коленях, клубок шерсти откатился далеко по полу, рука с иголкой бессильно свесилась через ручку кресла. Она так много выстрадала за это короткое время. Голова бессильно склонилась на грудь. На щеках у нее не было ни кровинки, грустным облаком подернулись обыкновенно живые синие глаза. Вся фигура как-то сжалась и казалась такой хрупкой, что жизнь в ней, по-видимому, висела на волоске...

— Барыня, какой-то господин вас спрашивает, — доложила вошедшая горничная.

— Я же не принимаю никого, Маша, — протянула она руку за карточкой, на которой стояло: «Агент сыского розыска Зенин».

— Боже, опять будут терзать мою душу разговорами о Боре. Неужели не понимают, как мне больно каждое прикосновение? Разве направить его к мужу? Маша, барин вернулся?

— Нет еще, барыня.

— Тогда проводите этого господина сюда.

— Примите мое искреннее извинение за то, что я вхожу сюда и беспокою вас в вашем горе. Верьте, что без крайне серьезного повода я не позволил бы себе этого, — почти-тельно поклонился остановившийся перед ней Зенин.

— Прошу вас, — слабым жестом указала на кресло Надежда Михайловна.

Зенин сел и вынул из кармана небольшой сверток. Когда он развернул его, это оказалась тончайшая шелковая шаль — безусловно, художественное произведение Востока.

Надежда Михайловна невольно залюбовалась мягкими переливами теней.

— Почему вы принесли мне эту шаль? — спросила она.

— Вы часто бывали в семье Ромовых, где много подобных вещей. Не припомните ли этой?

— Да, полковник привез много прекрасных китайских и японских тканей, но этой шали я как будто не видала. Хотя, если их близко не рассматривать, то пестротой рисунка все они так походят друг на друга, что я... Нет, нет! я не беру на себя ни отрицать, ни утверждать. Почему вы интересуетесь именно этой шалью?

Зенин молча повернул к ней до этой минуты сознательно подогнутый конец, большой угол которого был оторван.

— Простите, но ваш Коля, — умышленно избежал он выражения «ваши дети», — видел пестрый лоскуток на сломанном кусте роз.

Надежда Михайловна позвонила.

— Приведите Колю, Маша, — приказала она вошедшей горничной.

Водворившееся молчание нарушил приход мальчика. Он тоже страшно изменился. Весь как-то вытянулся, в глазах залегла недетская тоска, уголки губ скорбно опустились.

Нелегко ему досталась первая проба быть сыщиком. Ребенку пережить такой ужас! А потом смерть Бори...

Он тоже — как и все — очень любил этого кроткого, прелестного мальчика. Он так часто покрикивал на него за его постоянное «мне все равно», а под этим скрывалась лишь уступчивость и детский способ никому не навязывать своего желания или мнения. Теперь он обвиняет себя в смерти братишки. Для чего повел его с собой в то роковое утро?

А мама? Она, вероятно, тоже его обвиняет. Теперь так редко ласкает, а если и ласкает, то точно насилует себя, или будто не видит его, а как-то машинально. Бедная моя мама!..

Тоже вот и няня. Часто думает, что он крепко спит, а он только притворяется спящим и всегда слышит, как мама плачет в Бориной комнате. Тогда и он тоже начинает горько-горько плакать, уткнувши голову в подушку, чтобы даже няня не слышала и не знала. Она тогда молится. Припадет головой к полу и замрет. А он так и заснет в слезах.

Во сне видит Борю. Бежит будто он по дорожке сада, а в руке почти всегда зажато что-либо блестящее или пестрое. А кармашки его всегда были полны. Чего-чего только ня-ня вечером из них не вынет: и камушки разноцветные, яркий цветок, граненое стеклышко, а то и просто лоскуток от какой-либо маминой работы.

Нельзя было отучить его от этого. И для чего мучили, запрещали? Зажмет, бывало, свое сокровище в ручонке, оглянется и бежит куда-нибудь подальше — только локоны золотистые развеваются. Забежит за дерево, а то и за кустик, и любуется блеском стеклышка, под лучами солнца его поверты вает. Смешной, милый, милый братик!..

— Коля! — вывел его из задумчивости Зенин. — Как тебе нравится эта шаль? — развернул и повесил на спинку кресла пеструю ткань.

— Ничего, хороша, — равнодушно произнес Коля. — Вот, если бы... — и осекся: нельзя напоминать маме.

Но Надежда Михайловна поняла. Слезы заблестели в уголках глаз. Усилием воли победила тоску.

— Коля, если бы повесить ее в саду, шелк, вероятно, выиграл бы на солнце?

— Не знаю, я никогда не обращал внимания на такие вещи.

— Припомни хорошенько, не такой ли лоскуток ты видел на кусте роз? — прямо поставил вопрос Зенин.

— Не помню. Мне тогда указал его... — Опять остановился. — Там было что-то пестрое, но я был занят другим и не обратил внимания.

— Но вы не брали его?

— Нет.

— Ты это хорошо помнишь?

— Хорошо.

Зенин тяжело вздохнул. Сложил шаль, встал и, извинившись за беспокойство перед Надеждой Михайловной, вышел.

«Сорвалось! — подумал он на улице. — Ведь эта шаль была бы главной уликой и явилась бы оправданием Брандта. Убил, очевидно, тот, кто воровал. Возле куста роз обна-

ружен глубокий, грубый след. Преступник, очевидно, осту-
пился и оперся узлом на куст, воздушная ткань зацепилась
за шипы, и большой кусок ее остался на розах. Но где ж
этот кусок, где?!.. Кому понадобилось его снять и когда?!
Бедный Брандт, неужели я окажусь бессильным не только
поймать убийцу, но и оправдать невинного? А эта несчаст-
ная его мать! Умоляет заходить к ней, но с чем я пойду к
ней, с чем?!

А этот гениальный следователь Зорин! Самомнитель-
ная тупица! “Порезанная рука и подходят следы”. Вот имен-
но “подходят”. Тут слепой увидит, что был еще третий, ко-
торый тянет правую ногу. Но убивал не он, а, несомненно,
владелец грубых следов. Но что ж, в таком случае, делал там
этот третий? И кого испугался убийца? Вот вопросы, от ко-
торых можно сойти с ума. Кнопш требует отчета. Ну что я
ему скажу? Проклятое дело!»

Глава 17

Болтовня на кругу

Шесть часов вечера. Сейчас начнется музыка.

На кругу, в Борках, собирается публика. Дети, наряжен-
ные, как куклы, няни, бонны, гувернантки.

Все это авангард, группирующийся на детской площад-
ке.

Вот три англичанки. Короткие пестрые юбки открывают
большие, плоские ступни, лица длинные, зубы крупные и
все три, как одна, некрасивые: фигуры вытянутые, держатся
чопорно, на все окружающее смотрят пренебрежительно.
Сели отдельно на самом удобном месте. Кругом себя раз-
ложили ридикюли и зонтики, чтобы близко никто не сел.

Полился английский характерный говор.

— Ишь расселись, куклы заморские, — покосилась на них
толстая нянюшка.

— Они уж всегда так-то, — откликнулась другая. — Принцессы — не принцессы, а сиятельные княгини — это верно.

— И ведь никогда ни с кем не заговорят.

— Это уж где им.

— А может, не говорят потому, что по-нашему не умеют? — примирительно вступилась старушка.

— Да они не хотят. Всякая там французенка или немка, если ей что нужно, старается тебе как-нибудь объяснить, а эта заболтает по-своему, руками замашет перед самым твоим носом, голову задерет кверху да и пойдет, а ты понимай ее, как знаешь.

— Да что мы, барыни к ним должны подлаживаться, а не они к барыням. Вон средняя-то у наших соседей живет, так горничная рассказывала: чудит-чудит!

— Что ж она делает?

— Что? — Да перво-наперво в те две комнаты, где она да дети спят, никому ходить не велит. Убери, дескать, замкни, а ключ ей отдай.

— Что ж она, золото, что ли, там прячет?

— Какое золото! Просто куражится. Детей замучила. Прежде они по утрам с барыней да с барином чай кушали, а теперь овсяную похлебку, либо кашу какую.

— Ай-ай-ай! И едят?

— Плачут, а едят. Начинают привыкать, говорит. А по зимам комнаты, почитай, не велит топить, белье на мороз вывешивает, да всего и не перескажешь.

— Ай-ай-ай, вот мучительница! И для чего только господа их выписывают?

— Для форсу, я так думаю, больше.

— У наших старшеньких французинка. Ну, эта ничего, над детьми не издевается. Все это — тру-ля-ля, да ля-ля-ля, а сама хвостом виль-виль. Сынку-то старшему голову кружит, а барыня-то и не догадывается.

— Где им! — засмеялась другая. — У нашей-то муж с мамзелью амуры завел, и то сама не видит. А нам-то смех, иной раз животики надорвешь, глядя, как он ее околпачивает!

— Ну, и сами-то барыни, небось, в долгу не остаются, так ли мужьям рога насаживают, — откликнулась третья. —

Поглядите у Батюшкиных, сам и сама белобрысые, а Бобочка-то черненький, как жук, да и личиком похож на му-
сью, что у них в прошлом году барышень старшеньких му-
зыке обучал.

— Светопреставление скоро! — вздохнула старушка, заб-
рала своих скромно, но чистенько одетых деток и отошла с
ними подальше от назидательных разговоров.

Вот появляются и мамыши.

Идут молодые дамы одни и с мужьями. Легкомыслен-
но веселые с кавалерами, а степенные мамыши с дочками
на выдачу замуж.

Почти все разодеты по последней моде. Шляпы, пер-
чатки, туфельки, зонтики, сумочки — все по картинке.

Занимают места перед эстрадой, делают вид, что слу-
шают музыку, а главное, что ее понимают, сами же неза-
метно осматривают туалеты друг друга.

Жутко за мужа, у которого жена окажется проще или
не так модно одета. Придется ему провести не один не-
приятный час.

— Посмотри, душечка, — шепчет дочке одна мамаша, —
Агатова свою Лизу как чучело огородное разрядила.

— О, мама, Лиза не теряет и не выиграет от костюма.

— Однако, за ней кавалеры увиваются.

— Кокетка, вертушка и кривляка.

— Ну, милая, мужчинам это нравится. Я давно тебе го-
ворю.

— А я говорю, мама, что требую от будущего мужа оцен-
ки моего ума и развития.

— Смотри, не останься в старых девах с умом-то. По опы-
ту говорю тебе: мужчины любят, чтобы барышня жемани-
лась, глазки им строила, охи да ахи разводила.

— Ш-ш-ш... — зашипели на них соседи.

— Заговори с своим соседом, Софи, — толкнула другая
мамаша свою дочку. — Это молодой профессор и нежена-
тый — я уж узнала. Но только придумай что-нибудь чувстви-
тельное, а главное, умное. Профессор не офицер, чтобы
болтать с ним всякий вздор. Будет уж с меня этой воен-
щины, — все бедняки и приданого ищут.

Дочка покосилась на профессора. Ничего, не дурак. Уронила сумочку...

Поднял.

Поблагодарила самой очаровательной из своих улыбок, мило опустила глазки и томно прошептала:

— Когда я слушаю музыку, я положительно уношусь с земли на небо. Особенно люблю Рахманинова — это мой любимый композитор. Вы тоже его заслушались?

— Сегодня в программе его нет совершенно. Это увертюра Глинки к «Руслану и Людмиле».

— Ах, я ошиблась! Они так похожи! Мама, встанем, мне жарко... Дурак и нахал! Какой же офицер позволил бы себе сказать барышне подобную грубость!

По кругу носится Волжина.

— А знаете, душечка, — наклонилась она к одной из разряженных дам, — Зенин ходит по всем домам и показывает платок, которым убийца вытирал свои руки, а потом в нем же уносил драгоценности.

— Что вы, с чего он взял, что это именно тот же платок?

— Я подробностей еще не успела расспросить, завтра узнаю.

Эта уже передает следующей:

— А знаете, Марья Петровна, Зенин нашел-таки следы убийцы. Удивительно способный молодой человек.

Марья Петровна передает Александре Ивановне:

— Зенин проследил убийцу, — он уже арестован.

— Что вы? вот интересно!

— Нужно узнать от Плевина, когда разбор дела. Я так люблю уголовные процессы.

— А Брандт? Неужели его выпустили?

— С какой стати! Хотя... сообщенные мне сведения касались только поимки убийцы.

Прерывая разговор, Марья Петровна поспешила занять свое место перед эстрадой.

— Ах, Боже мой, что она сказала? Марья Петровна! Ушла, несносная! Кажется, она сказала про Брандта, что он скончался? Ну да, конечно, я ясно слышала. Вот интерес-

ное сообщение. Николай Николаевич, здравствуйте. Хотите, сообщу вам поразительную новость?

— Пожалуйста.

— Зенин поймал убийцу.

— Слава Богу! Все убеждены были в невинности Брандта. По одному подозрению и вдруг томить человека.

— О, Брандту уж все равно: он умер.

— Когда, кто вам сказал?

— Слух идет, кажется, от Плевина.

— Тогда это источник очень серьезный. Жаль Брандта, а еще больше его больную старушку-мать.

В глубокой задумчивости пошел Николай Николаевич к трамвайной станции, где еле втиснулся в вагон, переполненный возвращающейся публикой, и случайно оказался рядом с корреспондентом очень распространенной утренней газеты.

— Что вы такой сумрачный, Николай Николаевич? Или вам чересчур бока намяли? — улыбнулся корреспондент.

— Какие там бока — не до них. Перед глазами так и стоит несчастная Марья Николаевна Свирская.

— А что? — насторожился корреспондент. — Нашли неопровержимые улики против ее сына?

— Хуже, батюшка: Брандт предстал перед Судьей, который видит сердца и не нуждается в уликах.

— Это слух на кругу?

— Нет, источник этого известия — Плевин.

— Ого!

— Ах, какое несчастье! Процесс потерял весь свой интерес, — раздался возглас молоденькой дамы.

— Почему? — удивился Николай Николаевич.

— Помилуйте, да ведь Брандт, говорят, беллетрист и красавец и вдруг на его месте окажется только какой-то предпологаемый мужик. Фи!..

Обрадованный приобретенными столь неожиданно сенсационными новостями, корреспондент выпрыгнул при первой остановке трамвая.

Глава 18

Начальство гневается

— Ну, денек! Взбесился окончательно наш немец!

Так непочтительно называли, за глаза, начальника сысского розыска — Рудольфа Антоновича Кноппа — его подчиненные.

— Совершенно загонял дежурного. Через каждые десять минут звонит и спрашивает Зенина, а в промежутках разносит направо и налево всех служащих.

— Все ему скверно, ничем не угодишь сегодня!

— И где только черти носят этого Зенина? Три недели глаз не кажет, — переговаривались служащие.

— А ведь это немец наш все из-за убийства полковника рвет и мечет. Вот уж дьявольское дельце-то! Газеты разносят нас за бездеятельность, по городу нелепейшие слухи кто-то распускает, источника сплетен доискаться не могут, а тут еще карикатуры в юмористическом журнале помещают да нашему чертушке вырезки присылают.

— Карикатуры на немца?

— Нет, нарисовали покойника, которому собака глотку перегрызла, собака с окровавленной мордой бежит, а за ней дюжина наших агентов, с Зениным во главе, гонятся и поймать не могут.

— Эх, провалиться! Опять звонит...

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, — сказал дежурный, трусцой направляясь в кабинет Кноппа.

— Петров, скорей, зовет! — как бомба вылетел он обратно в канцелярию.

— Отрядить полдюжины агентов и к вечеру разыскать мне Зенина живым или мертвым, — гремел через минуту начальнический голос.

Петров возвратился красный, как из бани.

— Кто из агентов имеется налицо — собрать их ко мне немедленно! — отдал он распоряжение.

— Ура! ура! — через минуту распахнул дверь дежурный.

— Шш-шш-шш! Опомнись! Уймись! Услышит — загрызет, — зашикали на него со всех сторон.

— Не загрызет! Там, в раздевальне...

— Кто?

— Зенин.

У всех вырвался вздох облегчения.

Через минуту появился и виновник всех бед.

— Где пропадал? С какими новостями? Напал на след? — посыпались со всех сторон вопросы.

— Постойте, не сразу все, — отмахивался от товарищей Зенин. — Иванов, доложи, голубчик.

— Это с нашим превеликим удовольствием.

Иванов смело постучал в дверь кабинета.

— Кто там?

— Это я-с, ваше высокородие, — открыл дверь Иванов.

— Ах, вы-с?! — не дал ему произнести слова Кноп. — Вижу-с! Изволили забыть, что никто не смеет появляться без зова у меня в кабинете? Вот я вам это напомним и дам всем хороший урок: в двадцать четыре часа чтобы не было вас на службе!

— Я... виноват... — заикался побелевший Иванов, — Зенин пришел!

— Так чего ж вы молчали? Язык проглотили? Немедленно позвать его сюда!

— Честь имею явиться, — с военной выправкой вытянулся у дверей Зенин.

— Идите ближе, садитесь. Почему не давали о себе знать? Где Орловский? Напали на след убийцы? — забросал вопросами Кноп. — А пока не хотите ли полюбоваться на свой портрет? — подсунул к самому носу Зенина карикатуру. — Не находите себя похожим? — насмешливо улыбнулся все еще раздраженный Кноп.

— Ничего, похож, — спокойно сказал Зенин. — Только я бы себя изобразил не за собакой гоняющимся, а по-собачьи высунувши язык по Москве бегающим. Вернее было бы.

Кноп внимательно посмотрел на агента.

— А и в самом деле, вы очень исхудали и осунулись, Зенин, — перешел он на отеческий мягкий тон. — Расскажите, удалось ли схватить хоть кончик нити?

— Самый крошечный, господин начальник.

— Бросьте величание и переходите к делу.

— Нашлась великолепная японская шаль с большим оторванным углом, а в доме убитого, как вы знаете, масса подобных вещей, вывезенных им с последней войны. Комнаты жены и дочери буквально завешаны ими.

— Признал ее кто-нибудь? Кому показывали?

— Показывал всем, кто только бывал в доме убитых, но признать с уверенностью никто не решается. Если бы нашелся этот кусок, о котором упорно говорит Коля, и подошел к шали, — это была бы бесспорная улика, но он исчез бесследно.

— Как же Коля описывает этот кусок?

— Говорит, что пестрый, а какой именно — не знает. Коля уверяет, что ни он, ни брат его не брали.

— Как попала в ваши руки эта шаль?

— Благодаря нашему частому помощнику — слепому случаю. На храмовом празднике в селе Озерках она была одета на голове маленькой девочки. Расхваливая ее платок, я попросил показать мне его рисунок и увидел громадную ситцевую заплату на одном из углов. На мой вопрос, от кого она ее приобрела, девочка спокойно ответила, что ее брат, гуляя с товарищами по лесу, нашел ее в кустах. У них была даже ссора, кому она принадлежит, но потом признали, что Вася увидал и поднял ее первый. За щедрые гостинцы мальчуганы сводили нас с Орловским на место находки. Это приблизительно верстах в пяти-шести от Борок. Времени после находки прошло много, так что следов там никаких не оказалось.

Я явился с донесением и возвращаюсь обратно. Не найдем ли кого-нибудь, кто видал эту шаль раньше, чем она была брошена?

— А человека, который, как вы утверждаете, тянет правую ногу, не встречали? И других каких-либо признаков его у вас нет?

— Пока больше ничего нет. — Зенин умолчал о ворсинках, собранных на подушке дочери Ромова, и о своем приключении на даче Прайса.

— Вы твердо держитесь прежней своей теории, что преступника кто-то испугал, и он убежал, далеко не окончивши своего дела?

— Безусловно, Рудольф Антонович, иначе не был бы на террасе сдвинут стол, который легко было обойти, и не было бы опрокинуто кресло. На ступеньках убийца оступился, что показывает глубокий след левой ноги, сломанный куст роз и загадочный кусок шелковой материи на нем.

— Вы продолжаете утверждать, что остальные найденные следы принадлежат не одному только Брандту?

— Да, Рудольф Антонович, по-моему, не одному ему. Слов нет, они очень похожи, но, не говоря уже о разнице в оттиске подошвы, второй след принадлежит человеку, который слегка тянет правую ногу, чего нет у Брандта.

— Больше ничего не имеете сказать?

— Ничего пока, Рудольф Антонович.

— Не много. Когда думаете выехать на юг?

— Через два-три дня.

— Можете пока уходить и прошу являться с докладом, по возможности, ежедневно.

Глава 19

Спиритический сеанс

Квартира доктора Карпова ярко освещена. Ждут гостей.

Сегодня спиритический сеанс и приглашенных очень много.

Зинаида Николаевна волнуется. Еще бы: приглашено много посторонних, и вдруг постигнет неудача.

Ведь эти же профаны не понимают, что явления нельзя создать по заказу. Иногда самый сильный медиум может оказаться нездоровым, или не в настроении, а то и в самом

кружке, в особенности, когда присутствует столько новичков, не окажется необходимой гармонии.

Положим, Волжина уверяет, что у Прайса не бывает совершенно пустого сеанса. Он говорил ей, что связь его с потусторонним миром очень сильна, но...

— Боже, Боже, — только бы не осрамиться!

Наскоро обежала Зинаида Николаевна всю квартиру. Кажется, все в порядке. В столовой приготовлен холодный ужин, по первому требованию подадут кипящий самовар.

Заглянула в сеансовую комнату. Посредине совершенно пустой комнаты поставлен довольно большой, массивный круглый стол, а вокруг него простые деревянные стулья. В одном углу устроен павильон для медиума, в котором тоже поставлен один стул и лежит веревка, на случай, если, по просьбе медиума, придется связать ему руки и ноги.

Перед стулом, предназначенным для председателя кружка, лежит на столе затянутый красной тканью электрический фонарь.

На окнах спущены тяжелые шторы, воздух освежен, после чего комната нагрета.

Вот раздался первый звонок.

— Я была уверена, что застану вас здесь, Зинаида Николаевна, — сказала Волжина, входя в сеансовую комнату. — Кажется, вы волнуетесь? Нет основания, положительно нет. Сегодня утром я видела Прайса, у него прекрасное самочувствие, и он обещает показать нам полную материализацию. Вот увидите, что завтра вся Москва заговорит о нашем кружке, а ваше имя, как устроительницы и организаторши, будет у всех на устах. Кого вы пригласили из новичков?

— О, милая! Вы сейчас поймете мое волнение за успех сегодняшнего вечера. Будут: генерал Висс, графиня Мирская, князь Волин, княгиня Южина, граф Орловский, эта, сводящая всех с ума, красавица Дарская, княжна Одынская, затем наш знаменитый Плевин и скептик Зорин.

— Ого, какой титулованный букет! бедный покойный Ромов, много бы он дал за право присутствовать здесь. А, впрочем, может, он посетит нас сегодня.

— Ой, нет, я бы этого не хотела!

— Вы правы, если они явятся все трое, то зальют кровью всю вашу квартиру.

— Какие ужасы вы говорите, моя дорогая, и потом нельзя отзываться так шутливо-непочтительно о мертвых да еще в сеансовой комнате, перед самым сеансом.

— Бегу, бегу отсюда, на меня уже пахнуло запахом крови. А что слышно нового по поводу этого ужасного дела?

— В серьезных кругах гробовое молчание. Кнопш оказался не на высоте. Помилуйте, прошло уж более четырех месяцев, а он ни с места.

— Этак по улицам скоро ходить нельзя будет, — среди белого дня резать начнут.

Раздался звонок... другой... собираются гости.

Через четверть часа гостиная Зинаиды Николаевны наполнилась приглашенными участниками сеанса и гудела, как улей.

Разговор был чисто светский. Слегка тронули политику, состав министерства, финансы, новые назначения и т. д.

В уголке сгруппировалась молодежь. Там было оживленно и весело, слышался смех. Болтали о литературе, музыке, театре, предстоящих балах и, само собой, не обошлось без легкого флирта.

Ожидали прихода Прайса, который, как и подобает главному действующему лицу, немного запоздал.

Знали его почти все. Этот человек удивительно умел незаметно втереться. Мнения о нем разделялись: одни считали его совершенно безличным, а другие, наоборот, личностью весьма загадочной и подозрительной.

— Вот наш милейший Владимир Михайлович, — улыбнулась хозяйка в сторону Захарова, — так просто будто его самого считает выходцем с того света и предсказывает, что он сегодня пригласит к нам своих потусторонних сожителей.

— Я и не беру обратно своего мнения. От него, по временам, даже пахнет какой-то сыростью, точно он обитатель склепа.

— Ну, молодой человек, от покойников несколько иной запах бывает, — густой октавой засмеялся генерал Висс.

— А я просто приписываю это его одиночеству: некому проветрить его платье.

— Костюм его действительно нуждается в основательном проветривании, ему не меньше ста лет.

— Действительно, так допотопно, как он, одевались только наши дедушки.

Звонок, возвестивший о приходе нового гостя, прервал беглый разговор.

Вошел Прайс.

— А мы только и ожидали вас, — любезно поднялась ему навстречу хозяйка. — Если вы не нуждаетесь в отдыхе, мы можем перейти в сеансовую комнату.

— К вашим услугам, — поклонился Прайс.

— Прошу вас, господа, — как-то торжественно пригласила хозяйка.

Председательствует на сеансах кружка всегда приват-доцент Сталин. Это человек лет сорока, высокий, плотный. Непринужденный способ держаться показывает привычку вращаться в высшем обществе.

— Разрешите начать с предварительных маленьких объяснений, — обратился он к собравшейся публике. — Ввиду того, что сегодняшний наш сеанс почтили своим присутствием люди, никогда еще в нашем кружке не участвовавшие, считаю своим долгом довести до их сведения, что нашим обычным медиумом, до сегодняшнего вечера, была присутствующая здесь г-жа Денисова. Она медиум, хотя и трансирующий, но всегда находилась у нас в общей цепи. Иногда руки ее бессильно соскальзывали, и она, впадая в транс, склонялась головой на стол. Тогда соседи, выключив ее из цепи, соединяли свои руки у нее за спиной, благодаря чему она оказывалась как бы замкнутой внутри нашей цепи. О явлениях наших я не буду распространяться — они все запротоколены и желающие могут во всякое время с ними познакомиться. Скажу только, что явления эти, если и не были из ряда выходящими, то все же были весьма доказательными. Сегодня у нас участвует в сеансе новый медиум г. Прайс, а так как он будет находиться вне общей цепи, то, дабы не было никаких подозрений в си-

муляции, он просит связать ему руки и ноги. Поэтому, господа, прошу выделить из своей среды трех лиц, которые его свяжут, а затем каждый из участвующих имеет право проверить узлы. Павильон, как видите, представляет из себя угол комнаты, отделенный лишь кисейной занавеской, за которой поставлен стул.

Все двери и окна заперты. Ключ от двери предлагаю взять кому угодно. Настойчиво прошу тщательно осмотреть всю комнату, но предупреждаю, что среди явлений ни в каком случае нельзя разрывать цепь, ибо это не только может причинить вред здоровью медиума, но грозит еще серьезной опасностью для оказавшегося вне цепи, так как он является совершенно беззащитной игрушкой низших духов, если таковые проявятся. А потому я настойчиво прошу и рекомендую, чтобы лица слабонервные, если таковые имеются среди нас, не принимали бы участия в сеансе и заблаговременно удалились. Предупреждаю также, что за могущие произойти последствия, в случае несоблюдения или нарушения кем-либо вышеупомянутых моих указаний, я никакой ответственности на себя не беру.

Желающих удалиться не оказалось.

Участвовали в сеансе пятнадцать человек и два медиума.

Комната была осмотрена. Ключ взял к себе генерал Висс и положил его во внутренний карман мундира.

Прайсу не только связали руки и ноги, но привязали его еще к стулу, а Зорин проверял и подтягивал узлы.

Все сели на места. Свет погашен. Цепь замкнута.

Первое отделение в пятнадцать минут прошло без особых явлений. Наблюдались лишь незначительные колебания стола, да слышны были легкие постукивания в столе и в других местах комнаты.

После пяти минут перерыва, во время которого участвующие обменивались впечатлениями, а скептики иронизировали, что, вероятно, духи сегодня «не в духе» и не желают удостоить своим посещением, председатель предложил занять места, и началось второе отделение сеанса.

После нескольких минут неподвижного сидения, сенсорирующие вдруг ощутили как бы струю холода, исходящую из угла, где сидел Прайс. Впечатление получилось такое, точно кто-либо открыл внезапно оконную форточку, из которой ворвалась струя холодного воздуха и широкой волной направилась в сторону участников сеанса. Но так как всем было известно, что в том месте, где находился павильон, окна не было, то описанное впечатление струи холодного воздуха подействовало на лиц, впервые участвовавших в сеансе, нервирующим образом — все насторожились и с любопытством стали ожидать, что будет дальше.

Но, кроме более сильного, чем в первом отделении, движения стола и значительных стуков и потрескивания в стенах и потолке, других явлений не наблюдалось.

Правда, некоторые, более сенситивные участники сеанса утверждали, что видели неоднократно вспыхивавшие в воздухе полосы фосфорического света, мерцавшие в разных местах комнаты, а по преимуществу над павильоном, где сидел Прайс. Но скептики уверяли, что это было не что иное, как галлюцинация зрения.

Однако, когда разъединили цепь и зажгли электричество, то заметили, что г-жа Денисова была крайне возбуждена и вся, с ног до головы, дрожала нервной дрожью.

На обращенные к ней вопросы она заявила, что ощущает присутствие какой-то неведомой ей пугающей силы и просила прекратить сеанс. Она уверяла, что чувствует надвигающееся что-то страшное, с такой именно интуицией, с какой некоторые нервные люди, задолго еще до наступления грозы, чувствуют ее приближение.

Ее уговоры достигли обратного. Всех захватило любопытство и никто ни за что не соглашался прекратить сеанс. А над г-жой Денисовой начали подшучивать. Сама, дескать, медиум и хочет, чтобы не было никаких явлений. Для чего же тогда собирались?

— Нет, нет, — дружно заявили все, усаживаясь на свои места.

Захаров тоже очень нервничал и с тоской посматривал на свою пока еще необъявленную невесту, m-lle Дурново,

которую посадили далеко от него, спиной к Прайсу.

Она, улыбаясь, сказала ему, что чувствует себя храброй, только боится отморозить спину, если опять будет такой холод, как во втором отделении.

Зорин пошутил, что, вероятно, и сами духи простудились и убрались в свои могилы и выразил брошенную в пространство просьбу к лярвам, чтобы хоть они пришли позабавить всех на прощание.

— Не накликайте низших духов, — нервно вздрогнула г-жа Денисова. — Предупреждаю еще раз: я чувствую в комнате присутствие чего-то ужасного.

Сталин, ввиду такого заявления медиума, еще раз предложил боящимся удалиться.

Таковых опять не оказалось.

— А вы, г. Прайс, чувствуете присутствие духов? — спросила Дарская.

— Я всегда их чувствую, — прозвучал ответ. На этот раз его всегда скрипучий голос раздался как-то глухо и как бы отдаленно.

Свет погашен.

— Защити нас, Боже! — прошептала Денисова.

— Что вы так нервничаете сегодня, дорогая, это так не похоже на вас? — удивилась Зинаида Николаевна.

Водворилось молчание.

— Госпожа Денисова падает на стол, — заявили ее соседи.

Сталин попросил выпустить ее руки и замкнуть цепь у нее за спиной.

— Какой холод! какой холод! — раздалось со всех сторон.

Наступившую тишину прервал громкий треск, как будто лопнула стена.

Все вздрогнули.

Денисова тяжело, надрывно застонала...

— Динь-динь-динь, — раздались высоко в воздухе странные звуки.

— Удары стали о сталь, — пояснил генерал.

С шуршанием посыпались сверху разорванные на мелкие куски бумажки. Не успели сеансирующие опомниться от неожиданности этого явления, как над столом внезапно вспыхнули и забегали яркие звездочки... одна, другая, третья... и так же внезапно погасли, а над головами сидящих протянулась светлая, колеблющаяся нить, как бы соединяющая обоих медиумов — Прайса и Денисову.

Вдруг... Бух!.. упало что-то тяжелое.

— О-о-ох! — не то простонала, не то вздохнула Денисова.

— Кончим, пожалуйста! — раздалась дрожащие женские голоса.

— Невозможно, медиум в трансе, — спокойно, но твердо заявил Сталин.

Холод... Треск... Шорох...

Вдруг из соседней комнаты полились торжественно-грустные аккорды похоронного марша Шопена.

— Какое мастерское исполнение. Кто это у вас играет, Зинаида Николаевна?

— Не понимаю! — искренне удивилась хозяйка. — В доме, кроме прислуги, решительно никого нет.

Вдруг в гармонические аккорды стали вторгаться посторонние ноты, звучащие резким диссонансом. Торжественное темпо марша начало переходить в какую-то плясовую мелодию. Получалось впечатление, точно два лица, мешая друг другу, стараются исполнить каждый иное произведение.

— Забавно, — сказал Зорин. — Я бы ничего не имел против того, чтобы и мертвые гости, если только они изволят развлекать нас музыкой, пожаловали в эту комнату и поплясали при свете своих флуоресцирующих глаз и под звук костей вместо кастаньет.

— Ой, не накликайте! — зашептали его соседи.

За цепью задвигались молочно-белые фигуры, ясно выделявшиеся на темном фоне комнаты. Распространился какой-то странный удушливый запах.

Под столом, тяжело дыша, завозилось что-то большое.

— Ай... ай! — прорезал воздух крик нестерпимой боли.

— Холодные руки душат! Хватают!

— Огня! Спасите!...

Гам... Крик... Суета...

Как испуганное стадо, кинулись все к запертой двери.

Зашуршало, завозилось в углу...

Дрожащими руками нащупал Сталин электрический фонарь, и в комнате вспыхнул красный свет.

Виссу удалось, наконец, отомкнуть дверь в освещенную залу.

Денисову едва привел в чувство случайно вернувшийся домой доктор.

Прайс оказался по прежнему крепко связанным.

Рояль был замкнут, и никто из прислуги не слышал музыки.

— Что с вами случилось? — бросился Захаров к m-lle Дурново.

— Меня что-то холодное обхватило за шею и укололо, — чуть слышно прошептала смертельно бледная девушка.

На шее у нее оказалась крошечная ранка, и струйка крови окрасила светлое платье.

Глава 20

Властный призыв

Квартира Плевиных носит явный характер сборов на продолжительный выезд.

В приемных комнатах затянуты кисеей дорогие картины, сняты ковры, покрыта чехлами мебель.

Поздняя ночь. Все спят крепким сном усталых людей. Уснул в своем кабинете и Иван Афанасьевич — за последнее время измучился и он. Только что закончил, и как всегда удачно, трудную защиту, спешно подготовил и передал своим помощникам оставшиеся дела и — самое трудное — уговорил жену уехать в Крым.

Согласилась она поехать на один месяц, — ну, да только бы увезти ее отсюда, а там... На этом «там» он и уснул.

Тихо и в большой спальне, но не темно. Отдернуты тяжелые шторы, широкой волной вливается в комнату свет луны. Тускло поблескивают в углу туалетное зеркало и хрусталь безделушек, оживают цветы пушистого ковра, раскинувшегося пестрым узором во всю ширину комнаты.

Захватил луч луны и угол большой кровати, скользнул по снежно-белому батисту подушек, посеребрил матовый шелк одеяла и мягко залил лицо спящей.

Но не спит Надежда Михайловна. Широко открыты синие глаза, и только они живут и горят, и сверкают. Бледное исхудалое лицо спорит своей белизной с кружевным бельем. Тяжело дышит грудь, рука нервно мнет шелковое голубое одеяло.

Итак — завтра она уезжает. Последняя суета в доме, речи, пожелания, цветы на вокзале и... прощай, прости надолго Борова могилка.

Остается няня. Она будет у него ежедневно, не погаснет лампада в его часовенке, не умолкнут и рыдания, но уже не мать обхватит руками мраморный крест и забьется у ног распятого Спасителя с грешным вопросом: за что? за что?

Тихо, покорно станет на колени старушка-няня и польется ее бесхитростная молитва к Тому, который сказал: «Придите ко мне все труждающиеся, и Аз упокою вы».

«А я разве мало страдала и билась у Его ног? Где же покой? Где Твое обещание?»

Из истерзанной груди вырывается горький смех:

— Нет у меня ни веры, ни смирения, как нет у Тебя справедливости и милосердия! Для чего отнял Бору? Для чего нужно было послать такую страдальческую смерть этому ангелу на земле? Для чего?... За что?... Кому это нужно?!

Повернулась лицом в угол комнаты, где тихо теплилась лампада у образа Божьей Матери — всех скорбящих радости.

Это нянина рука оправляет перед ней лампаду, неугасимую со дня смерти Бори.

Кротко смотрит Святая Мать на грешную страдальцу.

— Ведь у нее, как у меня, разрывалось сердце на страшной Голгофе, и Она судорожными руками обнимала крест,

на котором страдал Ее распятый богочеловек-Сын!.. Но когда с высоты креста раздалось слова: «Да будет воля Твоя, Господи!», низко, покорно, до самой земли склонила голову Святая Мать...

— Святая Мать!

Вскочила с постели Надежда Михайловна и забилась в рыданиях, бессильно упав на ковер.

Затихла... Бескровные губы страстно шепчут мольбу: «Помоги, помоги!»

Под колеблющимся светом лампы ожил лик Богоматери, и ласково, кротко смотрят глаза.

Надежда Михайловна встала, зябко закуталась в мягкую фланель капота и без мысли ходит по комнате. Мягкий ковер заглушает и без того неслышные шаги.

Взглянула на дверь с опущенной портьерой: это дверь в Бороину комнату. Она обещала мужу не ходить больше туда ночью и, от соблазна, отдала вчера ему ключ.

Завтра, при свете дня, под шум-говор людей, простится она с дорогой комнатой и замкнут ее детку одного надолго, надолго! Няня не пойдет туда плакать о Боре. Она говорит, что нельзя тревожить безгрешную душеньку, что материнский страстный призыв связывает его с землей и не дает улететь на небо.

— Если грешу, — пусть! Но неужто причиняю ему страдания, делаю зло, не отпускаю с земли его душу? Я уеду... уеду!.. но не могу сдержать слова и не увезти ничего из его вещей. Нет... не могу... не могу... Это выше сил! Но что взять?.. Все одинаково дорого.

Остановилась, задумалась.

Исхудавшей рукой провела по лбу, по глазам:

— Решено... Беру с собой костюмчик, в котором его принесли в роковое утро. Но где же он?

Вспомнила: он там, в детской, небрежно брошен на белом шкафчике.

Его нужно взять, нужно!..

Но как? Днем — не позволит муж, а ночью? Остался только кружной путь через все комнаты, коридор и комнату Коли, а туда, со смертью Бори, перебралась няня.

Чуток сон у старушки. Вот разве только измучилась с укладкой. Все ведь старается уложить и убрать своими руками, за всем доглядеть. Не доверяет чужим людям. Славная...

— А как хорошо там за дверью! Я там часто и слышала и видела своего мальчика, и не всегда больного, страдающего... Нет...

— Папин бутуз! Мой ненаглядный красавец! Вот и отвык от своего «мне все равно». А как хорошо произносил это его пухленький розовый ротик.

— Боря мой!.. мальчик мой! Боря мой, Боря!..

— Ма-ма...

— Что это? Галлюцинация? бред?

Затихла, чуть дышит. Живут только глаза и слух, напряженный до боли. Нервно колотится сердце...

Гулко-протяжно забили старинные часы в столовой.

Вся встрепенулась... Что это? Похоронный звон?.. Опять по Боре?..

— Боря, Боря мой!

— Ма-ма! — тихий, но ясный призыв из-за двери.

Забыла все — свое решение, обещание, слово.

По залитой лунным светом квартире беззвучно, белой тенью скользит Надежда Михайловна. Неслышно открыла дверь колиной комнаты. Спокойно, крепко спят — мальчик и няня.

Еще несколько шагов, еще одна дверь, и она у Бори.

Темно... Но ничего, она знает здесь каждую пядь.

Глубоко, жадно дышит. Чудится ей, что здесь все пропитано ароматом детского тельца.

Протянула руку, уверенно нащупала костюмчик Бори и с дорогой ношей благополучно вернулась к себе.

Бережно разложила его на одеяле, благоговейно, как перед святыней, опустила перед ним на колени и покрыла его безумными поцелуями.

Что это за комочек попал ей под руку?

— Мальчик мой, я журила тебя за привычку набивать себе кармашки всякой дрянью. Что же в последний раз соблазнило твои глазки?

Трепещущей рукой вынула кусочек шелковой материи. Встала, развернула его при свете лампадки и...

Резкий крик огласил спящую квартиру.

Когда прибежали в спальню, на ковре лежала бесчувственная Надежда Михайловна.

Сжатые губы хранили открытую тайну, длинные ресницы густой тенью легли на побледневшие щеки, а правая рука крепко держала кусочек пестрой шелковой ткани...

Глава 21

Загадка

Косые лучи заходящего солнца, прорезываясь через мохнатые ветки сосен, золотят повисшие в воздухе паутинки — эти печальные предвестники осени.

Обманчивая зелень сосен блестит свежестью после недавнего дождя, но уже пожелтела и шуршит под ногами трава, и жалки одиноко разбросанные в ней цветочки.

Не слышно веселого щебетания птиц, и в затихшем лесу только гулко раздается тукание дятла.

Воздух напоен неуловимым запахом осени: пахнет и увядающей травкой, и грибами, и сыростью от застоявшихся луж.

Притих, затаился, нахмурился лес, прислушиваясь к медленной, разрушительной работе осени.

Солнечные блики легли на твердую дорогу, по которой медленно едут двое всадников.

Эти двое — отделившиеся от большого общества дачников Борок, устроивших прощальный пикник перед возвращением в город — были Захаров и его невеста Надежда Андреевна Дурново.

Им во что бы то ни стало захотелось взглянуть на покинутую усадьбу князей Шацких, о которой ходит столько легенд.

— Быть может, новый управляющий покажет нам дом?

— О, нет, Надин, не надейтесь. Дом и парк не в его ведении, их охраняют старый швейцар и его жена, оба нелюдимые и почти невидимые.

— Пусть так, но это не помешает нам полюбоваться видом на усадьбу, открывающимся с опушки леса.

С этими словами молодая девушка, чуть тронув хлыстом свою лошадь, перевела ее на крупную рысь, и через четверть часа с высокого пригорка глазам их открылась грусть навевающая картина.

Свободно, широко раскинулся сад-парк. Пересекая друг друга, бегут и выются бесчисленные дорожки. Из чащи разросшихся кустарников выглядывают ажурные беседки, длинными гирляндами повис на них плющ. В искусственных причудливых скалах притаились гроты с разбитыми статуями у входов. Одичавшие, сплетшиеся между собою, кусты роз ревниво закрыли дверь павильона, где так загадочно умерла красавица-княгиня. Покосились подгнившие скамейки, разрослись-разползлись сорные травы. Затянулся плесенью уснувший пруд с перекинутым через него воздушным мостом, и молчит на нем засорившийся фонтан.

Огромный дом хранит свои тайны за наглухо заколоченными окнами и дверьми. Покосились, поросли травой ступеньки террасы с двойными белыми колоннами, буйно разросся обвивающий ее дикий виноград.

За домом, среди столетних дубов-великанов, широкая площадка, на которой виднеется домовая церковь с княжеской усыпальницей под ней.

Много, много поколений древнего рода князей Шацких спят вечным сном за массивной, почерневшей от времени железной дверью.

Потускнели, запылились церковные окна, таинственной жутью веет от огромного замка на двери усыпальницы.

— Владимир, вы ведь бывали у прежнего управляющего, неужели он ничего не говорил вам о последней княгине? Умереть такой молодой и прекрасной! За ней захлопнулась эта тяжелая, страшная дверь, а замок, вероятно, так звонко-торжествующе щелкнул.

— Вы слишком впечатлительны, Надин, и я положительно раскаиваюсь, что согласился показать вам эту брошенную усадьбу, вокруг которой создалось столько небылиц.

— Разве трагическая судьба последних Шацких небылица?

— Судьба их реальна, но рассказы о жизни и преступлениях последней княгини и о ее загробных похождениях, конечно, походят на небылицы. Вы не смотрите так упорно на дверь склепа: интересующая вас легендарная венгерка-княгиня не похоронена там. Видите у левого крыла дома, среди голубых елей, точно летящая к небу готическая часовня? Это и есть могила красавицы-княгини, а у ее ног погребен и ее старый слуга, которого она привезла с собой из своего замка и который всегда следовал за ней, как тень.

— Я слышала о таинственной одновременной смерти княгини и этого ее, как вы называете, старого слуги.

— Говорят, он когда-то действительно и был им, в замке ее родителей, при ней же это был скорее какой-то ее друг и поверенный, а вернее, незаменимый и точный исполнитель всех ее преступных поручений. Ей приписывают бесследное исчезновение сначала молодого князя, а потом и его маленьких детей, которых недолго пережила и их несчастная мать.

— Не хочется верить всему, что о ней говорят. Такая красавица и...

— Ее называют в народе ведьмой. А если признавать мудрость народных поговорок, то не забывайте, Надин, что «глас народа — глас Божий».

— Этот же народ уверяет, что ей и ее приятелю не лежит в могиле.

Замолчала, задумалась, вся точно ушла в себя, Надежда Андреевна.

— Едем обратно, пора, — чуть тронул ее за руку Захаров, но, взглядевшись в нее, невольно вскрикнул:

— Что с вами, Надин? вы так побледнели? вам дурно?

— Смотрите, Владимир, на часовне шатается крест... Он падает!.. Над куполом белое облако. Колеблется, кружит-

ся, уплотняется, движется в нашу сторону... Ай...

Лошадь под ней захрапела и бросилась в сторону.

Из раздвинувшихся кустов показался Прайс.

В ту же минуту обе лошади, закусив удила и прижавши плотно уши, бешеным галопом помчались обратно.

В чистом вечернем воздухе гулко раздается топот копыт. Захаров тщетно натягивает повод, его невеста судорожно ухватила за луку и чудом держится в седле.

Звук бешеного лошадиного топота долетел до веселого общества, расположившегося вокруг громадного костра. Кучера бросились наперерез несущимся лошадям.

Надежду Андреевну пришлось буквально снять с седла, а когда ее, еле живую, дрожащую с головы до ног, подвели к костру, то из груди ее вырвался дикий крик, а полные ужаса глаза широко раскрылись...

По другую сторону костра, прислонившись спиной к белому стволу березы, озаренный красным светом огня, стоял ехидно улыбающийся Прайс.

* * *

В то же время целиной леса шли Зенин и Орловский. За ними лениво брела собака последнего. Весь ее вид говорил о том, что она не находит удовольствия в этом бессмысленном блуждании по лесу. И что мне вздумалось идти за ними? Они не собирались брать меня с собою и даже была попытка оставить дома, но вот, поди же, сам навязался, по своей собачьей этике не оставлять своего господина, ну, и казись теперь! Еле переставляет ноги Нептун. Низко опустил голову, а из угла рта бессильной розовой тряпчочкой повис язык.

Стоп! Остановились у самой опушки. Приятным ветерком потянуло с полей и лугов. С затаенной надеждой желанного отдыха поднялись на друзей умные собачьи глаза.

— Отдохнем, дружище, — опустил на зеленую мураву пригорка Зенин.

Без ответа, но явно с большим удовольствием, растянулся рядом с ним Орловский.

Нептуна не пришлось и приглашать, — он немедленно, с шумным вздохом улегся на пригорке.

Сегодня друзья гуляют по лесу Борок только с целью отдыха. Лето для них выдалось очень трудное, хлопотливое, и они решили выделить себе хоть денек полного отдыха и уговорились гнать от себя деловые мысли. Место для отдыха они выбрали очень удачно. Над ними, защищая от солнца, чуть шевелятся ветки деревьев; у ног, значительно ниже опушки, расстилаются поля, пестрые от цветных платочков жниц. Дальше весело зеленеет молодая поросль недавно скошенных заливных лугов, среди которых причудливо вьется речка. Направо, взбираясь по горке деревьями парка, почти до самого леса раскинулась усадьба князей Шацких.

Орловский рассеянно блуждает глазами по прекрасному даже в своем запустении саду, где ласкают его взгляд пышные розы, манят в таинственную тень буйно разросшиеся дубы и клены, улыбаются безрукие нимфы у входов в гроты, интригует угрюмо молчащий громадный белый дом и умиротворяет домовая церковь, купающая свой крест в лучах солнца.

— Много же в этой усадьбе погребено тайн, — невольно высказал Орловский свою мысль, — недаром вокруг этого княжеского имения собралось столько страшных легенд.

— Ах ты, несчастный невольник профессии! — засмеялся Зенин. — В кои веки собрались отдохнуть, и тут твоя мысль не может отделаться от преступлений и загадок. Бери пример с меня, я... Э, да ведь и мои мысли начинают входить в привычное русло. Я, глядя на ту готическую часовню, думал о последнем старом князе и решал вопрос, почему он свою молодую жену не положил в фамильную усыпальницу.

— Да потому, верно, не положил, что ее народ называет ведьмой и оборотнем, а тебе должно быть известно, что глас народа — глас Божий.

— Стыдись, Александр, повторять бабьи сказки.

— Бабы сказки? Молчал бы уж лучше. Я тебе не Кноп и знаю кое-что о твоих приключениях на даче у опушки леса.

Оба засмеялись, вспоминая недавнее приключение, которое в рамке яркого солнечного заката казалось, пусть мало понятным, но все же только комичным бредом. Они склонны были считать Прайса хорошим гипнотизером, а себя жертвами.

Замолчали. На этот раз Орловский крепко закрыл глаза, чтобы, по его выражению, «не допускать в голову уголовных мыслей».

На обоих начала медленно опускаться дрема. Ее спугнул отдаленный галоп лошадей.

— Несет кого-то нелегкая, — недовольно заворчал Зенин, не желавший, чтобы сегодня нарушали их отдых и одиночество.

— Что ты ворчишь, как старая баба? Нам здесь никто не может помешать, мы от дороги отделены густым кустарником и, если притаимся, нашего присутствия никто даже не заподозрит.

— Сюда, Нептун! — позвал Орловский собаку, приказывая ей смирно лежать у его ног.

Таким образом, они стали невольными свидетелями разговора и приключения Захарова и его невесты.

— Чего это испугалась m-lle Дурново? — произнес Зенин, быстро вставая с места.

За противоположными кустами мелькнул и точно растаял Прайс.

Через секунду они оба были уже там, но нигде вблизи не было и признака человека.

— Ищи, — указал Орловский собаке на еле заметный след. Нептун нюхнул его и, весь ошетилившийся, отскочил далеко на дорогу, где, подняв морду, протяжно завыл.

— Что ты за проклятый пес сделался? — сердито выругал его хозяин и тут же, удивленный, умолк.

Зенин, рассматривавший почву, поднялся с колен сильно взволнованный и молчаливым жестом указал на след.

Перед ними был, хоть и еле заметный, — но все же несомненный, так запечатлевшийся в их памяти, след человека, который тянет правую ногу...

— Здесь стоял Прайс, и я теперь с полным правом возьму разрешение на самый тщательный обыск в его квартире, — энергично произнес Зенин.

— И уж на этот раз своей чертовщиной он нас не запугает, — добавил Орловский.

Глава 22

Сорвалось

— Скажи на милость, где ты пропадал? — встретил Зенин нетерпеливым вопросом своего помощника и друга Орловского. — Если бы я знал, что тебе нужно потратить целый день на то, что сделает в час, много в два, любой посыльный, я не стал бы посылать тебя за пустым делом — узнать, где именно проживает в настоящее время, в городе или на даче, та или иная личность. Такая справка получается обыкновенно в адресном столе в несколько минут, а ты зря потратил на это целый день, да еще в такое время, когда нам каждый час дорог. Эх, Александр!.. Ну, что ж ты теперь сидишь, как мокрая курица, или уж Прайс, среди белого дня, напустил на тебя чертовщину? Что ж ты молчишь?

— А вот жду, пока ты не соизволишь выйти из кнопковской роли — отчитывания целый час человека, не давая ему не только вымолвить слова, но даже передохнуть. Велел бы лучше Оксане дать мне чего-нибудь выпить, а то у меня от этого твоего «пустого дела» в глотке пересохло и язык колом стал.

— Да тебя и на самом деле разморило, — заметил Зенин, пристально взглянув на своего друга, который, весь красный и усталый, со сдвинутой на затылок, промокшей от пота жокейкой, сидел бессильным мешком на ближайшем к двери кресле.

— Эй, Оксана! — крикнул он в раскрытую дверь, — принеси-ка из ледника пива. Да ты, может, и голоден? — обратился он к Орловскому.

— Голоден! — огрызнулся последний. — Хорошо вот тебе посылать товарищей по «пустым делам», а самому благодушествовать в гамаке да ругать на чем свет стоит этих же товарищей за медлительность. Нет уж, слуга покорный, теперь тебе пусть помогают посыльные, а по «пустым делам» даже и младших агентов гонять нечего!

— Да ты, я вижу, не на шутку обиделся! Жаль вот, мамы дома нет, а то бы она над тобой, голодным и обиженным мальчиком, целой гаммой сожалений рассыпалась, да обкормила бы до несварения желудка. Ну, гарна дивчина! — обратился он к вошедшей Оксане, — не осталось ли у нас чего-нибудь от обеда?

— А то хибя ни?

— Ну и тащи на стол все, что найдешь без барыни, видишь, Александр Брунович с голоду умирает, с утра не ел.

— А яж таки дывовалась, що пан такой хмурный, а вин голодный. Зараз принесу!

Глубокое молчание воцарилось в комнате, пока Орловский жадно уничтожал все, что неустанно приносила ему Оксана, с удивлением покачивавшая головой, глядя на его небывалый аппетит.

— Ух! — раздалось, наконец, удовлетворенное восклицание насытившегося человека, и с блаженной улыбкой Орловский откинулся на спинку стула, теперь только заметив, что он сидит в своей промокшей жокейке.

— Что за свинья бывает голодный человек, — засмеялся он добродушно. — Что бы подумала обо мне добрейшая Марта Ольгердовна?

Злополучная жокейка полетела в переднюю, где на лету была поймана Оксаной и водворена на вешалку.

— Теперь я к твоим услугам, пойдем в беседку, там говорить удобнее, только, на этот раз я займу твое место в гамаке.

Через минуту, закулив сигару, он и на самом деле вытянулся в гамаке с видом человека, заслужившего основа-

тельный отдых.

— Ну? — нетерпеливо бросил Зенин.

— Эх ты разнукался сегодня, понравилось тебе это глупое восклицание. Что же тебе, собственно, интересно знать?

— Не дури, Александр, нам не до шуток, знаешь сам, как для нас важно скорее произвести обыск, причем прежде на той квартире, где его в данный момент нет, а потом неожиданно нагрянуть и к нему. И так уж, вероятно, Кнош удивлена, что я до сих пор не явился с указанием точных адресов обеих квартир, чтобы получить предписание на производство обыска.

— Успокойся, мой друг, никакого обыска не будет, так как производить его не у кого и негде.

— Как так? Прайс...

— Фюй-ть... испарился.

— Когда и куда?

— Вероятно, в преисподнюю, так как для небес, по моему, не годится.

— Еще раз напоминаю—не время шутить!

— Да я не шучу. Неужели же ты на самом деле подумал, что я способен целый день потратить на такую пустую штуку, как справка в адресном столе и проверка, в которой именно квартире он в настоящее время обретается?

— И что же?

— И узнал, что он обретается и обретался в воздухе, так как никогда в Москве и ее окрестностях прописан не был.

— А дача?

— Что, батенька, дача? Слава Богу, что мы с официальным обыском туда не явились и что о нашем приключении ни одна живая душа не знает. Дача эта нежилая.

— Как так? А разве Прайс там...

— Никогда не жил! Я хозяина дачи разыскал и узнал, что еще ранней весной у него был господин, назвавшийся Прайсом, и снял эту дачу, заплатив за все лето, в чем он ему и расписку выдал, а потом так и не явился, а ключ от дачи и по сие время у хозяина находится.

— Ты в эту дачу, надеюсь, заглянул?

— Угадал. Обстановка все та же, какую я через окно видел, когда ты ее фонарем освещал, — но...

— Что но ?

— На пыльном полу ни признака следов нет, и не только той женской ножки, которую ты тогда обнаружил, но даже и твоих собственных.

— Вот так штука! А наводил ты справки у кого-либо из его знакомых ?

— Был чуть ли не у десятка уважаемых граждан, которые принимали его у себя, и все, точно сговорившись, дают один ответ: да, он у меня бывал, но положительно не помню, где и когда я его к себе пригласил и как-то даже не возникал вопрос об отдаче ему визита. Бывал человек у многих, а почему и для чего, никто не знает, да и только!

В глубокой задумчивости ходил Зенин по аллее. Никак не может разобраться в сообщениях Орловского, а знает его слишком хорошо, чтобы предположить какое-нибудь упущение. А тут ведь Кнопп ждет и, как ни вертись, а являться к нему нужно.

— Едем, Александр, довольно отдыхать!

Против всякого ожидания Кнопп встретил и выслушал их довольно спокойно. Проживание без прописки до уголовного розыска не касается, поговорить же с кем следует о таком нежелательном явлении он взял на себя. Зенина же напутствовал следующими словами:

— Поезжайте немедленно и, во что бы то ни стало, разыщите брата Аннушки, а я здесь, прежде всего, постараюсь спасти невинного Брандта и, авось, попутно удастся осветить это роковое дело.

Похвалил Кнопп также Орловского за осторожное наведение справок:

— Не хватало еще, чтобы и этот «человек воздуха» попал в печать. Довольно уж и без того на нас собак вешают, — были его заключительные слова.

.

В ту же ночь экспресс увозил Зенина на юг. Расположившись в удобном спальном вагоне, он долго не мог уснуть. В монотонном стуке колес слышалось ему насмешливое:

— Сорвалось... Сорвалось... Сорвалось...

Глава 23

Богомольцы

Длинная, широкая, обсаженная по бокам деревьями, бесконечная дорога, так называемый «большак».

Много по ней ездит всякого народа и на лошадях, и на волах, но еще больше в летнюю пору ходит пешком.

Идут такие пешеходы с котомками за плечами, медленным усталым шагом, редко в одиночку, а большею частью группами.

Это богомольцы.

Чем ближе к Киеву, тем, кажется, их все больше и больше.

Да и диво ли? Ведь со всех концов необъятной матушки-России они собираются.

Идут сюда просто угодникам святым поклониться, идут и по обету, а больше всего со скрытым покаянием, с тоской безысходной на душе.

По одному из таких «большаков» идут две богомолки — старуха и молодая бабенка.

Еле-еле. Молодая-то, видать, больше старой притомилась.

— Сядем, бабушка, силушки нет идти.

— Смотри, глупенькая, сядешь — трудно вставать будет. Это уж я опыту знаю.

— Притомилась уж очень, не могу больше, да и глазыньки болят. С Костромской губернии я; у нас все больше леса, летом прохлада-благодать. А здесь, кабы не деревья при дороге, пропасть можно. Глядеть больно: все-то поля да сте-

пи, степи без конца.

Остановилась бабенка, прикрыла рукой глаза от солнца и с тоской посмотрела в одну и другую сторону...

Вот уж поистине:

Нивы, покосы да ширь поднебесная,
Солнце нещадно палит.

Да уж, палит. Непривычному человеку и не выдержать.

— Бабушка, как это здесь народ-то живет?

— Так и живет, да еще и Бога благодарит, глупая. Сколько мы сел да деревень прошли, видела ли ты грязь да бедность непокрытую? Хорошо живут; хатки все белые, при них для прохлады садочки вишневые разведены, а народ все рослый, здоровый.

— Угрюмый он, бабушка. Точно солнце у него всю душу иссушило. У нас ласковой, проще.

— А ты полно-ка Бога гневить. Ишь ведь — всем недовольна. Если уж отдохнуть хочешь, так сядем вот под ту грушу, помолясь, и подкрепимся чем Бог послал.

Сели. Вынули хлеб из котомок. В жестяных чайниках за плечами вода. Размочили хлебец, поели, водой запили. А вода теплая — нагрелась от солнца — невкусная.

Старуха прикорнула у канавки и той же минутой заснула.

Молодая прислонилась к дереву, глядит в даль — задумалась. Видно по ней — невеселые все думы. Вспомнилась ей родная деревня и их избенка на самом краю. Старая уж избенка, на один бок покосилась, оконца маленькие, калитка на одной петле еле держится. Двор наполовину раскрыт, да и на хате солома на крыше почитай что сгнила.

А как хорошо в ней жилось. Мама, всегда ласковая, любила и жалела, как могла баловала свою Груню. «Ну, и Груня ее была хороша, — вспомнила она себя. — Высокая, статная; лицо — кровь с молоком, коса русая ниже пояса, и в ней лента алая бантом завязана...

Хорош был и Гришутка — сын старостин. Любились как с ним, миловались. Думали: счастьем конца не будет. Вый-

дут, бывало, в праздник на гулянье, — все заглядываются: хороша пара! Только отец у него такой строгий да властный. “Не хочу, говорить, снохи от бобылки-нищенки. Перед людьми зазорно, дом осрамишь!”

Гришута — да и мать его — в ногах валялись, молили... Куда тебе! “Убью, — говорить, — а не позволю”!»

Как ни бились, а ничего не поделали.

Сосватали ему невесту из дальних. Не очень, сказать, красивую, но богатую. Тоже одна дочь у отца.

На Грише лица не стало. О Груне и говорить нечего.

Позвал Гриша попрощаться.

День был погожий, солнечный. Идут стежкой по полю, — по бокам рожь высокая, урожайная, васильки синие, ее цветочки любимые, среди золотых колосьев улыбаются: «Что, дескать, не рвешь, венка не плетешь, на русую голову не надеваешь?» В небе ясном жаворонки песней заливаются, а они идут, как к смерти приговоренные.

Взглянула она на Гришу. «В остатний разочек мы увидимся!» Как всплеснула руками! «Мать сыра-земля, возьми ты меня, бесталанную!»

Дрогнул Гришута. Обхватил ее руками, прижал к груди, ласкает, целует, прощения просит. А в чем?

Как расстались, один Господь-Батюшка ведает.

Погубил отец беднягу: не долго с женой пожил. Все, говорят, тосковал, тосковал, тосковал, извелся совсем... потом как-то простудился в обозе и... кончился.

— А я? — Посмотрела на свои руки худые, желтые, на свою грудь впалую и улыбнулась. — Недолго, Гришута, тебя переживу, скоро свидимся.

Она тоже замуж вышла за вдовца — на детей. Только бы из своей деревни подальше уйти — на жену Гришину не глядеть.

Муж не обижает ее, нет: хороший, сердечный. На деток его тож нельзя пожаловаться, а своих Бог не дал.

Только вот душа все болит! Нет места ни в доме, ни в лесу, ни на поле...

— Гриша, сокол мой ясный! Не забыть мне тебя!

Упала на сухую придорожную траву — плачет, зали-

вается...

* * *

Поздний вечер. На селе кончается жизнь. Все натомились — страдная пора.

Особенно тяжело приходится бабам. На поле работа сморила — спины не разогнешь, а дома скотину нужно убирать, ребят досмотреть, всех напоить, накормить, за всеми убирать. А легла — как мертвая. Только, кажется, глаза свела, а уж пастух трубит — нужно коровушку доить, в поле гнать.

Тяжела ты, долюшка женская!

Мудрено ли, что вечером иногда и неласково странный люд примешь? Много больно их тут. Все идут, идут... На пути село. Вот и сегодня двух богомолков на гумне устроила, глянь, — третий идет. Ах, надоедные! Иди вот, ложись под навес!

А одна бабенка молодая, а чуть живая идет. Надо бы ей молочка отнести, да силушки нет. Кажется шага одного не сделаешь... Свалилась баба — уснула...

Затихло село... Все спят сном измученных людей... Даже собаки уснули... Кого тут караулить, да и от кого?.. Завтра и им надо вставать чуть свет. Дело — не дело, а побегайка по жаре целый день за хозяином с поля на гумно, с гумна на поле. Поневоле язык высунешь. А ночь придет — и не до караула.

И крепким сном спят все Рябчики, Жучки да Азорки.

Но не все спят на селе. Шевелится кто-то под навесом. Вздыхнул раз, другой — тяжело так. Слышно, что от какой-то боли вся грудь надрывается.

Вышел за ворота...

Спит село, все белым лунным светом залитое. Легкий предрассветный ветерок в садах чуть-чуть вишневые листочки трогает. Пробежал по лицу странника, волосы его шевельнул таково ласково — точно мать, когда он был маленький.

Да полно, уж был ли он когда-нибудь маленьким? Не веки ли вечные так странствует, покоя не найдет?

Сейчас из Соловков идет — в Киев пробирается. А там, если не простить Господь, может и на Афон пойдет...

На пригорке церковь. В лучах месяца искрится крест.

Опустился на колени, упал головой на пыльную дорогу... Тише, уймись и ты, ветерок. Здесь человек истстрадавшуюся душу к престолу Господа сложил... Тише!..

* * *

Не спится Груне. Дыхания нет, грудь стеснило.

Шатающейся тенью вышла она из гумна.

«Село-то как растянулось-раскинулось и, впрямь, им тут привольно. Наше Черкизово лесом опоясано — стиснуто. Жмитесь-де, человеки, друг к дружке теснее: во взаимной помощи — сила».

Взаимная помощь?! Да когда же человек человеку другом бывает? Не друг он, а зверь лютый. Каждый норовит себе больше урвать, а то и так просто без нужды ближнего загубить.

Гришу отец родной в землю загнал, — а она? Сколько городов, сель, деревень исходила... Нет места, нет покоя!

Человек у нее душу вынул, да вместе с Гришей в землю закопал...

На селе все, до единой душеньки, спят: наработались, устали. А она вот все ходит да бродит.

Господи, есть ли еще у кого на душе тягота такая!

Муж отпустил. Уж какая она ему теперь помощница? «Иди, — говорит, — с Богом, может, покой найдешь!»

Денег на дорогу давал — не взяла. Поклонилась ему в ноги да Христовым именем и пошла.

— Ничего, дойду...

Подняла к небу полные слез глаза, неслышно, точно по воздуху, к церкви идет. Руки, как у лунатика, вперед протянуты.

Споткнулась.

На дороге, распростертый в пыли, человек лежит. Даже не шелохнулся — не почувствовал.

Мертвый ?

Какое! Рыдает глухо, надрывно, головой к земле изо всех сил прижался.

Когда женщина плачет-убивается, жалко ее до слез, а вот когда такой великан-мужчина зарыдает — жутко становится!

Тростинку и ветер клонит, какая же буря этакий дуб с корнем вырвала да на землю бросила?

Кто и с каким утешением к нему подступиться осмелится?

Стоит над ним Груня, не дышит, мужские рыдания слушает, а ей самой на душе все легче и легче становится. Крест ее пригибать к земле перестал. Какой же он был легонький.

Сердце в груди расти и расти начало. Большое — во всю грудь — стало и до краев любовью и жалостью к страждущему ближнему наполнилось.

Нагибается ниже и ниже. Тихо, бережно за плечо тронула.

— Брат мой!..

Вскочил, руки вытянул. Из широко раскрытых глаз ужас светится, зубы мелкую дробь выбивают, и даже волосы — не то их ветерок тронул, не то они дыбом поднялись.

— Сестра? Ты? ты? Боже мой! выше сил! Куда идти? Где спрятаться?!.. За что? Я тебе никакого зла не сделал, за что мучить пришла?.. Не приближайся, уйди!.. Христос с тобой ... Да воскреснет Бог!..

— Что ты, опомнись! — воскликнула отшатнувшаяся от него Груня.

Сжал руки — даже пальцы хрустнули. Провел рукой по глазам, по лбу...

— Ты кто? Почто меня тронула? Подслушать?! Предать хочешь?..

— Что ты? Зачем? Лихо мне стало, душно. На вольный воздух вышла... По святым местам я...

— Лихо тебе? Душит? Мучит кто?.. — Подошел, наклонился к ней. — От кого бежишь по святым местам? — спрашивает шепотом.

— Покойника забыть не могу... а тут ты вот об землю бьешься... душа и не вытерпела.

— Что же, он тебе грозит, покойник-то? — положил ей на плечо руку, а у самого глаза как у волка горят, дыхание со свистом вырывается.

— Нет, не грозит... к себе зовет.

— Как же ты от него спасаешься?

— Больше бегу, куда глаза глядят. Летом в лес — там хорошо... одна... Никто-то твоей душеньки не видит.

— А мне в лесу боязно. Оглянешься этак, а из-за деревьев... Брр... Ну, что уставилась?! Куда идешь?

— В Киев. Схимник там, сказывают, чудеса творит. К нему припаду, в грехах покаюсь, молитвы-благословения попрошу — легче, авось, станет.

— Легче, думаешь, станет? Ха, ха, ха... — озлобленно-горько захохотал мужик. — Слышь! Я в Троице-Сергиевском монастыре молился, в Белобережской пустыне был, на Соловках слезами грудь надорвал, а они... все равно за мной по пятам ходят.

Прошептал, оглянулся... К ней ближе подвинулся...

— Ты что ж, али тож кого потерял? — тихо спросила Груня.

— По-те-рял!.. Ха-ха-ха... Ишь, баба, слово какое придумала! Я... Ну, ты... Иди своей дорогой!.. Полегчает тебе, жди... Кто нам полегчение-то пошлет?

— Бог.

— Да Бога-то нам с тобой покойники загородили. Кровь-то нас душит, заливает. Видишь, кругом даже потемнело...

— Это перед рассветом завсегда темней становится. А ты, давай-ка, помолимся вместе, — потянула она за собой на колени...

— Господи! — в страстном порыве простерла она руки. — Ты звал к себе страждущих, милость свою нам окажи. Помоги, спаси, просвети...

Как бы в ответ на эту горячую молитву, чуть забрезжила розовая полоска утренней зари.

Глава 24

Последняя ставка

Конец марта. Широким снопом врываются лучи солнца в большой, казенно обставленный кабинет Кноппа. Весело рассыпались по кипам бумаг на столе, шаловливо пробежали по шкафам с книгами и как бы удивленно остановились на двух понурых фигурах.

Что это? Вся природа оживает, звери радуются, птицы хвалу поют Господу, а тут сидит человек в кресле, облокотился локтями на стол, сжал руками голову и даже глаза закрыл, точно ему на солнышко весеннее глядеть тошно.

Другой стоит у порога, руки безжизненно свесил, в лице ни кровинки, глаза глубоко ввалились и весь как-то обвис. Но вот он тяжело вздохнул, встрепенулся.

— Так разрешите взять наряд.

— Берите, Зенин. Вы говорите, что не уверены в успехе, может, у мужика совсем не то на совести.

— Это последняя ставка, Рудольф Антонович. Если сорвется, больше меня живым не увидите.

— Стыдитесь, Зенин! Не смейте даже думать об этом... У вас на руках старушка-мать, а по слухам — и невеста. Вся ваша будущность еще впереди, — сказал, выпрямляясь в кресле, Кнопп.

Он тоже изменился за эти девять месяцев. Виски совершенно побелели, на лбу глубокая морщина залегла, глаза как-то потухли — нет в них прежней жизни и энергии.

— Старушка-мать, глядя на меня, и так, можно сказать, одной ногой в гроб стала, — возразил печально Зенин. — С провалом же этого дела будущее мое бесславно, и карьера погибнет. Что же касается невесты, то не свяжу же я юную жизнь ее с... неудачником.

— Да, проклятое, заколдованное дело, Зенин! Слава Богу еще, что удалось найти эту прислугу трактирщика, живущего как раз против Брандта, и что от самой остановки трамвая она шла за ним, завидуя его букету, а придя домой, тотчас же посмотрела на часы, так как обязана была к девяти часам вернуться домой. Благодаря этому обстоятельству удалось установить алиби несчастного Брандта и, таким образом, на нашей совести не будет лежать еще и предание суду невинного. Все это разъяснилось во время вашего отсутствия, и Брандт уже освобожден на поруки. Но неужели же поездка ваша оказалась совершенно безрезультатной, и преступник исчез бесследно?

— Я весь юг, мало сказать, изъездил: исходил, перетряс всю округу, где живет Аннушкина родня... Провалился человек сквозь землю да и только.

— Почему же вы хотите оцепить ночлежный дом Курочкина?

— Я уже две ночи с Орловским там ночую — он тоже с этим делом не меньше моего извелся. Обратил наше внимание один мужичок пьяный. Видно, что человек не в себе. Днем пьет в одиночку в трактире, а вечером к Курочкину идет. Глаза у него, как у волка, горят... На людей зверем рычит, а заснет под утро — все мечется и бредит. Да и наружность его как будто к описанию подходит. Сегодня мы решили рядом с ним лечь — не удастся ли подслушать чего.

— Смотрите, будьте осторожны — не узнали бы вас. Это опасный притон, там собираются люди аховые.

— Мы хорошо загримируемся.

— Не приходите же в отчаяние в случае неудачи. Не забывайте хорошей поговорки доктора Карпова: «Правда, как шило в мешке, когда-нибудь да покажется», — попробовал пошутить Кноп. — Ну, идите с Богом!

Зенин поклонился и вышел из кабинета.

Кноп проводил его тревожным взглядом.

— Что-то будет? Не нравится мне его вид, неужели еще раз прольется невинная кровь в этом проклятом деле? Спаси, Боже! Сам тоже хоть в отставку подавай. Людям в глаза взглянуть стыдно. Говорят, отдал дело в молодые руки...

Но ведь руки-то золотые... Умный, ловкий, бесстрашный... Кому же было и отдать? Э-эх! — вяло протянул руку к звонку.

— Скажите там — на сегодня занятия кончены, пусть останутся двое дежурных.

Глава 25

Ночлежный дом Курочкина

Тускло светят лампы за закоптелыми окнами ночлежки Курочкина. Это, кажется, самый грязный притон из всех ему подобных. Сколько раз уж его закрыть грозились.

А любят его очень «рыцари дна». Всегда там переполнено. Кого-кого только там нет: женщины, мужчины, подростки...

Вот ковыляет, опираясь на палку, в рваном подряснике и грязной скуфейке, странник. На ногах у него порыжевшие истоптанные сапоги, за спиной холщовая котомка, борода какая-то нелепая торчит, волосы в тонкую косичку заплетены.

Вошел, огляделся, потянул носом воздух — головой потряс, чихнул.

— Со свежего-то воздуха ничего! Доброго вечера, братие...

Кто промолчал, кто обругался, а кто просто к черту пошлал.

— Тесно тут и без тебя, долгогривый.

— Куда тебя прет, окаянный! — пихнул его с крайних нар угрюмый черный мужик. — Тут уж и так развалилась какая-то татарская морда — ишь, свистит во все завертки! А вот те садану в брюхо, свиное ухо!

— Почто сквернословием уста свои оскверняешь, человек? И татарин по образу и подобию Божию сотворен. Когда вошел Иисус Христос во Капернаум...

— Заткни глотку, длиннополый! Сказал — тесно, сгинь!..

— Я отойду, отойду, человеке Божий, почто гневаешься на брата своего?

— Эй, святой отец, подь ко мне, у меня под боком свободно и тепло, — приподнялась оборванная, грязная, пьяная и старая мегера.

— Не соблазняй меня, дочь Евы. От юности моей убохся соблазнов мира сего и отошел от...

Грубый толчок угрюмого мужика прервал его речь, и он сразу вылетел на середину прохода.

— Го... Го... Го... — одобрительно загоготала ночлежка.

— Хорошень его! Что он, дверями, что ли, ошибся? За монастырь ночлежку принял?

— Аль не пондравилось, отче? Что спину-то почесываешь? — толкнул его какой-то оборванец.

— А ты дай сдачи! К воронам, брат, залетел — по-вороньи и каркай.

— Господь Бог наш заповедал ненавидящих тя прощать и за врагов своих молиться...

— А ты обедню-то брось служить! А то как бы по тебе панихиды не запели, — снова гаркнул угрюмый мужик.

— Ой, батюшки, убил! Ой, помогите! — выскочила из угла девица с грубо раскрашенным лицом, одетая в яркое, грязное платье. Платок с головы был сдернут, волосы растрепаны. Ее догонял ражий детина.

— Давай деньги, сукина дочь! — звонкая пощечина огласила ночлежку.

— Ну-ну, Федюха! Бей с умом, патрета Маньке не порти — спросу не будет, — раздался с нар чей-то голос.

Вдруг дверь широко распахнулась и, в клубах свежего воздуха, с гармошкой в руках, подплясывая и подпевая частушку, появился рыжий, веснушчатый молодой парень. Лицо его оживляла пьяная улыбка человека, довольного всем и всеми.

— Что за шум?.. Мир честной компании!

— А-а, Санька удалая головушка!

— Что давно тебя не видать было?

— Где пребывал-проживал? — раздалось со всех сторон.

— Я у тятеньки бывал
Под мосточком проживал
И-их я! Их-яя! Их-я-да-я!

Заплясал парень, а из глаз так и брызжет веселье. На нем розовая разорванная рубаха, топорщась и пузырясь, тоже будто подплясывала.

— Эй, дьявол! Спать пришел, так спи, а то живо выставлю!

— Э-эй, лорд-милорд, Личард Львиное Сердце! Что так грозен? Аль я тебе помешал?

— Коли б не мешал, я б тебе и не говорил.

— Наше вам с кисточкой! Да коли ж русскому человеку веселье мешало? Вот весна идет, всякая букашка радуется, и у меня в грудях... слушай-ка, — во! — ударил он себя в грудь. — Гудет, песня просится. Э-эх, закручу горе веревочкой, да и на Волгу-матушку. Живи — не хочу!

— А у меня тут, — ударил себя в грудь выступивший на середину угрюмый мужик, — тоже гудет, только не веселье, а тоска-кручинушка.

— Да неужли тебе, мил человек, разогнать ее нечем? На Волге тесно, — в степи кинься. Широка, привольна наша мать-Рассеюшка... Э-эх, ты!..

Ходи горы, ходи лес,
Тоску-горе медведь ешь!
Э-эх, ты, ты-да-ты,
Эх, ты-да-ты-да-ты.

— Эй, Санюха! Обувка-то у тебя в каком модном магазине куплена? — подмигнула ему Манька.

— Моя-та? — поглядел Санька на свои ноги, из которых на одной была опорка, а на другой рваная калоша, — чем не обувка?.. Я в своих туфлях гляди-ка как трепака откалываю...

Пойдем, девица, со мной,
Под мостом устроим дом...

Обхватил он Маньку.

— Пш-ла, рвань! — отмахнулась та.

Санька дернул гармошку, подбоченился и пустился в пляс.

Не хотят любить коль девки,
Так напьюся я горелки,
Эх ба-а-рыня, — су-да-а-рыня,
Барыня-сударыня, сударыня-барыня...

— Не пляши, говорю! Душу выматываешь !

— Я-то, голубь ? А ты выпей, полегчает. Глянь-ка вот — пронес...

Вытащил из кармана порядком отпитую бутылку и протянул угрюмому мужику.

— Пей, мил человек, всякую кручину как рукой снимет...

Вот и я, молодчик красный,
Поглядите, сколь прекрасный
Эх-я-я-да-я,
Э-х-я-да я.

Снова заплясал Санька.

— Сгинь, черт... убью! — сверкнул на него глазами, отрываясь от бутылки, угрюмый мужик. — Говорю, в грудях тоски полно... Не мути...

— Да как ты меня убьешь, голубь? Всякая мертвая душа упокоения себе требует, а я вот — плясать хочу... Да и куда ты меня приткнешь? У Бога меня не примут, потому я там с гармошкой к ангельскому пению не приспособлюсь, да и Господа обеспокою, а...

— К черту на рога отправлю! Плясун проклятый!

— Э-эх, голова! Да у черта, по писанию, плач и скрежет зубовный полагаются, да еще гиенна огненная, а я...

Моя глотка водки хочет,
А душа веселья просит,
Эх, ба-арыня, су-д-а...

Фь-ю-ю... прорезала воздух брошенная сильной рукой бутылка... С мягким цоканьем ударилась об висок Саньки и мелкими брызгами рассыпалась по асфальтовому полу...

Санька пошатнулся, как-то нелепо взмахнул руками и рухнул на пол... В голубых глазах еще не остыло веселье, на губах дрожала улыбка, плечо здорово вздернулось, рука не выпустила гармоники, а правая нога слегка подогнулась, как будто готовилась пуститься в пляс.

Тихо стало... Полет мухи услышишь...

Угрюмый мужик посмотрел на Саньку, тряхнул головой, точно отбрасывая докучливые мысли, перекрестился и протянул руки...

— Вяжите меня, православные! Душа покаяния просит... Сколько времени по святым местам ходил — почитай, где был... не полегчало.... Упокойники замучили... а теперь еще Санька на душу лег... Братцы, ведь это я прошлым летом в Борках полковника убил...

.

Ловко щелкнул вынутыми из котомки стальными наручниками странник, сдергивая на ходу скуфейку и бородку.

Тревожной трелью залился свисток у вскочившего с нар татарина...

Глава 26

Исповедь преступника

Камера судебного следователя.

Следователь Зорин важно-сосредоточенный и чуть-чуть недовольный. Все дело шло не по тому пути, как он предназначал и повел.

С левой стороны, за отдельным столом, — секретарь.

Сидит он скромно, а все подследственные всегда недоброжелательно косятся в его сторону. Он для них страшнее следователя. Молчит человек, а сам по бумаге пером скрипит и всякое необдуманное слово запишет, а ты потом поди-попробуй, вывернись. А тут еще следователь, как гончая собака, со всех сторон тебя, точно зверя, вопросами загоняет — вот-вот за глотку схватит.

Народ — не приведи Господи. С ними ухо держи востро да востро, а то, того и гляди, подведут.

Сегодняшний подследственный не думает этого.

Стоит спокойно. В глазах и следа нет напряженности, наоборот, они у него каким-то тихим светом поблескивают, точно приласкать и ободрить хотят и следователя, строго нахмуренного, и Зенина с Орловским, стоящих в амбразуре окна, да и писаку этого, для других столь ненавистного.

Пиши, дескать, Господь с тобой, коли ты на то приставлен, а мне остерегаться да увертываться нечего. Скорей бы только кончили. И в Сибири да в каторге все люди живут.

Упокойники отошли. Спится ему так спокойно, точно на совести ни малейшего пятнышка не было. Даже Санька — жертва несчастная — сегодня ночью привиделся, как всегда, веселый да радостный: «Ничего, — говорит, — обо мне не сокрушайся!»

Начался допрос... Посыпались официальные вопросы, ответы записаны.

— Теперь вы, быть может, без вопросов, сами расскажете, как было дело.

— Расскажу, ваше благородие, не извольте сумлеваться. Все без утайки, как было, поведаю.

Переступил с ноги на ногу, отчего кандалы тихо звякнули, и начал:

— В утро то, значит, это разнесчастное, часов около одиннадцати, а может, раньше или позже немного, пришел я к сестре Аннушке попрощаться, так что совсем уж собравшись был на заработки отъезжать.

Вошел это, значит, в дачу, Ивана-дворника не встретил. Совсем уж было за ручку взялся на кухню дверь отворять, да слышу, барин покойный Аннушку так-то ругает — страсть... «Ну, думаю, — не ко время пришел». Слышу, голоса к двери приближаются. Куда бы тут спрятаться, на глаза б ему не попасть. Гляжу — лестница на чердак, я туда и кинулся. К слуховому окну подошел, а они уж во дворе были.

Слов разобрать доподлинно нельзя было, а только слышать, кричит барин, за беспорядки какие-то злится, аж от земли, как мячик, подпрыгивает, а руками-то так и машет, чуть в лицо Аннушке не попадает. Я к стеклу прижался, про всякую осторожность забыл: вот, думаю, ударит...

Тут-то ангел-хранитель мой от меня и отступился.

У барина на руке перстень заиграл... Да как заиграл-то! Блестит, огнями разными переливается, искрами по всей руке рассыпается.

Отошел я, на балку сел... А перстень все не отходит. Стоит перед глазами да огнями переливается. Чисто наваждение какое.

А бес-искуситель все в уши шепчет: «Дождись ночи — укради. Никто тебя не видал, Аннушка дверей из сеней в кухню никогда не запирает, а там... Если все, значить обойдется благополучно, пойду себе потихонечку. Дачи задами, почитай, к лесу подходят, верст двадцать пешком отмахая, а там и на чутунку...

Продам там на юге перстень, до осени где-нигде проболтаюсь, а потом и вернусь. С заработков, дескать, деньги привез. Избу справлю, лошадку куплю. Всех денег сразу сказывать не стану, а помаленьку развертываться буду».

За мыслями теми я и дня не заметил. Темнеть стало... а там все и успокоилось.

Пора...

Иду — молюсь. Не отступись, Царица небесная!

Вошел в кухню... Ни дверь, ни половица не скрипнула.

Аннушка спит. Поглядел я на нее, подумал: отдохнешь и ты, не будет на тебя руками махать крикун проклятый. За день-то злоба у меня на него разгорелась и вот диво-то: не так за крик его, как за перстень за этот самый.

Иди вот, думаю, кради его. А попадешься — не помилуют...

У плиты топор блеснул. Прихватил я его так, без определенной мысли, по привычке скорей хозяйственной.

В комнатах боялся заплутаться — никогда там не бывал — да сам барин выручил: так-то здорово храпит-посвистывает.

На свист этот я и пошел. Спит, видать, крепко.

Спички в кармане нащупал, чиркнул раз. Где ему услышать...

Быть может, перстень враз запримечу — возьму его, да так, по-хорошему, и уйду...

Тут и зацепись я за стул. Так, самую малость его подвинул.

Барин храпеть перестал — на свое горе чуток оказался.

Я к стене подался, занавеску какую-то нащупал, за нее спрятался.

Слышу, кровать скрипнула... Свечку зажег...

Ну, думаю, пропала моя головушка.

Тут только я про топор и вспомнил — в правую руку его переложил, стою — недохну.

Слышу, туфлями шаркает...

Такая ли у меня на него злость поднялась, сказать не могу.

Ах, ты, думаю, гадина проклятая! День-деньской на всех без пути кричишь, и ночью на тебя утомону нет!

Гляжу, к балконным дверям подошел, отомкнул.

Ну, думаю, сейчас увидит, что там никого нет, обернется, пропаду...

Как я к нему подскочил, как замахнулся — не помню.

А вот как у него голова хряснула да как подсвечник по полу покатился — и сейчас слышу...

Тут я и топор выпустил — руки жег...

Теперь уж дорогу в спальню я знал... Ощупью кругом стола прошел, спичку чиркнул. Вижу, свечка при зеркале стоит, зажег ее. Теперь чего бояться...

А барыня с барышней? Аж дух у меня заняло.

Про топор вспомнил, да идти за ним боязно,

Тут бритву на столе увидал, взял ее, вернулся в коридор — там под одними дверями чуточную полоску свету видеть.

Не спит, думаю, которая-то.

Справиться с ними и с двумя сразу — плевое дело, иначе крику наделают, Аннушку разбудят, в свидетели против родного брата попадет, а то и к делу припугают — жалко...

Одначе, идти надо. Перекрестился да дверь-то со светом разом и размахнул.

В комнате лампочка голубенькая горит. Барышня спит-почивает так сладко — а сама сквозь сон улыбается. Волоски кольчиком завились, по подушке рассыпались, щечки, как маков цвет, горят, губки чуточку раскрыла...

Гляжу на нее — люблюсь. А сердце у меня, что птица в клетке, трепещется. Жалость его щемит... Ну, да своя рубашка к телу ближе.

Взмахнул рукой... Один разок по горлышку только провел, а головка, почитай, отделилась...

Она не только не охнула, а даже губками не шевельнула. Так с улыбочкой Господу Богу и представилась. Такой и ко мне всегда являлась...

Долго я на нее смотреть не стал. Дверь к барыне открыта была... вошел...

Спит — ничего не чувствует. Только, когда подошел к ней, глазами вскинула да таково ли страшно взглянула, что я свету не взвидел — за себя испугался.

Ну, уж эту за волоса схватил, резанул как следует...

А потом... то ли свет от лампадки мигаючи по ее лицу скользнул, то ли она мне глазами моргнула, а только спужался я...

Насилу в себя пришел... Когда выходил — шатался, за стулья да за столы схватывался. Тут мне как-то и сережки ее подвернулись.

Рассказчик замолчал, задумался.

Слушателям его жутко стало. Ни одним вопросом следователь тишины не нарушил. Никто не пошелохнулся — все замерли...

— А там, — опять ровно, монотонно начал преступник свой рассказ-покаяние, — от барышни выйдя, прислушался: сестру не разбудил ли.

Нет, все тихо...

В спальню вернулся — там свечка горит. Гляжу — на столике при кровати и ключи лежат.

Тихонечко шкаф открыл — денег там всего семьсот с небольшим на виду лежало — серебро, да вещички кое-какие попали. Тут же платок шелковый лежал — в него все и завернул.

Вдруг... чую: есть кто-то в доме кроме меня, да и только...

Аннушка, что ли, проснулась? Пойти, встретить? Окликнуть? Испугается — шуму наделает.

Задул свечу, чтобы полковника она не увидала. Иду потихоньку, дорогу уж знаю... Только вдруг... слышу, у барышни в комнате что-то чмокает, не то хрюкает. А потом, как взвизгнет кто-то... да босыми ногами затопочет... Мать Пресвятая Богородица! Опамятовался я только, когда я уж в лесе был...

Водворилось молчание.

Вдруг резко загремел опрокинутый стул, и на середину комнаты вылетел Зенин.

— Где руки мыл? Говори!

— Я их совсем не мыл, — просто о барынины косы вытер!

— Аннушка тебя испугалась?

— Никак нет, Аннушка меня не видела. Я еще порога бариновой комнаты не переступил, когда крик и топот услышал. О ее смерти уж месяц спустя в трактире из разговоров узнал!

Снова наступило молчание. Где-то под потолком зажужжала попавшая в невидимую паутину муха. Ее предсмертный не то плач, не то вопль о помощи нашли отклик в страдавшей душе; резко звякнули кандалы упавшего на колени преступника, и с его уст сорвалась мольба:

— Вели казнить меня, ваше благородие, только сними с души грех!

Следователь очнулся. Рука твердо нажала электрический звонок...

— Уведите обвиняемого, — коротко приказал он появившейся страже.

Глава 27

Пророческие слова

— Вот это называется «закатали», — встретил Кнопп Зенина и Орловского на другой день после процесса убийцы семьи Ромовых.

Удачное окончание дела повлияло сильно на настроение начальника сыскной полиции. От уныния минувших дней не осталось и следа, забылись нападки высшего начальства, газетные насмешки. Теперь он, Кнопп, сделался снова достойным своего поста, ему льстили, его восхваляли, поздравляли с успехом. Он старался стать выше этих преувеличенных выражений восхищения и в то же время невольно поддавался их ласкающему самолюбию действию. Кнопп вновь обрел свое всегда веселое расположение духа, был опять всеми и всем доволен и ко всем благорасположен.

— Да, пожизненные каторжные работы, — повторял он, — постарались, постарались...

— На что же иное мог рассчитывать убийца при таком составе присяжных вообще, а убийца Ромова, столь влиятельной и даже высокопоставленной, если можно так выразиться, особы, в особенности, — заметил Зенин.

Кнопп покачал головой в знак согласия.

— Ну, а... как там этот Трофим... да... да... Яков? — спросил он затем.

В его голосе послышались сочувственные нотки, что последний раз доказывало, что между преступниками и чинами уголовной полиции устанавливалась в результате невольного общения своего рода внутренняя связь, выражающаяся у последних известной симпатией, связанной с искренним сочувствием и сожалением.

— Бедный малый искренне радуется приговору, — ответил Зенин. — Я видел его вчера после заседания. Яков валялся у меня в ногах и со слезами на глазах благодарил меня. Он рад наказанию: оно снимает тяжелый камень с сердца, освобождает беднягу от страшного кошмара, от которого он не мог избавиться с самого момента убийства Ромовых.

— Тем лучше, тем лучше. Пожизненная каторга — слово страшное, но... существуют еще амнистии, облегчения условий каторжного быта, сокращение срока за хорошее поведение. Ничто не вечно под луной, Зенин, и каторга в том числе... Несмотря на это преступление, Яков мне кажется хорошим малым.

Кнопп посмотрел на часы и встал от стола.

— А затем, — сказал он, кладя руки на плечи агентам, — позвольте же поблагодарить вас, молодцы! Ведь только благодаря вашему усердию удалось выйти с честью из этого проклятого положения!

Кнопп жестом указал на исписанный лист бумаги на столе.

— Я представил вас обоих к награде и, кроме того, с этого дня каждый из вас получает соответствующее повышение!

Оба сотрудника сердечно поблагодарили начальника, но чуткий Кнопп вдруг уловил непонятную сдержанность в голосе Зенина. Он снова сел за стол и окинул агента ис-

пытующим взглядом.

— В чем же дело, Зенин? — прямо спросил он. — Вы как будто недовольны... Что у вас там на душе? Прайс?..

— Вы угадали, начальник, — ответил Зенин, слегка нахмурившись. — Дело по убийству семьи Ромовых закончилось прекрасно для широкой публики, для лиц непосвященных, но себя-то мы обманывать не можем, начальник. Мы не выяснили причин ночного посещения дачи Ромовых Прайсом, мы не можем себе объяснить, откуда происходила странная ранка на шее дочери, мы не разгадали тайны «черного барина», пугающего даже зверей, и следа волочащейся ноги...

— И вы, конечно, не оставили своего намерения продолжать расследование, Зенин? — перебил агента Кноп. — Выкладываете все начистоту.

— Я кое-что узнал, начальник. Вы помните, я когда-то говорил вам, что подозреваю, что Прайс иностранец... Я стал рыскать по консульствам, нащупывая осторожно почву. И вот оказалось, что Прайс известен австро-венгерскому посольству в Петербурге. Он значится в списках венгерских подданных, как уроженец Пресбурга, приехавший в Россию по коммерческим делам. Это все... В России он не являлся ни в одну губернаторскую канцелярию и нигде не прописывался. Он таинственно жил и так же таинственно исчез.

Кноп улыбнулся; улыбка его, однако, не означала, что он считает интерес Зенина к личности Прайса преувеличенным.

— Что же вы думаете о нем, Зенин? — спросил он. — Как ни странным кажется факт, что появление Прайса пугает лошадей, и те явления на даче, которые, признаюсь, я считал результатом обильного воздействия, все же господин этот не призрак, я полагаю.

— Не подлежит сомнению, — поспешно возразил Зенин и, немного помолчав, продолжал:

— Прайс, по-моему, принадлежит к преступникам, пользующимся для своих целей оккультными знаниями. Россия еще не знает подобной категории преступников, но в анна-

лах Скотлэнд-Ярда и парижского «sûreté» вы найдете нечто в этом роде. Не исключается возможность, что за спиной этого Прайса скрывается целая организация, преследующая неизвестные нам пока цели. Прайс втерся почти во все дома лиц более или менее известных, причем никто не может сказать, где и через кого с ним познакомился. По паспорту Прайс значится коммерсантом, но его занятия коммерцией заключались в гадании на картах, медиумизме, сеансах ясновидения. Обратите внимание при этом, начальник, на то обстоятельство, что Прайс никогда не брал денег.

— Не брал денег?

— Никогда. Между прочим, он бывал и у Ромовых. С какой целью посетил он этот дом ночью? И что случилось бы, не вмешайся этот Яков? Может быть, вся семья пала бы жертвой этого таинственного спирита, может быть, уже были иные жертвы, только полиция не обратила внимания на характерные подробности, может быть, еще будут жертвы...

Кнопп порывисто встал.

— Вы правы, Зенин, — горячо воскликнул он, — мы не можем успокоиться, пока не восстановим всех фактов жизни Прайса. Отныне я начинаю «дело Прайса». Оно должно быть пока секретным, и никто, кроме нас троих, не должен знать ничего. Предварительное расследование я поручаю вам, Зенин, и в помощники вам назначаю Орловского!

— Я даю вам обещание закончить с честью это дело, — воскликнул Зенин. — Я клянусь найти этого таинственного незнакомца...

— И мы сведем с ними счеты, — добавил Орловский.

Его словам суждено было стать пророческими. Скорее, чем они предполагали, одному из них пришлось свести жестокие и роковые счеты.

— Одному из них пришлось свести жестокие и роковые счеты, — громко повторил Леруа и машинально притянул к себе вторую объемистую тетрадь, озаглавленную: «ПАНИКА В БОРКАХ». Открыл наугад и перед его глазами замелькали новые лица — англичане, японцы, китайцы...

Жутью повеяло от загадочной смерти его соотечественницы Перье, и он отодвинул рукопись. — Отступить? Не вмешиваться?.. Еще не поздно, — пробежали мысли в усталом мозгу.

— Нет! Только до завтра! — В его голосе прозвучала решимость.

Тетрадь с тайнами титулованных лиц попала в секретный ящик стола и дважды громко, зловеще щелкнул замок...

Только теперь заметил г. Леруа, как бледно горит его лампа, уступая место живому свету наступающего утра, и устало откинулся в кресле...

Книга публикуется по первоизданию (Рига, изд. М. Дидковского, 1931) с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В оформлении обложки использован фрагмент работы Ф. Эйхенберга.

Оглавление

Пролог. Трагедия на Гренельской улице	7
Глава 1. Маленький Шерлок Хольмс	15
Глава 2. Что скрывали ставни	21
Глава 3. Подозрения следователя	16
Глава 4. Загадочные следы	34
Глава 5. Неудачный день	38
Глава 6. Дом № 54-ый	42
Глава 7. Снова загадочные следы	46
Глава 8. В одиночном заключении	51
Глава 9. Тяжелое обвинение	53
Глава 10. У камина	57
Глава 11. По грибы	64
Глава 12. Без заглавия	68
Глава 13. Дача на опушке леса	72
Глава 14. Ночное	76
Глава 15. Праздник в Озерках	81
Глава 16. Коля не помнит	85
Глава 17. Болтовня на кругу	88

Глава 18. Начальство гневается	93
Глава 19. Спиритический сеанс	96
Глава 20. Властный призыв	104
Глава 21. Загадка	108
Глава 22. Сорвалось	114
Глава 23. Богомольцы	118
Глава 24. Последняя ставка	125
Глава 25. Ночлежный дом Курочкина	127
Глава 26. Исповедь преступника	132
Глава 27. Пророческие слова	137

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.